

1240240

83.3(2Рос=Рус)
Ф75

Фольклор и литература
Зауралья
(Часть II)

83.3(2Рос=Рус) +
Ф 75

Фольклор и литература Зауралья

Учебное пособие
для учителей
и учащихся
(5-11 классы)

2 ЧАСТЬ

Курганская область
Библиотека
им. А. Е. Юган
Книгохранилище

Курган, 2000

1.240.240

Исследование проведено
при поддержке Гранта РГНФ
(01.9.80.004955)

Фольклор и литература Зауралья. Региональный компонент государственного образовательного стандарта по литературе: Учебное пособие для учителей и учащихся (5 - 11 классы). Курган, 2000.

Под общей ред. доктора филологических наук Федоровой В.П.

Авторский коллектив: **Федорова В. П.** (Предисловие, Введение, главы: «В. П. Бирюков», «Десять ответов собирателям фольклора», «Устное народное творчество», «Народные сказки», «Мифологические сюжеты и образы», «Библийские сюжеты», «Древняя книга в жизни зауральцев», «Народные лирические песни», «Исторические песни», «Частушки», «Старинная русская свадьба», «Владимир Трегубов», «В. А. Жуковский и Зауралье», «А. С. Пушкин и Зауралье», «В. С. Меньшиков», «А. Н. Еранцев», «А. М. Виноградов», «Поэзия 1980-1990 гг.»), **Мирнова Л. А.** (главы «В. К. Кюхельбекер», «Д.Н. Мамин-Сибиряк», «Е. А. Федоров», «К. Д. Носилов», «К. К. Худяков», «Б. А. Ручьев», «В. Ф. Потанин», «В. И. Еловских», «Г. П. Устюжанин», «В. П. Федорова», «М. С. Керченко»), **Тихонова Л. Б.** (главы «Л.И. Куликов», «Н.И. Лорер», «А.Е. Розен», «А.Ф. Мерзляков», «А.Н. Югов»), **Фаткулина Л. В.** («И. П. Яган»), **Янко М. Д.** («А. Н. Зырянов»).

Рецензенты:

Лазарев А. И., доктор филологических наук, академик Петровской академии наук, зав. кафедрой фольклора и литературы Челябинского государственного университета,

Меньшиков В. С., отв. Секретарь Курганской писательской организации,

Беляева Н. Р., заместитель директора Курганского ИМЦ.

В настоящем учебном пособии фольклор и литература Зауралья впервые рассматриваются как неотъемлемый компонент федеральной программы по литературе. Вводятся новые фактологические материалы по фольклору, исследуется творчество писателей, связанных с Зауральем. Выявляются специфика искусства слова Зауралья и его общерусские традиции.

Книга адресуется учителям, учащимся, студентам, а также всем читателям, которым интересна и дорога культура нашего края.

Лицензия ЛР 071414 от 24.03.1997 г.

ISBN 5-86047-126-2

© Главное управление образования Курганской области
© Издательство "Зауралье"

Константин Дмитриевич Носилов (1858-1923)

Мы бесхозяйственно, бездарно беспамятливы, когда забываем таких людей. Забывание нажитого человеческого опыта трагически пагубно для любого народа. Помня о таких людях, как Носилов, мы сами становимся духовно богаче. Память о нем уже не нужна ему. Она нужна нам.

А. Омельчук.

Зауралье - родина человека, которого до революции знала вся Россия. Имя этого человека Константин Дмитриевич Носилов, чьи книжки в бумажных переплетах расходились миллионами экземпляров по России. Но о нем нельзя сказать просто - это писатель, и начать рассказ о литературной деятельности, хотя она занимала большое место в его жизни, ей отдано более четырех десятилетий его жизни. Странно, но и сегодня мы не знаем, кем же считал себя сам Носилов. Журналистом? Этнографом? Полярным путешественником? Геологом? Все это изумительно органично соединила в себе личность, о которой с искренним восхищением говорил Павел Бажов: "О Носилове можно написать целое исследование! Ведь он был первым русским человеком, который предлагал проект освоения Ямальского полуострова и рассказывал о народностях Севера, которых царские чиновники и купечество называли самоедами... Мы еще вернемся к Северу Тюменской области, вот увидите!" Как точно выразился уральский мастер: "Первый русский человек", да, Носилов часто оказывался первым русским человеком там, где требовалось быть первым. И тем более обидно, что имя его сегодня ставят в серию "Забутые имена". Каким был Константин Дмитриевич Носилов, прошедший смело и дерзновенно свой жизненный путь, сумевший сделать немало? Говорить о нем будем, прежде всего, как о человеке пишущем, т. к. это было его способом влияния на действительность, не единственным, но главным.

К. Д. Носилов родился 17 октября 1858 года в селе Маслянском, Шадринского уезда, Пермской губернии в семье потомственных сельских священников. Среди его близких друзей, соратников и знакомых немало бывших семинаристов, поповских детей. Знаменитый изобретатель радио Александр Попов, писатель Порфирий Инфантьев, математик Иван Первушин, книгоиздатель Дмитрий Тихомиров, его биограф Владимир Бирюков, Павел Бажов. Это объяснялось тем, что, во-первых: церковники владели грамотой в России, а, во-вторых, сельское духовенство было весьма близко к народу, видело его нужду и выросло в их среде племя демократов в рясах, а возможностей учиться они имели больше, чем крестьяне.

Семья Носилова была большая, ее стержнем был отец - Дмитрий Иванович Носилов. Он был склонен к писательству, в специальные тетради заносил описания текущих дней, вел как бы дневник. Отец был строг, даже суров, скуповат. У него Константин научился расчетливо тратить каждую копейку. А мать - Иуния Васильевна, напротив, была женщиной мягкой, нежной, доброй. И отцовские, и материнские черты уживались в характере Кости.

В семье Носиловых царил культ природы. Отец постоянно с благоговением рассказывал детям о величии живущего и всего сущего, начиная с каждой травиночки и птички. На суть наклонностей и стремлений мальчика оказал большое влияние и дед по матери - Василий Симонович Симоновский, священник из деревни Ичкиной, что в 25 верстах стояла от Маслянки. У деда на чердаке дома была оборудована обсерватория, где стоял телескоп. Очень любил здесь бывать маленький Костя, а еще в саду у Василия Симоновича жили журавли. "Человек, который любит природу, - самый счастливый, любит лес, цветы, птицу, любит сильного и злого, малого и славного..." - говорил дед мальчику. Ему посвятит писатель один из лучших своих рассказов о детстве - *"Дедушкины журавли"*.

Как-то отец спросил Костю, кем он хочет быть. Тот ответил, не задумываясь: "Хочу быть странником". Он мечтал ходить, ездить, смотреть, учиться, запоминать. "Я мечтал о свободе путешествия", - так позднее определит он свою мечту, которой дано было осуществиться. Когда мальчику исполнилось десять лет, отец отдал его в Далматовское духовное училище, где он провел четыре года, прилежно постигая грамоту. Мечтая видеть сына на амвоне, Дмитрий Иванович отправляет Костю учиться дальше в Пермскую духовную семинарию, из стен которой он вышел в 1877 году, после окончания четвертого класса (полный курс семинарских наук длился шесть

классов), т. к. решительно был не согласен с семинарскими порядками (так считал биограф Носилова Бирюков, но не все с ним согласны). Так или иначе, но систематическое образование завершено, дальше пойдет сплошное самообразование. Именно в эти годы окончательно сформировался будущий путешественник и писатель. Молодой Носилов сформулировал свои жизненные цели так: "Порча бумаги и бродяжничество".

Начинаются хождения Носилова по Уралу и Крайнему Северу. Он открывает для себя мир, разных людей, узнает жизнь многих народов. После знакомства с Северным Уралом три года провел на Новой Земле, жил на полуострове Ямал, бывал в Палестине, Турции, Египте, путешествовал по Западной Европе, два года учился в Париже в Сорбонне, изучал природу и быт Алтая и Восточного Казахстана, ездил в Китай во время восстания "Большого кулака", своими глазами видел события на КВЖД, с русскими солдатами сидел в окопах Маньчжурии, попал в гущу событий в бунтующей Гурии, забирался в голодающие деревни, в края, где свирепствовала чума. В возрасте 39 лет Носилов К. Д. попадает в знаменитый "Брокгауз". В 21 томе энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона появляется биографическая справка об исследователе севера К. Д. Носилове, перечислены его работы.

Все это дало ему огромный запас жизненных наблюдений, увиденным хотелось поделиться с людьми, талант писателя и журналиста был дан от рождения.

В 1879 году в "Екатеринбургской неделе" появился первый очерк Носилова "Путевые заметки". В 1884 г. в типографии известного А. С. Суворина вышла его книжка (9 страниц и один лист карты) "С Оби на Печору". Но своим литературным дебютом Константин Дмитриевич считал "Историю одного самоеда", опубликованную во влиятельном журнале того времени "Русская мысль" редактором В. Лавровым в 1895 году. Писателю в это время было 36 лет. **Человеком, благословившим его в литературу был Антон Павлович Чехов.** "История одного самоеда" - очерк, в котором идет речь об очень интересном оригинальном человеке - ненце Вылке, который был первым постоянным жителем Новой Земли. Величественный в своей неказистости герой получился естественно-выразительным. Писатель отмечает в этом первожителе природный ум и смекалку, охотничье везенье, доброе сердце и заботу, особенно о тех, кто попал в беду. Так он спасает норвежских моряков. С легким юмором описывает Носилов, как Вылко любит власть и ее атрибуты, когда стано-

вится князьком Новой Земли. Получив от короля Норвегии грамоту и подарки, новоземельский охотник мечтает отослать королю в подарок шкуру белого медведя. Очерк читается легко и это действительно одно из сильных произведений К. Д. Носилова.

Новоземельские рассказы и очерки, цикл которых открывала "История одного самоеда" - заглавные в творчестве писателя. Суховатый язык рассказчика передает весь трагизм ситуации. Герои его рассказов - незаурядные личности с сильными, запоминающимися характерами. И весь цикл рассказов - это большая удача писателя.

Рассказы Носилова в большинстве своем очерковы и со временем обретают достоинства документов, на основе которых составляется представление о тех или иных исторических событиях. Весь материал для творчества он черпал из своих самых запоминающихся экспедиций, а если приплюсовать к этому детские впечатления, можно смело утверждать, что формирование писательского багажа к началу двадцатого века было завершено.

На литературной сцене России появился писатель-очеркист, новеллист, повествователь. В своем творчестве он касался очень многих тем, но если выделить главные, то их три. Первая - воспоминания деревенского детства, вторая - рассказы бывалого человека, много повидавшего на своем веку, третья - охотничьи рассказы. А если подразделить его творчество и по читательскому признаку - большинство книг написано для юных читателей. Специально "взрослых" у него всего две. - **"На новой Земле" и "У вогулов"**.

Константин Дмитриевич в своем творчестве придерживался принципа - писать только о том, что хорошо знаешь. Если читать все его книги подряд, скоро начинаешь узнавать героев - они связаны и местом действия, и временем, можно проследить как один рассказ как бы "вытекает" из сюжета другого. И в каждом рассказе непременно присутствует ребенок, если даже роль главного героя там отведена взрослому, детское присутствие ощущается. Писатель писал о детях и для детей, но вовсе не детским слогом, скорее всего как бы передавая свои первые столкновения с жизнью, как он их помнил, когда ребенок начинает догадываться, что прожить хорошо - это вовсе не значит прожить легко.

Рассказы **"За саранками"**, **"Волки"**, **"Дедушкины журавли"**, **"Бродяга"** - автобиографичны. Читателям запоминается мальчик Тимка из рассказа **"Тимка - переселенец"**, принявший немало лишений, чтобы вернуться из Сибири; куда отец увез его в поисках счастья, домой в родную деревню. Семка, десяти лет отроду из рас-

сказа **"Семка - ямщик"**, рано повзрослел и честно зарабатывает себе на хлеб, принимая от проезжающих "на водку", чтобы купить себе обувь. Один из лучших детских рассказов Носилова **"Таня Логай"**. Он рассказывает о 14-летней героине Новой Земли, полярной амазонке, страстной охотнице, которая в свои четырнадцать лет дважды выходила победительницей в единоборстве с белыми медведями. Этот рассказ часто переиздавался, а под названием "Храбрая Таня" был выпущен в 1942 г. - год самых тяжелых испытаний для нашей страны. В рассказе **"Катя Богданова"** Носилов пересказывает легенду о том, как было открыто первое уральское золото. Катя - бедняцкая дочка, ходила в лес за малиной на дальние горы и в заводской речке Мельковке нашла однажды тяжелый камешек, оказавшийся золотым самородком. Управляющий распорядился выпороть девочку на конюшне, но весть о золоте широко разнеслась по Уралу. Омытое слезами и кровью ребенка, уральское золото стало далеко известно за пределами края.

В "детской" теме у Носилова есть и школьная тема. В сборнике **"Среди наших инородцев"** (издание журнала "Родник", 1903 г.) половину книги составили школьные очерки: "Киргизская школа", "Вогульская школа", "Школа у Остяков", "Самоедская школа" - это был своего рода "социальный" заказ издателей Тихомировых. В очерках слышится тоска интеллигента, живущего в неграмотной стране, и надежда на то, что что-то должно измениться.

Значительный цикл новелл о животных находим мы в литературном наследии Константина Дмитриевича. Писатель-охотник подарил нам самые тонкие описания характеров животных. Вот **"Яхурбет"** - рассказ о собаке-водолазе, трагически погибшей в пургу, **"Клуша"** - о полярной чайке и ее привязанности к людям. "Я часто думаю о том, какая была бы счастливая жизнь, - признается автор в "Клуше", - если бы ни птица, ни зверь не видели врага в человеке. Я уверен, что это может быть так, когда человек полюбит природу". В это цикл входят рассказы **"Ворона"**, **"Птичий остров"**, **"Наши инженеры"**, **"Пуночка"**, **"Песец"** и др. Звери и птицы, - "герои" его рассказов и очерков, - нужны Носилону, чтобы высказать сокровенные мысли о том, что он считал главным для человека и человечества. Очерки Константина Носилова открывали российскому читателю новую, экзотическую страну - Ямал.

Особая тема в творчестве К. Д. Носилова - рассказы, новеллы, очерки, в которых он выступает как бывалый путешественник,

опытный следопыт, искушенный полярник. Автор открывает своим современникам Дальний Север, полярную Россию. Он сумел передать в них ощущения и настроения человека, столкнувшегося с непознанной стихией северного притяжения и полярного отталкивания. "Заблудившийся даже на час человек сходил с ума от одного сознания, что его окружает мертвая природа", - пишет он в рассказе **"История одной полярной зимовки"** для читателей "Юной России".

На Севере Носилов постигал душу "инородца", способствовал тому, чтобы его творчество утверждало уважение к жителям Севера, боролся против национального и социального угнетения аборигенов Севера.

В книге **"У вогулов"** особенно ярко и гневно показаны картины угнетения "инородцев", потому что вогульский край полностью вошел в сферу так называемой цивилизации: картина эксплуатации, оболванивания и спаивания. Вот описание разгульной обдорской ярмарки, куда съезжались ненцы из самых дальних, приморских тундр. "Торг производился со страшным ущербом для самоеда и громаднейшей выгодой для торгаша", состоятельные обдоряне зазывали тундровика в гости, спаивали, обчищали и выбрасывали на улицу. И так по всей Сибири. Голос Носилова был услышан современниками - Чеховым, Толстым, Бажовым.

Наследие Носилова К. Д. велико, если собрать все, что написано им, то исследователи считают, получилось бы 20-томное издание. Но литературный портрет Константина Дмитриевича будет неполным, если не сказать о нем как о публицисте. Публицистика - особая страница в его биографии, вернее, - это целая эпоха. Трудно найти в дореволюционной уральской журналистике имя, которое бы столь часто появлялось на страницах петербургских и московских газет - "Московских ведомостей", "Новом времени", а также среди изданий, в которых он публиковался - "Восточное обозрение", "Урал", "Уральская жизнь", "Екатеринбургская неделя" и др. Всего у него насчитывается свыше 700 публикаций. По публикациям о нем узнали Л. Толстой, А. Чехов.

В последние годы жизни Константин Дмитриевич работал над рукописью о Русском Севере, в которой попытался систематизировать обширный материал, добытый в прошлом.

Умер Носилов в 1923 году на берегу Черного моря, в кавказском селении Пименково, ныне это село Гангиади Гагрского района Абхазии, и похоронен на сельском кладбище около небольшого храма Святой Нины.

Его творчество некоторое время продолжало жить в литературном процессе, но посмертное признание длилось недолго. Но нельзя сказать, что уральцы совсем забыли выдающегося земляка. Много сделали для того, чтобы по крохам собрать сведения о К. Д. Носилове Шадринский краевед Л. П. Осинцев. Он выпустил о нем книги "Писатель и географ К. Д. Носилов", и "Носиловские дачи", М. Д. Янко - Курганский литературовед, исследовавший творчество Носилова, А. К. Омельчук, написавший документальную повесть о писателе и путешественнике Носилове.

Как работал К. Д. Носилов (из книги А. Омельчука "К. Д. Носилов")

В 1895 году на реке Исеть в десяти километрах от Шадринска К. Д. Носилов строит дачу, которую называет "Находка" - в честь бухты, открытой Носиловым на Обской губе. В родных пенатах Носилов основательно решил заняться писательством.

Константин Дмитриевич роста выше среднего, сложения основательного; плотного, редкостно вынослив - поручкой тому экспедиции, которые без подобной выносливости совершить невозможно. Работал одинаково хорошо зимой, летом, вечером, утром, ночью. Писал много, очень не любил, когда отрывали, и, если в доме бывали гости, умело ускользал за свой желанный стол. Работа была потребностью, а не долгом и не прихотью. Он как начал работать на Северном Урале, так и не переставал. В труде любил регулярность, никогда не рассчитывал на импульсивное вдохновение. Следил за своим здоровьем, иначе просто не мог бы в любой момент сорваться в очередное путешествие... Относился к труду пишущего серьезно, как профессионал обращал постоянное внимание на писательское оснащение. У него имелась пишущая машинка с четким шрифтом, всегда заправленная разноцветными копирками, а в конце жизни приобрел редчайшую по тем временам новинку - диктофон. Рядом с машинкой всегда стояла лампа, почему-то именовавшаяся "докторской"; она давала уютный свет, создавала творческое настроение... Стены кабинета украшали великолепные полярные пейзажи Александра Борисова, который восхищал Носилова и как художник, и как беззаветный исследователь Арктики...

Особое пристрастие имел к фотоаппаратам. Пользовался ими профессионально, многие книги иллюстрировал собственными снимками, качество их превосходно, это заметно и сейчас...

В путешествиях писал карандашом, мелко, но всегда отчетливо, как будто заботясь о будущем читателе. В глухих юртах за неимением стальных писал гусиными перьями.

Почерк у него быстрый, отрывистый, штриховой - барометр души, в молодости Носилов жил быстро, именно так - штриховато. Жил, чувствовал и думал...

Во всех экспедициях вел обстоятельные полевые дневники-книжки, обязательно в клеточку - для черчения карт, планов, местностей и рельефов.

Как всякий пишущий, сам любил получать письма. Отвечал добросовестно, по существу, не знал незначительных корреспондентов, всех - от простого самоеда до Фрильора Нансена - уважал.

Из отзывов великих читателей

Мы уже упоминали, что в литературу К. Д. Носилова благословил А. П. Чехов. В дальнейшем они переписывались. Известно, что Чехов свою приязнь дарил весьма разборчиво, что несомненно, поднимает нашего земляка в глазах читателя.

Из "Дневниковых записей" 1897 г. А. П. Чехова "С 25 марта по 10 апреля лежал в клинике Остроумова... 29 марта приходил ко мне Толстой Л. Н. Говорили о бессмертии. Я рассказал ему содержание рассказа Носилова "Театр у вогулов" - и он, по-видимому, прослушал с большим удовольствием".

Антон Павлович не только переписывался с Носиловым, но и следил за его творчеством и радовался его успехам.

Другим великим читателем уральского писателя был Лев Николаевич Толстой. В эстетическом трактате "Что такое искусство?" (1898 г.) он отмечал: "Недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов... И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства".

Павел Бажов, читая Носилова, принимал и ценил главное в его произведениях - верность гуманной правде жизни. "Он великолепно умел пробудить в людях сочувствие к обездоленным, а значит, воспитывать в человеке человеческое".

Вам, молодым читателям конца 20 века, только предстоит открыть для себя творчество К. Д. Носилова. Мы думаем, вы не пожалеете!

Вопросы и задания

№

1. Какое влияние на суть наклонностей и стремлений К. Д. Носилова оказала семья, окружающая среда?

2. Что дало Носилову запас жизненных наблюдений?

3. Когда состоялся литературный дебют Константина Дмитриевича?

4. Рассказы "За саранками", "Волки", "Дедушкины журавли", "Бродяга" - автобиографичны. Прочитайте. Составьте рассказ о детстве будущего писателя.

5. Как сочеталась литературная деятельность Носилова с его практической работой, путешествиями, общественной деятельностью?

6. Каким человеком предстает перед нами Носилов, какие основные темы в его творчестве можно выделить?

7. П. Бажов назвал Носилова "первым русским". Как вы думаете, что позволило ему так сказать?

8. Прочитайте самостоятельно рассказ "Катя Богданова." Какие мысли и чувства возникли при чтении? Над чем он заставляет задуматься?

К. Д. Носилов

ВОЛКИ

Совсем не стало волков в нашей стороне, как и многого другого зверя. Да и где нынче водиться серому волку? Леса повырублены и вывезены на дрова в город; болота, займища, где так любил прятаться и устраивать себе логово волк, уже все высушены. Кроме того, сколько развелось всюду охотников.

Кто теперь не держит ружья в деревне? И весной, только что стает снег, и зимой, как только настанет свободная пора у крестьян, всюду бродят, ездят, ходят на лыжах охотники. Где уж тут укрыться серому волку? А сколько еще наедет каждую весну и осень охотников из города!

Зимой и осенью стон стоит по жиденьким рошицам, уцелевшим от старого леса, и оттуда без ума несутся на голые пашни и луга и ошалевший белый заяц, и перепуганная лисичка и оставшийся кое-где серый волк.

А между тем, давно ли сжималось и трепетало маленькое сердце при одном слове "волк". Давно ли мы даже носа не смели показывать в ближайшую березовую рощу, боясь серого.

Мне не забыть никогда, как я в первый раз в жизни услышал вой волков, еще будучи маленьким. Это случилось раз ночью, когда мы спали с отцом летом на вышке. Я уже спал глубоким сном, когда меня вдруг тихонько, чтобы я не испугался, разбудил отец и сказал,

что на выгоне воют волки. Я даже задрожал при этом. Отец взял меня на руки и понес к слуховому окну. На дворе сначала ничего не было видно, но потом я рассмотрел яркие звездочки, крышу нашего амбара, за которой уже была полная, беспросветная темнота.

- Слушай, - сказал мне отец, - только не бойся, - они далеко.

Я прижался к его груди и наострил уши.

Но была полная тишина, и слышно было, как колотилось мое сердце.

- Не слышу! - шепчу я отцу, едва переводя дух.

- Молчи...

И вдруг я вздрогнул, прижался к отцу, обвил ручонками его шею и чуть не бросился от него к постели: до меня, сначала слабо-слабо, потом яснее и яснее донесся дальний вой волков, страшный вой а-а-у-у-у-у, - который так и хватал за сердце.

- Не бойся, не бойся - успокаивал меня отец, и я более спокойно стал прислушиваться к этому вою. Что-то страшное, захватывающее дух, жалобное было в этом вое. И я спросил отца, едва шевеля губами:

- Они голодные... эти волки, папа?

- Голодные... Слушай...

- Они придут сюда, папа?

- Нет, не бойся, не придут... Слушай...

Слушая вой волков, я воображал их себе в густом лесу, с горящими, как свечи, глазами, с оскаленными белыми зубами, с раскрытой пастью, из которой выходили в безмолвном воздухе эти страшные, хватающие за душу звуки.

Сон прошел, боязнь тоже. В воображении были только одни волки. Я уже видел себя героем, большим, с ружьем, проникающим ночью в лес с нашим Полканом и открывающим страшную пальбу, от которой так и валятся эти воюющие страшные волки.

- Слушай! - говорит мне отец.

Помню, мы долго тогда стояли так и слушали вой волков. И, кажется, слушали его не одни мы, а и вся деревня, все собаки, даже наш храбрый Полканко, не смея и голосу подать, заслышав страшных врагов.

Как вдруг со стороны степи послышался какой-то шум. Ближе, ближе и в наш проулок ворвалось громадное скачущее, блеящее стадо овец, которое с шумом пронеслось мимо нашего дома и остановилось у церковной ограды, сбившись в одну общую кучу.

Я было чуть-чуть не вырвался из рук отца - так это меня поразило. Отец успокоил меня, говоря, что это овцы, и нам с ним вдруг сделалось смешно, что они так перепугались дальнего воя волков и принесли с выгона к церкви, к сторожу, который для них был единственной, в своем роде, защитой.

Хотя стада и не было видно в темноте, но я живо представил их в кучке у церкви, с расширенными от испуга, выпученными серыми глазами и беспокойными движениями, готовых снова пуститься куда-нибудь от малейшего движения.

Овцы нас рассмешили. Больше не стало слышно и волков, и мы снова отправились к постели.

Но и в постели я продолжал видеть волков и овец и фантазировать и, вероятно, так наскучил отцу ненужными вопросами, что он отворотился от меня и захрапел, как ни в чем не бывало.

* * *

В то же самое лето я слышал с той же вышки нашего дома и в другой раз вой волков.

Как сейчас помню. Мы с отцом лежали на постели, прислушиваясь перед сном к голосам ночи. Где-то в ближайшем болоте кряхтел и скрипел, надсаживаясь, коростель; где-то далеко-далеко в полях посвистывала так же однообразно, но более милым голосом перепелочка; где-то вот тут за двором, в нашем огороде, трещал кузнечик. В слуховое окно было ясно видно, как на небе мигали светлые звездочки. И хорошо было смотреть на этот клочок звездного неба и слушать коростеля и перепелочек; так хорошо, что не заснуть бы всю ночь. Но усталость брала свое, глаза понемножку слипались. Голос коростеля становился дальше и дальше, голос кузнечика словно тоже куда-то улетел.

Вот в этот момент, в эти-то минуты забытья, вдруг до нас ясно донеслись какие-то звуки. Кто-то вдруг испустил отчаянный резкий крик и потом сразу замолк, чтобы через секунду снова прорезать воздух отчаянным визгом, в котором трудно было узнать чей это голос.

Мы с отцом моментально были на ногах, бросились оба к слуховому окошку и замерли там в ожидании, потому что голоса опять смолкли. Как вдруг отчаянно заржала лошадь и вслед за ее ржаньем раздался снова отчаянный визг животного, в котором мы сразу узнали голос жеребенка. Потом раздался вой волков, заржали другие лошади, в наш переулок ворвалось стадо лошадей и коров, по-

слышался страшный топот, земля дрогнула и наши лошади отчаянно забились в запертых конюшнях.

- Папа, папа, что это такое? - спросил я, чуть не плача.

- Не бойся; это волки, они в поле...

И в этот момент я снова ясно расслышал, как жалобно завизжал жеребенок, голос которого уже слабел, сливаясь с голосами волков, которые на него уже насели.

Мне стало жаль жеребенка, и я заплакал.

Но отец меня как мог, утешал:

- Не плачь. Полно... Будет... Слышишь, он замолчал:

Я прислушался сквозь слезы и, действительно, уже ничего не слышал, кроме ворчания и драки.

Наши лошади продолжали страшно биться, чуя зверя. Я подумал, что волки уже забрались к нам во двор и давят нашего Карька.

Но папа успокоил меня и на этот счет, говоря:

- Ну, куда им до нашего Карька, он заперт крепко.

Мало-помалу лошади перестали лягаться в дверь, и в степи тоже все смолкло; ворчания волков стало не слышно, и снова заскрипел коростель, засвистела перепелочка где-то теперь недалеко в поле, и застрекотал в огороде кузнечик. Мы снова легли в постель, прижавшись друг к другу. Снова также блистали яркие, милые звездочки, такая же была тишина ночи, словно и не было тут близко от нас страшной драмы.

Разумеется, на следующее утро, как только я встал, так тотчас же побежал рассказать все матери, сестрам и брату. Потом побежал к товарищам, с которыми мы отправились на место ночного приключения. Мать было меня отговаривала, чтобы я не ходил, страшая волками; сестры хватались за полы моего пальто, говоря, что меня, как и жеребенка, съедят непременно волки. Я сам было струхнул и сбавил наполовину пылу; но мысль, что я пойду не один, а с работником Трофимом, что с нами туда же отправятся все мои сверстники, что, наконец, мы будем вооружены, хотя все наше вооружение могло состоять только из палок, взяла верх над минутным колебанием, и я гордо заявил, что отправляюсь.

Трофим решил идти с нами, хотя уверял нас, что мы ничего там не найдем, кроме костей.

И он был прав; в степи мы нашли только пару копыт рыжего жеребеночка и капли крови.

Трофим рассказал нам, как берут волки жеребенка в поле, и

представил нам такую страшную картину, что мы стали оглядываться, не видать ли где волков.

Но бояться было ровно нечего. Трофим говорил, что волки теперь сыты, убежали далеко в займище и спят, дожидаясь ночи, и что, уже напроказив здесь, сюда ни за что не воротятся.

Пока я представлял волка только в воображении: я еще не видел его живым. Правда, я видел шкуру волка на ярмарке; но там, сколько я в нее ни вглядывался, не видно было настоящего волка: шкура была страшно растянута, головы не было совсем, и только две пары лап да еще пушистый хвост, который волочился за мужиком-продавцом по снегу, пугали меня.

Правда, мне довольно наглядно представляли мужики волка, и, помню, один довольно удачно показал голову волка вечером на стене, сделав перед огнем как-то сложенные руки так, что я хорошо видел пасть волка, и так хорошо, что даже вздрогнул и попятился, как мужик вдруг при этом еще "авкнул" и взвыл, чем страшно рассмешил всех в кухне. Но этого было недостаточно, чтобы все это заменило мне живого волка, и я страшно хотел его видеть хоть раз в жизни, чтобы иметь о нем ясное представление.

И раз, действительно, мне это удалось.

* * *

Это было уже зимой.

В эту зиму были страшные непогоды, и снегу намело в наш переулочек со степи столько, что наш сосед, старик-крестьянин, уже лазил в свой двор не в ворота, а прямо через забор. Это была какая-то исключительная, страшная зима; снег валил большими хлопьями, а ветры были такие, что изба соседа была почти сплошь засыпана снегом, а на его соломенной крыше снег навалил такой сугроб, что я все думал, что сугроб этот упадет на кого-нибудь и задавит. Но он не падал и все больше нарастал.

Вот в эту-то зиму и появились волки около самого нашего села, тревожа всех каждую ночь.

Только, бывало, настанет утро, как Трофим уже является с новостями и рассказывает: "сегодня у Осипа волки зарезали овцу"; "вчерась ночью волки, говорят, были в ограде у Кузьмы".

И дело с волками дошло до того, что нас не стали совсем пускать вечером на улицу кататься с горы, и даже днем не позволяли отлучаться в деревню.

Что ни ночь, то история с волками.

Волки стали уже душить собак; волки стали уже ходить по задворкам; волки стали забираться в хлева и есть гусей.

Это было какое-то нашествие волков, и крестьяне все в голос, жалуясь на них, говорили, что будет тяжелый год, хотя папа и говорил, что волки потому ходят и давят в нашей деревне, что у мужиков неплотные дворы, а волки голодны, потому что все в лесу занесло так же, как в нашем переулке, снегом.

Это нашествие волков порядочно-таки убавило у меня храбрости. Признаюсь, я стал уже побаиваться вечером и даже вздрагивал порой на печке около стряпки Агафьи, хотя там ровно не было никого, кроме тараканов. Но, тем не менее, мне страшно хотелось видеть волков.

И вот я увидел волка.

Это было рано утром, когда только что стало светать, и я опять был этим обязан моему отцу. Нужно заметить, что он любил нас знакомить всех, а меня в особенности, с царством животных.

Так случилось и в то памятное раннее утро, когда вдруг в нашем проулке появились волки. В это утро они как-то скараулили у нашего соседа молодую свинку, когда она на рассвете только что была отправилась на реку, к прорубям, пить. Эта свинка хорошо была известна всем, потому что она зимой и летом лазала под нашу подворотню, бродила по двору и викала под окном кухни. И когда мы слышали ее виканье, то уже вперед знали, наученные всезнающим Трофимом, что будет непогода или даже буря.

Я и сейчас помню, как меня осторожно разбудил отец и понес на руках в одной рубашке в избу. Я протираю кулачком глаза. На ходу отец таинственно сообщает, что в проулке волки, и я окончательно просыпаюсь и тянусь к окну.

- Смотри, смотри! Вон, вон они ведут свинку, - говорит он мне, поднеся меня к окну.

Но я ничего не мог рассмотреть, тарача глазенки.

- Смотри, вон, направо, у самого огорода.

Я всматриваюсь по указанию его руки и вдруг вижу, хотя неясно, но вижу, как пара волков, страшно похожих на обыкновенную собаку и даже совсем не таких больших, как я воображал, ведут что-то вроде, действительно, свиньи, таща ее вдоль самого прясла.

- Видишь? Видишь? - говорит отец.

- Вижу, вижу. Это волки, папа? Это волки?

- Да, да, волки. Они ведут свинью. Видишь, один ведет ее за

ухо, а другой ее покусывает сзади. Видишь, она упирается, нейдет?

И я, действительно, вижу, что свинья не идет, все вертится задом, ее покусывают, и даже слышу, ясно слышу, как она визжит, - тонко так визжит, когда ее кусает сзади волк, и ей больно.

- Папа, но они ее съедят! Надо послать Трофима! - говорю я, чуть не плача.

Но отец говорит, что уже теперь ничего не сделать, что они и ведут ее только потому, что пока еще не вышли из нашего переулка. Трофим спит, соседей тоже послать некого, - все еще спят, - и надо покориться бедной свинке.

Но это меня страшно возмущает: я, действительно, вижу, что волки уводят ее дальше и дальше. Вот уже их плохо видно в сумраке утра, вот уже не стало слышно визга, вот уже волки исчезли совсем из окна. Кончено. Теперь задавили или задавят. Это минутное дело. Это меня так возмущает, что я готов туда бежать, к этим волкам, отбивать свинку соседа, драться с ними палками, если бы только не отец, который несет меня уже обратно в детскую и водворяет снова в кровать.

Но я еще долго вижу эту пару волков, эту бедную свинку.

Утром, когда встали, мне показалось странным, что все говорили шутя о задавленной волками свинье, и никто, ровно никто, ее не жалел, даже сам ее хозяин, старик седой, который только хлопал по коленям руками, рассказывая, как хитро волки подкараулили его свинку, когда она побежала утром на водопой к реке.

После этого случая я, признаться, даже не стал играть вечерами в своей ограде.

"Ведь высунь только нос из дому, так волки тебя и поведут на глазах у всех за ухо на задворки", - думал я про себя. "Пожалуй, и тебя не будут нисколько жалеть, как не жалели уведенной свинки".

Но больше всего меня тревожил вопрос, как мы поедем на рождество к дедушке.

Дело в том, что дорога к нему шла как раз в том направлении, куда увели волки свинку. А путь не близкий, целых двадцать верст, и что особенно страшило мое маленькое сердце, - это то, что на середине дороги было дикое место, падь, где даже летом мама боится постоянно волков.

Это обстоятельство заставило меня не раз спрашивать Трофима, живут ли волки зимой в пады. Но Трофим не только не успокаивал меня, напротив, рассказывал такие ужасы про волков, что я с ужасом думал о поездке к дедушке.

Библиотечка
на А. К. Югова
Книгохранилище

Между тем, не ехать туда - обнаружить трусость, было невозможно, тем более, что это время исстари заведенный в нашем доме обычай в это время посещать дедушку. Невозможно и представить себе, чтобы мы со старшим братом не поехали к дедушке, не пропели бы ему "рождества", не получили бы от него по маленькому серебряному пятаку. Странно было бы не повидать доброй бабушки, которая угощала нас лакомствами, не поест сырников, чудных маленьких кругленьких сырников, которые так мастерски стряпала и морозила на рождественском морозе стряпка Варвара.

Вот и последние дни перед праздником рождества. Вот и самый праздник с неизменными славельщиками, которые врываются к нам впопыхах, словно за ними гонятся сами волки. Вот и день нашего отъезда к дедушке.

Трофиму отдаются последние приказания насчет лошадей и кошевки. Отец заботливо усаживает нас с братом и мамой в кошевку и закрывает теплым одеялом. Трофиму наказано нас не вываливать на раскатах и спускаться тихонько с горы и держать крепко беспокойную пристяжную. О волках, к моему удовольствию, ни слова, и мы чуть слышно скользим по свежевывапавшему снегу за воротом, быстро проезжаем узкий переулочек и уже на нашем голом выгоне, а впереди перед нами словно вырастает страшный березовый лес, в котором, по моему мнению, и живут волки.

Вот и лес с толстыми березами и высокими осинами. Волков нет и следа, но зато, сколько следов и тропочек заячьих! Они уже успели с утра проторить эти тропки, по которым так бы и побежал в синеватую чащу осинового леса.

- Заяц-то, заяц-то! - вдруг закричал Трофим, сидя на облучке и показывая куда-то вперед кнутиком, прямо через дорогу. Мы оба повскакали с братом на ноги, держимся за спину Трофима и, действительно, видим белого, как снег, зайца, который перебегает нам дорогу, летит вдоль нашего пути с перепугу и, шарахнувшись раза два в сторону, наконец, исчезает за высокой осиной, показывая нам на секунду хвост и задние длинные лапы. Это было секундное зрелище, но оно и теперь стоит перед моими глазами.

- Все это ново и так хорошо, так приятно ехать зимою рядом с мамой, так свеж этот морозный воздух, который чуть-чуть щиплет нос и захватывает дыханье. Потом этот лес начинает как бы прерываться, и деревья почему-то склоняются в одну сторону. Потом

телом овладевает какая-то особенная истома, начинаешь закрывать незаметно и щурить глаза и раскрывать их испуганно только на ухабах. Потом лес смешивается с белыми прыгающими зайцами, спина Трофима - со снегом, который быстро бежит около самой кошевки навстречу, тропы - с осинами, хвост пристяжной - с березой, и все это так чудно, непонятно сплетается между собою, и мною овладевает незаметно зимний дорожный сон, в котором человек чувствует какую-то особенную истому и негу...

Я не помню, сколько времени продолжался мой сон; но помню, как сейчас, как ужасно было мое пробуждение.

Я почувствовал, что экипаж наш заскакал, запрыгал, стал наваливаться, лошади страшно забили в наш передок, понесли, а мама крикнула Трофиму:

- Держи, держи лошадей! Вывалишь детей в ухабе! - и схватила нас обоих, прижала к себе.

Мне представилось, что лошади несут нас под гору, что мы уже вылетаем в снег, что за нами гонятся волки, в один миг в детской голове представилась тысяча ужасов, и я заревел, закричал, чтобы лошади остановились.

Но лошади не останавливались. Я слышал, как бил снег из-под копыт мягкими ударами в наш передок, как туда же стучало порой копыто, и казалось, вот-вот мы вывалимся в снег, и у меня закружилась от боли и страха голова.

- Держи, ради бога, Трофим! - кричала мама.

Но Трофим молчал, словно его не было на облучке, и слышно было только визжание полозьев, удары копыт, храп лошадей, которые, видимо, окончательно взбесились.

Вдруг мы сворачиваем куда-то в сторону, визг полозьев становится тише и тише, и мы останавливаемся. Я вижу над собой голые ветви березового леса и слышу храп лошадей, и рыдание моей матери.

- Мама, мама, что такое? Нас понесли? Ты ушиблась? - засыпаем мы с братом ее вопросами.

- Ничего, ничего, дети, сидите, это виноват Трофим.

Она начинает бранить кучера Трофима, что он распустил вожжи. Но Трофим божится, что вожжи все время были в его руках. Теперь он слез с облучка и держит лошадей за подуздки; лошади дрожат и оглядываются назад и в сторону; словно они что-то там еще недавно видели. Особенно пристяжная, с закрученным по-ям-

щицки хвостом, так и переступает с ноги на ногу, готовая броситься. Она положила на коренную свою красивую голову и так и прядет почему-то острыми ушами, словно чувствуя какую-то опасность.

- Стой, стой! - уговаривает ее Трофим, глядя по морде. - Стой, стой, что ты, бог с тобою? Кого испугалась этак?

И поправляет ей челку на лбу, выправляет хомут под грудью и все гладит ее, охорашивает, сам, видимо, растерявшись, не зная еще, почему нас так понесли смиренные лошади.

Мы с братом стоим в кошевке и то смотрим на Трофима, то на пристяжную, то на маму, которая еще не может успокоиться.

Вдруг Трофим каким-то особенно жалобным голосом кричит маме:

- Волки-то, волки-то! Смотрите-ка назад! Ах, они, проклятые твари! Вот кто перепугал лошадей!.. - он вдруг закричал благим матом "ух-ух" и, схватив кнут, застучал им что есть силы по передку, окончательно этим перепугав и нас и лошадей, которые снова едва не рванулись в бегство. Мы обернулись все и, действительно, увидели тройку серых волков, которые преспокойно сидели в стороне, сажен за двести от дороги, на пашне.

Я несколько их не испугался; но мама вдруг побледнела, засуетилась, что-то торопливо вынимая из своего кожаного саквояжика. - Кричите, дети! - сказала она нам, - громче кричите: они убегут.

И мы стали кричать с братом, кричать тонкими голосами, насколько хватало сил, вместе с Трофимом, голос которого стал уже охрипать от холодного воздуха. Мне даже показалось это забавным, и я кричал, махал к чему-то руками и старался кричать таким толстым голосом, чтобы слышно было, что я мужчина.

Но волки преспокойно продолжали сидеть, словно и в самом деле слушали наш концерт.

Но вот мама вынимает из саквояжа хорошенький револьвер и, привстав на ноги в кошевке, подняв высоко руку в воздухе, делает один за другим короткие резкие выстрелы. Лошади дернули, мы падаем вместе с мамой в канаву, думаем, что нас снова понесли, но кучер сдерживает лошадей, и я слышу - раздастся еще и еще выстрел. Трофим снова заухал, застучал и даже кинулся куда-то в сторону волков, крича:

- А, проклятые, побежали, испугались, я вас, я вот вас, проклятых!

И мы снова встаем на ноги и видим; что волки бегут, бегут дальше в березовый лес, за ними несется, смешно ковыляя, наш Тро-

фим с кнутиком, а мама смеется, радостная такая, успокаивая нас, с румянцем на лице, с влажными еще от слез глазами.

Вот волки уже далеко, вот уже их не видно стало. Мы кричим и тоже хотим бежать за Трофимом; мама смеется, и нас вдруг охватывает такое веселье, такая удаль, такое возбуждение, что мы от души хохочем над Трофимом, как он бежит дальше с поднятым кнутиком по глубокому снегу, увязая в нем, и все грозит волкам, все кричит им, когда уже их давно не видно.

Мама тоже смеется над ним:

-Ах, глупый, глупый! Ну, что бежит? Что кричит? Трофим, Трофим! Будет... убежали... Иди.. поедem скорее...

И мы видим, Трофим остановился, бранится и все еще грозит волкам в лес.

В это время, по колена в снегу, в своем нагольном тулупе, с овчинной шапкой на голове, с мохнатыми рукавами, приподнятыми в воздухе, с кнутом, кричащий что-то волкам хриплым уже голосом, он совсем не походил на героя и был так смешон, что мы покатались в кошеве со смеху.

Прежде чем мы тронулись, прошло немало времени. Трофим воротился весь в снегу: в его пимах было столько снега, что надо было разуться; но главное, разгоряченный победой, он непременно хотел нам рассказать все, как было по порядку. И говорил столько, что мама, наконец, приказала ему сесть на облучок и ехать.

Вот уже видим село, занесенное снегом; вот и дом со знакомым садом. Все, что мы только пережили, отходит так далеко, на задний план. Разумеется, дедушка и бабушка, и Варвара должны были от каждого из нас выслушать не один раз самое живописное описание, как испугали нас волки.

Так я видел в первый раз в жизни волков при дневном свете. Ровно ничего ужасного. Как собаки. И только когда они бросились бежать, было странно видеть, как они ковыляют, словно припадают на переднюю ногу.

После в жизни я много видал волков, они бежали в дороге за моей кошевкой, я охотился на них, с винтовкою, они нападали на мою палатку в путешествии, они даже раз поели у меня тройку чудных оленей ночью, - но я уже не боялся их и при виде их только разгорался страстью к охоте.

Кондратий Кузьмич Худяков (1886-1920)

*Сибирь! Земля моя родная -
просторов дремлющий покой!
К тебе любовь сгорая,
Я полон весь твоей тоской...*

Эти строки принадлежат не профессиональному поэту, но талантливому нашему земляку Кондратию Худякову.

Его имя почти неизвестно современному читателю, хотя в предреволюционные годы стихи Худякова пользовались большой популярностью, особенно в рабочей среде.

О жизни К. К. Худякова в семье родителей известно мало. Сын поэта - Павел, - вспоминает: "Говорят, что у нашего деда, по отцовской линии, Кузьмы красивый высокий лоб. Портрет его был подарен в двадцатых годах дальним родственникам в деревню Звериноголовскую Курганской области. Может и сейчас он сохранился". Но высокий лоб (признак большого ума) не помог деду. Жизнь его прошла "ухабистыми" дорогами и оборвалась на тридцатом году от роду. "Умер дед, не оставив своему единственному сыну Кондратию никакого наследства, за исключением старенькой избушки в городе Кургане. Мать Кондратия Татьяна Фасетовна умерла семью месяцами раньше мужа".

И вот в восемь лет мальчик остался сиротой. Его взяла на воспитание сестра матери и увезла к себе в село Глядянское Курганского уезда Тобольской губернии, где она жила со своей матерью и двоюродной сестрой. Тетки были старообрядками, до фанатизма преданные вере, светские книги считали "нечистыми". Об учении в школе и речи не могло быть. Хозяйство теток было не столь большим, сколько велось бестолково, поэтому хлопот было много. Маленький Кондратий вставал чуть свет и работал до позднего вечера.

Старик - старообрядец научил его читать псалтырь, напечатанный славянской старообрядческой азбукой, а вскоре он выучил и общерусскую печать и начал запоем читать книги. Тетки его за это били, один раз даже сожгли книги, но уничтожить эту страсть не могли.

ли. Мальчик рос и все чаще самостоятельно выезжал на дальние пашни: пахать, сеять, косить. Он неделями бывал один в лесу, и после трудового дня читал при свете лучины книги.

Старший сын Кондратия Кузьмича, Федор, вспоминал: "Однажды ему попала в руки книжка стихов Лермонтова. Эта-то книжка и повернула его судьбу совсем в другую сторону. Отца поразило: как, оказывается, можно красиво, образно и складно выражать мысли и думы на настоящем русском языке. Ему страшно захотелось самому научиться складывать такие красивые стихи и песни и он начал пробовать". Это случилось на тринадцатом году жизни. Под впечатлением разыгравшейся непогоды Кондратий пишет свое первое стихотворение "*Деревенский поэт и буря*".

В 1905 году, девятнадцати лет от роду, Кондратий Кузьмич женился на Феодосии Ивановне. После женитьбы, в 1906 г. семья Худяковых переезжает в Курган, в унаследованный от отца домик. Началась жизнь полная забот о куске хлеба. Кондратий ничего не умел, кроме крестьянского труда, поэтому пришлось работать конопатчиком, плотником, грузчиком, фонарщиком. Все эти работы были не постоянные, да и напарники приносили много огорчений: пьянствовали по неделям. И Худяков стал упорно выбираться на "приволье широких дорог", как скажет он потом в одном из своих стихотворений в 1916 г.:

*Осчастливлен наследием дедовым:
Ясным взором да резвостью ног -
Я иду по тропинкам, неведомым
На приволье широких дорог.*

Его жизнь изменил случай. Жил в Кургане художник Я. Бабин. держал мастерскую, сам чаще всего работал на выезде, расписывал стены в церквях и храмах, а в мастерской трудились подмастерья и ученики. В 1920 г. в эту мастерскую случайно зашел Кондратий Кузьмич и был принят учеником. Будучи человеком талантливым и усердным, быстро овладел искусством писания вывесок и, уразумев, что может работать сам, снял небольшой подвал и открыл свою мастерскую. Материальные дела семьи поправились, появилась уверенность в завтрашнем дне, а главное - появились деньги на покупку книг. За четыре года он собрал хорошую библиотеку, куда входили сочинения Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Короленко, Горького, Маяковского.

Были в доме и словари, и периодические издания. В это время он много занимается самообразованием, и, конечно, пишет стихи.

В своей автобиографии Худяков пишет: "Не имея никакого образования, кроме умения писать и читать, я принялся за самообразование и своими собственными усилиями между работой за скудный кусок хлеба, без всякой системы и посторонней помощи сумел приобрести кое-какие познания в области литературы".

Кондратий Кузьмич был душевным и общительным человеком, хорошо пел. Его дом был открыт для всех, кто любил поэзию, литературу. В нем (это была квартира по улице Троицкой - Куйбышева, 54) бывали медики, адвокаты, учителя, писатели, крестьяне. Худяков познакомился и подружился с наборщиком типографии, будущим известным писателем Всеволодом Ивановым, который сыграл в его судьбе значительную роль.

Литературная деятельность К. Худякова продолжалась всего десять лет (1910-1920гг.). Его первые стихотворения были напечатаны в Курганской "Народной газете". Первые стихи носили подражательный и часто ученический характер. Затем они стали появляться в "Курганском вестнике", в газете "Жизнь Алтая" (Барнаул), в петроградской "Правде", "Сборнике пролетарских писателей" М. Горького и др. изданиях. Он их подписывал своим именем, а иногда и псевдонимом Сибиряк-Тобольский, Черный бор, К. К.

В 1916 году Вс. Иванов издал небольшим тиражом сборник К. Худякова "Сибирь", в который вошли 90 стихотворений.

В 1919 году Худяков подготовил к печати второй сборник стихов, но книга не увидела света, т. к. в типографии не оказалось бумаги. А жизни, тем временем, ему уже было отпущено очень мало, планов же новых произведений он вынашивал много. Мастерство Кондратия Кузьмича крепло, появился свой стиль и почерк, но в 1920 г. он заболел возвратным тифом и 7 апреля умер в Курганской городской больнице.

Смерть помешала развернуться поэтическому таланту К. Худякова. Но в его наследии есть стихи, представляющие интерес для современников.

Родному краю К. Худяков посвятил большую часть своих стихов. Одним из ведущих жанров поэзии поэта является пейзажная лирика.

В пейзажной лирике поэта встают образы родной природы, которая живет, сверкает красками, поет на разные голоса. Пусть красота родного края проста, но она полна спокойствия и раздолья, она степенна и величава.

Давайте окунемся в мир стихов, написанных о крае, где мы с вами живем.

ЛЕДОХОД

Не узников певучие
Бряцают кандалы -
То гонит лед могучие
Свободные валы.

Наш дом стоит на берегу,
Высоком и крутом.
Мы в окна смотрим на реку
И половодья ждем.

Гремит, ломаясь, хрупкий лед,
Как цепи ржавой звон,
А ветра буйного полет
Родит зловещий стон...

И мнится, бурная река,
Как пленник из оков,
На волю рвется, на луга
Из тесных берегов.

Так рвется мысль народная
Из вечности оков
И бьет волной в холодные
Берега седых веков.

(1914 год).

Картина ледохода на Тоболе. Тобол такой кроткий и безобидный летом, но буйный и коварный в весенний разлив. У села Глядянского он делает крутой поворот на север. Предки Худякова жили когда-то на левом берегу, но однажды Тобол так "взыграл" весной, что им пришлось перебираться на правый, более высокий берег Тобо-

ла. Об этих впечатлениях от ледохода и поделился с читателем поэт. Но картина природы вызывает в его сознании определенные ассоциации, уводит в мир общественных настроений и чувств: "так рвется мысль народная из вечности оков".

Природа ожидает пробуждения. Поэт нашел слова, чтобы описать деревенскую весну. Об этом стихотворение, написанное в 1915 году.

ВЕСНА ДЕРЕВЕНСКАЯ

Опустели в амбарах сусеки,
Дали вешние в поле манят...
В перелесках нагих дровосеки
Топоров остриями звенят.
Кличут горе вещуньи-кукушки,
По полям бродит талый апрель,
Рядит в зелень лесные опушки,
Рыхлит в рощах намокшую прель.

Убрались молодки-березы
В изумрудные бусы листов,
Загремели весенние грозы
Над полями хлебов и цветов.
Фиолетовым отблеском молний
В темных тучах светится вода
Схимник-бор все строжей, все безмолвней,
Гром гремит... Табуняются стада.

Вот еще одна пейзажная зарисовка о родных местах. Стихотворение называется "На Тобол" (1916 г.) Теперь это река летом.

Июльский день жарою пышет,
Струится маревом река...
В песчаный яр зеленой крышей
Вросла землянка рыбака...
Вокруг запущенного входа
Спустился старенький плетень...
И от суглинок позолота
Легла на вянущий бредень.

В поэзии издавна весна и лето, осень и зима означают нечто большее, чем времена года. Они связаны с настроениями радости и веселья, грусти и печали. Умение найти яркую деталь отличает многие пейзажные произведения Кондратия Кузьмича Худякова. В стихотворении "Осеннее" (1916 г.) картину осени в Зауралье воссоздает чертополох.

На дележах чернополосья,
Среди крикливых ссор и драк,
Сбирают вороны ясак -
С полей последние колосья...
Степной простор ненастно пуст.
В березах редких ветер звонит.
Крик журавлей в безмолвье тонет
И вслед им машет голый куст.

Дитя покинутых дорог,
Над пожелтевшей травой
К меже колючей головою
Приник в тоске чертополох.

Все идет своим чередом в природе. "У природы нет плохой погоды" - поется в современной песне. "И пришла зима седая" - начинается этими словами другое стихотворение, которое поэт назвал "Зимняя сказка" (1916 г.). Прочитайте его.

И пришла зима седая,
Снежным бархатным ковром.
Разметалась в край от края,
Раскидалась серебром!
Наступило царство стужи,
Скучен стал короткий день.
Хороводы вьюги кружат
Вкруг уснувших деревень...

Но не вечно будет праздник,
Праздник холода и вьюг!
Не трещит мороз -проказник,
Ближе к нам уж солнца круг.
И палящими лучами
Плавит в грязь зимы добро,
И бежит, звеня ручьями,
Жидким сплавом серебро. (1916 г.)

Вновь и вновь поэт пишет о природе и звучит в них мотив общественных настроений и чувств. Поэт верит, что "солнце правды, солнце света разгонит долгой ночи тьму. ("Весна", 1913 г.), и "хочется верить, что лето осталось не там, позади... Как много и красок, и света, мой друг посмотри впереди!"

В своих стихах поэт приглашает нас бродить утрами по росистой траве, дышать горьковатым запахом полыни, слушать звуки просыпающейся природы. Поэт любит:

*...Следить, как тают ночи тени,
Как новый день встает звеня;
И греть уставшие колени
У потухавшего огня...
И в колдовстве истомной неги,
Вдали от шума и молвы,
Дремать под музыку телеги
На мягком бархате травы.*

Мы взяли лишь небольшую часть из творческого наследия поэта. Пейзажной лирикой не ограничивается творчество К. К. Худякова. У него есть стихи и о страданиях народа, и о народе-труженике, военная тема звучит в его стихах, скромное место занимает и любовная лирика, городские и бытовые зарисовки, песни.

Стихи К. Худякова проникнуты общественными настроениями. В них слышна боль и тоска за угнетенного человека, раздаются призывы к борьбе за свободу и счастье. Его поэзия вливалась в могучий поток передовой предреволюционной литературы, у истоков которой стояли М. Горький, В. Маяковский, Д. Бедный.

В заключение предлагаем вам стихотворение **"Город Курган"** - о том, как его видел поэт в 1915 году. В Курган Худяков был заброшен, "как былинка осенними вьюгами от простора родимых полей...".

*Телеграфных столбов частокол
Опоясал твои переулки.
Каланчи так размеренно-гульки,
Грязь. Урядник. Скандал. Протокол.*

*Вот старушка крестится на храм,
Бьет извозчик клячонку нещадно.
Хулиганы бранятся площадно,
В серых будках посты по углам.
В тарантайке трясется купец.*

*В голове - неотвязные мысли,
Что теперь он уж был бы на Висле...
Кто-то крикнул вдогонку: "Подлец"...*

*Проскакал на лихом скакуне
Офицерик в доспехах военных.
Вдруг повеяло запахом пленных -
Вот и серые кепи в окне...*

*В длинной трубке дымится табак,
Погоня вожжами лошадку,
В деревенской телеге солдатку
За покупкой везет австрияк.*

*Дрессируя босячий талант,
На толкучку идут оборванцы
Пленный взвод бледнолицых германцев
Моноotonно поет "Фатерланд".*

Как работал над стихами К. Худяков?

Писал свои произведения Кондратий Кузьмич ночами и в праздничные дни, т. е. целыми днями работал в мастерской. Жена его вспоминает, что "до того домывался, бедный, что ослеп. Врачи запретили работать, писать, читать. Пока лечился, носил темные очки: нельзя было смотреть на дневной свет".

Всеволод Иванов, живший тогда в Кургане, рассказывал, что жил Кондратий в крошечной квартире из двух комнаток. У него был письменный стол, но на нем работать ему не давали крики детей, разговоры соседок с женой, шум, одним словом. Поэтому писать стихи Кондратий Кузьмич уходил на сеновал.

Читатели Худякова о своих впечатлениях:

Мы говорили о том, что Вс. Иванов напечатал сборник стихов Кондратия Худякова. Напомним, сборник вышел в 1916 г. и назывался: "Сибирь". Он же написал о поэте М. Горькому и послал ему этот сборник. В конце письма указал: "Если не дороги стихи, то дорого то, что человек хочет искать лучшего".

М. Горький включил стихи в "Сборник пролетарских писателей". Это было признанием мастерства.

Сергей Есенин прочитав сборник, выделил стихи нашего земляка: "... узоры у некоторых, как, например, у Кондратия Худякова, попадают иногда довольно красивые и свежестью своей не уступают вырисовке многих современных мастеров".

Вопросы и задания

1. Вы узнали, что Худяков очень рано остался сиротой. Как вы думаете, что помогло ему без наставника в жизни сформировать такой целеустремленный характер?
2. Вспомните, в каких стихотворных и прозаических произведениях встречается описание природы и какую роль она выполняет?
3. Прочитайте стихотворения, представленные в тексте. Подумайте, какие настроения автор сообщает нам?
4. Найдите в стихах использованные автором сравнения, метафоры. Какие краски использует поэт для описания природы?
5. Подготовьте небольшой рассказ или сообщение о жизни и творчестве Кондратия Худякова.

Борис Александрович Ручьев (Кривощекоев) (1913-1974)

...Перед нами очень богатый чувствами поэт, умеющий отделять зерно от плевел, умеющий простыми средствами создавать непростые вещи.

Михаил Светлов.

... Душа не могла быть без святого, животворного чувства поэзии и, оживая, требовала славы, откровения, исповеди.

Б. Ручьев.

На полевых просторах Зауралья, в краю березовых и сосновых лесов прошли детские и юношеские годы поэта Бориса Александровича Ручьева, вошедшего в созвездие поэтов 30-х годов, человека, познавшего признание и славу в своей жизни и холод, и ужасы Колымских лагерей.

Родился Борис Александрович Кривощекоев 15 июня 1913 года. "Так записано в копии метрической выписки. Судя по тому же документу, местом моего рождения является станица Еткульская, Челябинской области. В действительности же я родился в Троицке...". Раннее детство будущего поэта также прошло в Троицке, здесь он в 1922 году поступил учиться в третий класс Высшего начального городского училища. Уже в эти годы мальчик знакомится с произведениями устного народного творчества и лучшими образцами русской классической литературы. До поступления в школу Борис прочел "Слово о полку Игореве", "Хождение за три моря" Афанасия Никитина, "Сказание о Китоврасе".

Отец поэта, Александр Иванович Кривощекоев, был одним из образованнейших людей дореволюционного Урала и Зауралья. Он был инспектором высших начальных училищ Еткуля, Троицка, Миасса, Звериноголовской; преподавал русский язык, историю, географию, а также занимался литературным творчеством. **В 1913 году в Троицке было издано несколько его книг о событиях русско-японской войны, а также им написан ряд работ этног-**

рафического характера. Литературная деятельность отца не могла не сказаться на формировании творческих способностей его сына. В доме Кривошековых была огромная библиотека, которая ежегодно пополнялась, книги были единственной ценностью, их бережно перевозили с собой, переезжая с места на место. В доме любил читать стихи. **Мать поэта Евгения Лаврентьевна прекрасно знала русскую литературу и старалась привить любовь к ней детям.** "Поэзии я учился у многих поэтов. Прежде всего, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Никитин заронили в душу искру поэтического слова", - вспоминал Б. Ручьев.

В 1924 г. семья Кривошековых переехала в станицу Звериноголовскую, в дом деда Ивана Егоровича, где и прошли отроческие годы будущего поэта. Дом деда стоял на высоком берегу Тобола, за которым расстилались ярко расцветавшие весной луга. В озерах было полно рыбы, а в лесах много дичи. Дед часто брал Бориса на дальние озера или в лес с ночевкой. Рассказы деда о лесного костра оставили яркие воспоминания у мальчика.

В Зверинке Ручьев учился в школе крестьянской молодежи входил в редколлегию школьных изданий и в них впервые опубликовал свои стихи.

В 1928-1929 гг. Ручьев учится в Курганской школе-девятилетке. Здесь он становится постоянным участником "Литературных четвергов", организованных при газете "Красный Курган". Сюда и приносит он свои стихи. Некоторые из них были одобрены и напечатаны в газете "О субботнике", "На озере", "Граммофон", "В школе" "Зима". Под стихами пока еще подписывается - Борис Кривошеков псевдоним возьмет позже. В художественном отношении стихи еще слабы и раздражительны.

В 1930 году поэт возвращается в с. Звериноголовское. В составе культбригады ездит по колхозам. В нем растет желание показать кому-нибудь свои стихи в столице. И осенью этого же года со своим другом, тоже начинающим поэтом, Михаилом Люгаринским едет в Москву. В редакции журнала "Октябрь" их принял зав. отделом поэзии Н. Полетаев, похвалил стихи Ручьева, но сказал, что им не хватает еще жизненных впечатлений, посоветовал больше читать и учиться у больших мастеров поэзии.

Домой возвращаться друзьям не хотелось: было стыдно перед земляками за свои неудачи, поэтому, когда ребята в Москве случайно наткнулись на вывеску "Вербовочный пункт" то решение ехать на Магнитострой приняли мгновенно.

19 октября 1930 г. юноши выехали в Магнитогорск. Началась новая жизнь. "Второй родиной" назовет позже Б. Ручьев Магнитогорск, здесь начнет свой поэтический взлет, здесь придет к нему популярность уже в 1932 году. В этот год он был участником Российского совещания поэтов, проводимого РАПТ, на котором познакомился с А. Прокофьевым, Б. Корниловым, и др. поэтами. Поэт Луговской тепло отзывался о стихах молодого поэта. В Москве Ручьев впервые встретился с Э. Багрицким. Стихи Ручьева ему понравились, и он согласился быть редактором первой книги Ручьева "Вторая родина".

Имя Ручьева в 30-е годы не сходит со страниц уральских газет и журналов. В них одно за другим появляются его стихотворения "Атака", "Песня", "Стихи первому другу". Конечно, они не лишены были недостатков, типичных для молодой поэзии тех лет: плакатности, лозунговости, словесных штампов, схематичности, но поэтическое мастерство его быстро росло и совершенствовалось.

Первый большой успех пришел после выхода в Свердловске поэтического сборника в 1933 году. В этом же году сборник переиздается в Москве в издательстве "Советская литература". Книгу редактировали Э. Багрицкий и А. Сурков. Книга стала заметным явлением в поэтической жизни России 30-х годов. "...Стихи Ручьева свидетельствуют о том, что в нем есть то, что мы называем поэтическим голосом, есть темперамент, а главное внутренняя цельность", - отметил известный в те годы литературный критик К. Зелинский.

Во "Второй родине" показана широкая панорама строительства металлургического комбината, возводимого у подножия знаменитой Магнитной горы. Она увиденна глазами рядового рабочего, бывшей Магнитной горы. Она увиденна глазами рядового рабочего, бывшего сельского батрака и отходника, для которого стройка стала "второй родиной". На фоне этих событий и разворачивается судьба лирического героя, душевное состояние которого психологически тонко и убедительно нарисовал автор. В произведении просматривается связь с устной народно-песенной традицией. Эти интонации, по всей вероятности, усвоил молодой Ручьев от А. Прокофьева, которого считал своим литературным учителем. Важное место в сборнике "Вторая родина" занимает природа. В целом, книга образует законченный поэтический цикл. **Первая книга определила всю дальнейшую идейную и тематическую линию его творчества.**

В 1934 году в июне в Свердловске состоялся Всеуральский

съезд писателей. На ней самой большой делегацией была Магнитогорская, присутствовали в качестве гостей известные советские писатели: Н. Дементьев, А. Прокофьев, Б. Корнилов, Я. Смеляков. Съезд высоко оценил творчество Б. Ручьева, присудив ему Горьковскую премию. Среди двенадцати делегатов, избранных на I Всесоюзный съезд писателей, был и Б. Ручьев (1934 г.). На съезде много говорилось о молодой литературе Урала. Произведения Ручьева и А. Авдеенко были поставлены в один ряд с лучшими книгами современности. Из Москвы Ручьев возвратился членом Союза писателей. На членском билете стояла подпись А. М. Горького.

С 1935 года Ручьев Б. А. учится заочно в литературном институте им. А. М. Горького. В этом же году переезжает в Свердловск, сближается с Б. Горбатовым, П. Бажовым, К. Реутом и др. У него много творческих замыслов и планов. **Появились новые поэмы "Калина Баев" и "Аленушка", в них уже просматривается зрелый поэт**, он много ездит по Уралу. В газетах появляются его статьи, очерки, рассказы.

Беда подкралась неожиданно. В декабре 1937 года Борис Ручьев был репрессирован и его имя надолго исчезло из литературы. 1941 год застал Б. А. Ручьева в далекой Северной тайге, в лагерях ГУЛАГа. Поэт очень страдает, что не может с оружием в руках отстаивать Отечество от фашистских захватчиков, но не бросает писать стихи. Так родились "Стихи о далеких битвах" (январь - февраль 1942 г.), где лирическому герою в бреду мнится, что он шагает в первой шеренге бойцов. Воображение рисует ему картины опаленной военными пожарами Родины. **В годы войны поэтом написана поэма "Невидимка", ознаменовавшая новый этап в творчестве Б. Ручьева.** Произведению присущи зрелость мировоззрения, широта охвата событий, глубокое творческое восприятие народнопоэтических традиций. Эпические качества, приобретенные в поэме "Невидимка", получили дальнейшее развитие в цикле из 9 стихов **"Красное солнышко"**, которые создавались в основном с 1943 по 1945 гг. Писались они на Колыме, вернее складывались в голове, на память, многое забылось, все, что "выжило" в голове, позднее было записано на бумагу и увидело свет лишь в 1957 г. уже после реабилитации поэта. В "Красном солнышке" раскрыта история нелегкой человеческой жизни. Драматизм личности, оказавшейся в исключительных обстоятельствах, раскрывается в форме лирического монолога. Это рассказ героя о своей жизни и работе на "заполярной сказочной зем-

ле". Стихи во многом автобиографичны. Весь их образный строй подчинен мысли, что человек всегда может быть полезен Родине. Образ "Красного солнышка" - это и есть олицетворение народной веры, и символ матери Родины. Цикл стихов "Красное солнышко" некоторые исследователи называли поэмой, т. к. стихи прочно связаны между собой единством идеи, образом лирического героя, системой лейтмотивов. Стихи по достоинству были оценены и читателями и критикой. А еще **это было первым произведением Б. А. Ручьева, ставшим достоянием и зарубежного читателя, оно было переведено на иностранные языки.**

Мечта поэта возвратиться в город своей юности - Магнитогорск сбылась в 1957 году. Его назначили руководителем Магнитогорского городского литературного объединения. Борис Александрович работает увлеченно с полной самоотдачей - и как наставник творческой молодежи, и как общественный деятель. Поэт готовит к печати произведения, созданные на Севере. В Челябинске, Москве и Свердловске одна за другой выходят книги Ручьева: "Лирика" (1958), "Красное солнышко" (1960), "Проводы Валентины" (1960), "Прощание с юностью" (1968). Для большинства читателей это было, по существу, первым знакомством с поэтом.

Главным событием в творчестве Б. Ручьева 60-х годов стала поэма "Любава". Полностью она была опубликована в восьмом номере журнала "Москва" за 1962 год, а отдельной книжкой появилась в 1963 году в издательстве "Молодая гвардия". Мнение критики было единодушным - это выдающееся явление в русской поэзии. **Сам автор назвал "Любаеву" своей "главной книгой", которая пишется всю жизнь.**

Ручьев стремился в "главной" своей книге "с наиболее возможной полнотой отразить большой период истории нашего государства - период индустриализации".

Действие ее развивается на основе двух сюжетных коллизий, неразрывно между собой связанных: общей отражающей социальной конфликт эпохи, и конкретной, психологической, выраженной во взаимоотношениях главного героя поэмы Егора и его невесты Любавы.

Герой поэмы, бывший деревенский батрак Егор, отвергнутый дочерью зажиточного крестьянина красавицей Любавой, в поисках лучшей жизни покидает родное село Боровлянку и попадает на Магнитострой. "Мужичок неудачливый, необученный жить человек", он становится знаменитым бригадиром стройки. Узнав о его трудовой сла-

ве, Любава приезжает в Магнитку. Герои поэмы любят друг друга. Но слишком велика между ними разница во взглядах на жизнь, слишком крепки в Любаве религиозность и предрассудки патриархальной семьи. В биографии Егора автор запечатлел судьбу целого поколения строителей 30-х годов, показал становление человеческого характера, процесс этот раскрывается в сложных связях с жизнью и судьбой всей страны.

Егор работает самозабвенно, честно:

*Пусть дымилась на теле рубаха,
Кровь по жилам бросалась в разбег,
Наторел я работать без страха,
Ради чести, за трех человек.*

В поэме множество бытовых деталей, мастерство писателя проявилось в том, что в нескольких строках он раскрывает нелегкую биографию трудовой семьи и характеры простых сельских тружеников. Главный герой в общезнании в "красном углу" разместил "всю картину незадачливой жизни своей: сверху - "грамот бумажное пламя", под ним - старая карточка отца, погибшего на Карпатах.

Возле -

мамкин недавний портретик:

*Впрямь стараясь до слез не дышать,
На базарном присев табурете,
Как на чудо уставилась мать,
В давнем - давнем сарпинковом платье,
С детства памятном вдовьем платке,
Как от боли к бессмысленной трате,
Гомонок зажимая в руке...*

Глядя на фотографии, лирический герой вспоминает свое недавнее прошлое, деревню Боровлянку, первую неудавшуюся любовь. Боровлянка в поэме - это не только конкретное понятие "родной краешек отчей земли", где сложилась "нелегкая судьба" Егора. Это в то же время - символ патриархально-собственнического уклада:

*Там давнехонько в норке-избушке
Хоронилась сама, как лиса,
Да поймалась Кощей в подружки
Царь-девица, льняная коса.
Бабой стала толста и богата,
Но сыны ее, внуки ее
Знать не знали для кровного брата
Слов милей, чем "твое" да "моё".*

Коллективизация изменила родную деревню:

*... Дожилась Боровлянка до крышики,
Обносилась, считай, догола,
Всю пшеничку сдала как излишки,
На ржаные хлеба перешла...
... Кончились свадьбы-гулянки,
Кулакам снарядили обоз,
И отныне в одной Боровлянке
Две коммуны да третий колхоз!
Каждый вечер - соборья, да сходки,
В каждом доме галдеж, да дележ.*

Поэма "Любава" вновь подтвердила органическую близость поэзии Б. Ручьева народнопоэтическому творчеству. В ней есть и сказочный параллелизм, и народно-поэтические сравнения ("горела Любава, как "свечка", "как опенок девочка росла" и др.), и традиционная фольклорная троичность.

Для своей поэмы Ручьев избрал жанр, к которому редко обращаются современные поэты - повесть в стихах. Сюжет разворачивается быстрыми кадрами по принципу смены значительных картин и эпизодов. Поэма включает пролог из 4-х частей и пять глав. Кульминационным моментом повествования является пятая глава - Любава покидает Егора и возвращается творение Б. Ручьева.

"Любава" - наиболее зрелое поэтическое творение Б. Ручьева. В нем он выступил как большой мастер сюжетной поэзии. Это свободное повествование о великих событиях эпохи через мироощущение героя. У нее эпическое звучание, но в то же время поэма - лирическое произведение. Поэт-психолог сумел глубоко проникнуть во внутренний мир современника.

Поэма составила лишь одну часть задуманной Б. А. Ручьевым дилогии "Индустриальная история". В 1963 году он приступил к созданию новой поэмы, работа над которой продолжалась до последних дней жизни поэта, но ей так и не суждено было увидеть свет.

15 июня 1973 года поэту исполнилось 60 лет. Юбилар был удостоен высокой награды - Ордена Октябрьской Революции. 24 октября 1973 года поэта не стало, но остались стихи - эпохи, светлые и чистые, воспевшие наш с вами край.

Творческая мастерская Б. А. Ручьева

Б. А. Ручьев был необычайно требователен к себе, не делал никаких снисхождений себе. Упорно, до изнеможения, работал над словом, создавал десятки вариантов не только поэтических строк и целых строф и даже глав.

Сам он считал, что работает очень медленно, потому что тщательно взвешивает каждое слово, оттачивает каждый образ, добиваясь правдивости, логической стройности и эмоциональной выразительности.

Истинное поэтическое творение, считал поэт, должно быть отмечено мастерством "чтобы слова, сказанные тобой, были настолько главными, интересными, мудрыми, чтобы ни одно из них не терялось в людских сердцах, было нужно людям, необходимо, неугасаемо, незабываемо". (Собр. соч.: В 2 томах, т. II., С. 189).

Очень большое значение Б. А. Ручьев придавал работе со словарем: "Когда работаешь с раскаленным мозгом и сердцем, бывает, что нуждаешься в немедленной помощи, в нашем деле ее могут оказать только словари. У меня почти всегда бывает так: обращаюсь к Далю - хоть что-нибудь да нахожу. И в этом состоянии готов хоть из гроба поднять старика и расцеловать, как родного" (Собр. соч.: В 2 томах., Т.2. С. 200-201).

Вопросы и задания

1. Известный литературовед Л. И. Тимофеев писал в одной из своих работ: "В литературном процессе всегда наблюдается то, что можно назвать интерференцией литературного развития, - пересечение волн, догоняющих и перемежающихся друг с другом: разрабатка новых тем и образов идет одновременно с появлением произведений, еще завершающих старые темы". Назовите основные проблемы и темы, которые призвана была решать литература 30-х годов?
2. Кто из известных поэтов начала XX в. оказал влияние на творчество Б. А. Ручьева? В чем?
3. Подготовьте рассказ о поэте-земляке Б. Ручьеве.
4. Почему поэма "Любава" является вершиной творчества поэта?
5. Какие произведения русской литературы вы знаете, которые написаны в жанре повести в стихах.
6. С помощью каких приемов Б. Ручьев передает всю сложную гамму человеческих чувств, все изгибы человеческого характера (На примере III главы поэмы "Любава").

Виктор Федорович Потанин (Род. в 1937 г.)

Виктору Потанину нужна только правда о человеке, а правду о нем можно узнать, когда он на пределе своих нравственных переживаний, на пределе своих нравственных возможностей.

В. Петелин.

Нравственный компас писателя

Нередко в литературной критике на основе тех или иных принципов выстраиваются определенные ряды писательских имен. Вот почему, когда глаз встречается со списком, открывающимся фамилией Ф. Абрамова, память невольно продолжает перечисление: В. Астафьев, В. Белов, С. Залыгин, В. Лихонос, В. Распутин, В. Солоухин, В. Шукшин, В. Потанин... Становится ясно, что речь идет о представителях так называемой деревенской прозы.

Возникшее в писательской среде в 50-е годы понятие "деревенская проза" (В. Овечкин) поначалу несло в себе только ярко выраженную положительную окраску и было закреплено за "деловым очерком".

В эту пору принадлежность к "деревенщикам" предполагала борьбу с лакировкой действительности, с бесконфликтностью, внедрение в гущу народа, социальную активность писателя, жгучую заинтересованность в светлом будущем родного народа. Воплощением этих качеств были "Районные будни" В. Овечкина, "Записки агента" Троепольского, очерки В. Тендрякова, С. Залыгина и др.

Однако не прошло и десяти лет, как односторонность очеркового познания жизни стала очевидной. Эти годы перехода от социально-экономического анализа быта к нравственно-философскому художественному постижению бытия были отмечены усилением писательского внимания к человековедческим проблемам. Появляются писатели, обратившиеся к неспешному, несуетному, углубленному изучению внутреннего мира человека. Творчество Виктора Потанина начиналось и обретало силу именно в том потоке нашей литературы 60-х годов.

Родился Виктор Федорович Потанин 14 августа 1937 г. в с. Утятском Притобольного района Курганской области в семье учителей. Детство во многом определило судьбу писателя. У поколения, к которому принадлежит Виктор Федорович, детство было военным, холодным, голодным, тревожным, породившим раннюю чуткость, раннее сострадание к чужому горю, раннюю ответственность за чужую судьбу. Это и есть главные черты таланта, с них всех и начинается становление писателя. Виктор начал писать очень рано. Маленькие рассказы, воспоминания, мальчишеские клятвы. После окончания школы окончил Курганский пединститут и Литературный институт им. А. М. Горького. Много лет работал ответственным секретарем курганской областной газеты "Молодой ленинец".

Печатается с 1954 года, но своим литературным дебютом Виктор Федорович считает появление в еженедельнике "Литературная Россия" рассказа "Подари мне сизаря" (1964 г.). С этого времени Потанин стал постоянным автором в еженедельнике, неоднократно был лауреатом года. Известность пришла после публикации в журнале "Наш современник" повести "Над зыбкой" в 1971 году.

"Путевку" в литературу, считает писатель, ему дал известный прозаик Сергей Антонов, от которого он, начинающий еще писатель, получил совет на счет двух путей, открывающихся перед каждым вступающим в литературу. Первый - перестать быть индивидуальностью, отказаться от своего видения мира, работать по шаблону, сочинять серые поделки. Второй - остаться мужественным, беречь свой талант, развивать свое своеобразие. Потанин выбрал второй путь, потому что, то, что вышло из-под его пера за годы творчества, не спутаешь ни с чем, а награды за творчество говорят сами за себя: лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат премии журнала "Смена" и еще многих престижных премий в области литературы и искусства, таких как, например, премии И. Бунина "За лучший рассказ" (1994 г.)

В настоящее время живет и работает в г. Кургане. В. Ф. Потанин - профессиональный писатель, его творчество известно не только в России, но и далеко за ее пределами. Его произведения переведены практически на все европейские языки. Виктор Федорович является секретарем Союза писателей России и членом приемной комиссии Союза писателей России. Ведет большую общественную работу.

"Фундаменты" жизни в прозе Виктора Потанина

Проза Виктора Федоровича самобытна, глубоко трогает читателя своей непосредственностью, доверительностью интонаций, обращением к самым затаенным уголкам человеческого сердца, честными и мужественными характерами, бескомпромиссными, неподкупными.

Обостренное чувство малой родины, память отчего дома, ощущение своих корней и непрестанное их притяжение - не просто тематическое "обличье" повестей и рассказов писателя. Это сама жизнь, естественное бытие ее. И если последовательно прочитать ряд его повестей и рассказов, то можно заметить некую общность их сюжетно-композиционной структуры, общность, связанную с мотивом памяти. Ситуация возвращения героев памятью к своим истокам, к родному дому, к близким - к тому, что было в прожитом, что оказывается нравственной основой их настоящего, определяет их будущее, - довольно типична для прозы Виктора Потанина. **Показательны в этом отношении повести "Пристань", "На обрыве", "На чужой стороне", рассказы "Соловей", "Облака", "Легкая", "Птицы" и ряд других.** Сегодня творческий багаж писателя составляют более десяти повестей и несколько десятков рассказов.

Сюжет своих произведений писатель чаще всего строит на конфликте людей разных жизненных представлений. Его герои живут в этот момент жизни напряженными духовными поисками выхода из этого момента жизни, стараясь объяснить и себе и другим, почему наступил и разразился этот неожиданный конфликт, они мучаются, казнят себя и других. Именно в этот самый тяжелый момент своей жизни люди становятся самими собой, а когда все тихо и спокойно, человек может скрыть свое подлинное лицо под маской благопристойности, закрыться и спрятаться за лживыми словами.

Герои Виктора Потанина не совершают громких дел. Они погружены в повседневные, будничные дела, которые и составляют их жизнь. Писатель не дает нам чего-то надуманного в человеке, герои его произведений узнаваемы, как будто живут рядом с нами в одном селе, в соседнем доме, на соседней улице. Но среди них нет "маленького человека", каждый герой - индивидуален и поразительно интересен, и ярлыков "положительный" и "отрицательный" тоже не найдете. Автор предоставляет самому читателю разобраться: кто есть кто.

Проза В. Ф. Потанина лирична. Боли и тревоги автора проистекают от его любви к родному краю, к его людям и делам. Через па-

мать дома он пробуждает чувство родины, наших общих истоков, наших родных и близких.

Дом, память родины, память односельчан, могилы предков - вот тот фундамент, на котором человек возводит стены своей жизни. Стены можно "поправить". Был бы хорош фундамент.

Что происходит с человеком, когда он срывается с "фундамента" жизни, В. Потанин показал в повести "На чужой стороне". Повесть впервые была напечатана в журнале "Урал" в 1975 году. Сам писатель называет ее одним из лучших своих произведений.

В подзаголовке к повести автор дал как бы жанровое уточнение: "Из цикла "Сельские монологи". Композиция повести - монологи героя наедине с самим собой или в разговоре с собеседником.

Главный герой повести двадцатилетний Веня Китасов, по сравнению "Мешок", сталкивается с семьей Клементьевых, за которой стоит весь деревенский люд, с его здоровой психологией, нравственным, возмнил, что у него большой талант художника. Деревенские заботы - это не для него. Уехал в город и теперь в деревню лишь наезжает.

Впервые мы встречаемся с героем, когда он в очередной раз приезжает в деревню. "Веня очень высокий и очень худой. На красивом чистом лице - большие глаза с выражением страдания. Таким глазам верят, ищут в них утешение и часто находят. Шея у Вени тонкая, девичья, по горлу катается кадычок. Фигура сутулая, оттого что все время пригибает голову - стыдится своего роста. При ходьбе сильно размахивает руками, и это размахиванье вызывает насмешки". Китасов неудачник в жизни. Мать его - Елена Петровна умерла, любил он ее очень. А он из тех людей "для которых мать - вечная печаль, вечная рана. Но не будет ее, этой печали, и сама жизнь становится ненужной и потом вовсе исчезнет, провалится в пустоту..." И как жется Вени теперь, что остался он совсем один на свете. Отца он никогда не любил. "А после смерти матери, не мог даже оставаться с ним в одной комнате, винил его, не прощал". Через три месяца после смерти матери привел отец женщину - Марию Ивановну, которая "признавала только одно - большой кошелек. Ради денег потащила отца в далекий Сангар", там он и умер. Перед отъездом отец переписал дом на имя сына.

Китасов продал все оставшееся от матери и подался "натуру" изучать. Метался из города в город, нигде не задерживался, мечтая потом всё запечатлеть в красках, т. к. у него есть увлечение, ставшее не просто страстью, а смыслом жизни - рисование. "В детстве он рисовал людей, дома, свою улицу, а теперь рисует духовное, сложное, не сами предметы, а свои представления, поэтому и картины выходят сложные - посторонний бы в них ничего не понял". Он живет мечтами о будущем, когда, наконец, станет знаменитым и все деревенские знакомые так и ахнут от удивления. Надо бы работать, свой талант и великое будущее, что решительно нигде не учился, только перелетал с одной работы на другую, но и специальности у него нет. А надежду на славу зародила в нем когда-то учительница Галина Петровна, да и самому ему хотелось выделиться из толпы и вознестись над ней. Он стал рисовать картины и показывать их людям, но в деревне над ним начали смеяться и он невзлюбил деревню и "убрался" в город. Но слава не пришла. Нет признания, нет понимания, нет родных.

У главного героя одна отдушина: он часто приезжает теперь на выходные из города в свой дом.

В один из таких приездов в деревню Китасова Вени и знакомит нас с ним автор. А приезжает Веня в деревню с большим рюкзаком, за что и получил прозвище "Мешок", с палаткой, водкой, транзистором, внешне на туриста смахивая. Деревенские за такой образом жизни презрительно называли его Туристом. "Ни в деревне тебе места нет, ни в городе - ни места, ни местечка", - говорит его соседка.

Не понимают люди Китасова, как не понимали всех великих, а о них Веня любит читать и примерять к себе, и видит даже тот луч славы, который освещает их после смерти, верит, что когда-нибудь слава высветит и его. Но пока ее нет, а есть только дом, где родился, который оставил, но навещает.

В повести В. Потанина дом - не просто изба, это символ достойного человека, вернее, его отсутствия. В глазах односельчан Китасов уронил свое достоинство. Он запустил дом, который с улицы и сейчас хорош: "Бревна в сруб положены ровно, - одно к одному. Под солнцем в них смолка повытопилась, но ничего с ними не сделалось, ... и вверху крыша такая же прочная, свеженькая, под листовым белым шифером", а главное фундаменты хороши под домом. Веня порою свой дом любит, а порою ненавидит, потому что люди,

особенно соседи, допекали его, лезли в душу, к дому цеплялись, продать просили. "Неужто дом лучше его самого? Он такие картины пишет, а они все - дом, дом, какой дом!" Когда приезжает Китасов в деревню, то в свой дом пробирается тайком, чтобы никто не видел. Зачем же он ему тогда нужен? Соседи дают за дом столько, сколько он захочет, но Веня не соглашается его продать. Почему?

В финале дом сгорает. Пьяный Веня роняет горящую сигарету. Сам успел выскочить, а дом сгорел, Веня исчез. Но о нем говорят в селе, его ждут, верят, что объявится, потому что здесь могила матери. Да и дом можно восстановить. Плотник Иван Митрофанович говорит: "Живы фундаменты-то. Поправить можно..., да и простеночки с милостью..." "Ему же в уста автор вкладывает пророческие слова: "Когда прибывший участковый спрашивает: "Кто поджег?" - "А всех нас и пиши. Мы прогусарили парня", - отвечает Иван Митрофанович. "Правильно плотник толкует - целы фундаменты, а стены - второе дело" - так завершает Потанин повесть.

Дом, память родины, память односельчан, могилы предков - это тот фундамент, на котором человек возводит стены своей жизни. Стены можно "поправить", был бы хорош фундамент. Но Веня ссорился с "фундамента" жизни. Возможность его возвращения, убеждает нас писатель, есть возможность его возрождения. Виктор Федорович очень тонко дает понять читателю, что его героя не надо оценивать однозначно, он не хочет, чтобы читатель посмеялся над Веней. Его неприкаянная, мятущаяся душа созвучна внутреннему миру автора, который признался, что прототипом главного героя является он сам.

Повесть задумана и исполнена превосходно. Написана талантливым человеком, мастером слова. Сегодня она читается свежо, злободневна, "живы фундаменты" России, значит возродится. Надежда есть.

Много прекрасного написал Виктор Потанин в последующие годы. О его творчестве написаны серьезные, критические исследования Н. Яновским, И. Стрелковой, Ю. Селезневым и др.

Своим литературным учителем Виктор Федорович считает Юрия Казакова. Свое литературное кредо выражает как желание написать судьбу простого человека, чаще всего в печальных обстоятельствах, провести его дорогой испытаний, горя, на которой радости - лишь маленькие праздники, дающие лучик надежды.

Любимым писателем Виктор Федорович называет своего друга В. Лихоносова. Есть у него еще друзья - В. Распутин и В. Белов. Нет смысла представлять их, имена эти известны всей России, каждому школьнику.

В 1997 году В. Ф. Потанину исполнилось 60 лет. Он полон жизненных и творческих сил. Сегодня на столе писателя новая повесть, с которой скоро познакомятся читатели. Называется она: "Крики мальчишек", думается, что она, как и вся проза В. Потанина, будет ключом к пониманию окружающей нас жизни.

Вопросы и задания

1. Какой совет получил начинающий писатель от именитого прозаика С. Антонова? Как вы думаете, что случилось бы, если бы Виктор Федорович выбрал первый путь?

2. Почему повесть "На чужой стороне" и сегодня является злободневной?

3. Критики называют В. Потанина мастером слова, потому что он умеет "рисовать словом", передать жизнь, живую жизнь, во всем ее многообразии. Составьте сообщение на тему "Мастерство писателя в повести "На чужой стороне".

4. Прочитайте рассказы В. Потанина "Русская печка" и "Когда прошли дожди". Покажите способы раскрытия характеров героев в рассказах. Что хотел нам сказать писатель? Над чем он заставляет задуматься? Какие чувства возникли у вас при чтении?

Обращение писателя к читателям.

Виктор Федорович - частый гость в школах города и области. Писатель с большой болью отмечает, что у него складывается удручающее впечатление от того, что он замечает: все меньше и меньше молодежь читает, телевизор отвернул от русской классики юность. А где может пытливый молодой ум почерпнуть больше силы, как не в ней.

Прислушайтесь к словам писателя, и вам откроется удивительный мир, целая энциклопедия человеческих ощущений, страстей, желаний, любви и ненависти, самоотверженности и мужества.

Писатель В. Потанин желает вам читательских открытий.

Иван Павлович Яган (Род. в 1934 г.)

Иван Павлович Яган родился 30 сентября 1934 года в деревне Байдановке Таврического района Омской области в крестьянской семье. Окончил Уральский государственный университет, Литературный институт, в 1966 году принят в Союз писателей.

В жизни перепробовал немало профессий. Был рабочим нефтебазы и консервного завода в Омске, служил матросом на Черноморском флоте, работал сотрудником и редактором заводских многотиражек, литконсультантом Омской писательской организации, корреспондентом газеты "Советское Зауралье". В 1974-1997 годах - ответственный секретарь Курганской областной писательской организации. Награжден медалью "За доблестный труд", Лауреат премии журналистов СССР (1964).

Литературная деятельность началась со стихов. Их заметил и благословил знаменитый писатель Л. Соболев. Ценил лирику И. П. Ягана Н. Рубцов.

В 1959 году в издательстве "Молодь" (Киев) вышел сборник стихов "Матросская лирика". Затем последовали книги: "На улице строительной" и "Я боюсь тишины" (1963). В последующие годы выступает преимущественно как прозаик (очерки, рассказы, повести). Писатель разрабатывает и большую литературную форму - жанр романа. Широко известны трилогия "За Сибирью солнце всходит" и сборник прозы "Перекаты".

В произведениях И. П. Ягана встает мир тружеников земли и заводских цехов, поднимаются важные проблемы нравственного становления человеческой личности.

Так, например, главная мысль очерка "Исповедь бывшего курильщика" - осознание своих пороков, дурных привязанностей и победа над ними.

Автор показывает силу пристрастия человечества к табаку и способность главного героя преодолеть эту вредную привычку.

Вскрывая серьезную проблему, писатель обращается к иронии: "А сам я чуть ли не в табаке вырос". Отношение к табаку в очерке отразило народное ироническое и критическое восприятие этого зелья, но и привязанность людей к нему. По мнению И. П. Ягана, табак в народном сознании - отравя, но такая, к которой тянутся люди по утвердившейся привычке. Автор ярко, со вкусом бывалого курильщика, в детальных подробностях описывает процесс курения.

"А как умел курить мой отец! Сворачивая сигарку, он всегда о чем-то задумывался. Смотрит на окно, а пальцы делают свое дело: достают из кисета табак, разжимаются, и табак с легким шорохом высыпается в бумажку, вогнутую таким корытцем. Но вот сигарка готова. Отец берет ее в левый угол рта, зажмуривает левый глаз, когда раскуривает самокрутку...

Сигарку держит промеж указательного и среднего пальцев. Вокруг этих пальцев, словно игрушечная поземка, ползает струйка синего дыма, который сочится из негорящего конца сигарки. Пальцы у него вместе с ногтями и блестят красно-желтым глянцем. Ко рту сигарку отец подносит не часто, но уж если затянется... Когда сосет папиросу - у него даже щеки внутрь проваливаются.. Убирает сигарку, а губы его делают звук: пак! В открытом рту еще виден клубящийся белый дым, но он проваливается в отцовское горло. Затем отец начинает дышать нормально, и из него постепенно выходит дым. Выходит медленнее, маленькими порциями, и уже не голубой, а серый, как тулуп".

Заядлые курильщики готовы не есть, только бы табачным дымом насладиться. Табак по причине его притягательной силы стал даже мериллом человеческих отношений.

"Вообще у нас в деревне табак был мериллом человеческих отношений. С помощью и посредством табака определялся характер, мера уважения друг к другу. Например, просить закурить "твоего табачку" - это не просто закурить. Тут может скрыто плохое и доброе.. Один просит "твоего табачку", чтобы похвалить его, сделать приятное хозяину. Иногда угощение табачком - предлог для мира, для делового разговора. Бывали люди, неумевшие и ленившиеся выращивать табак. Поэтому они круглый год "пробовали" чужой табак, и, как правило, хвалили даже самый вонючий. На таких смотрели снисходительно, с сочувствием. Но всегда с брезгливостью подавали деревенские мужики кисет скряге, который каждый день "забывал" свой кисет с табаком дома".

Люди себя обманывают, считая, что без табака ни одно дело не обойдется: "Прежде чем к делу приступить - надо покурить, заодно подумать. Закончил работу - не торопись уходить, сядь, покури, полюбуйся..." - утвердилось правило.

Без табака и мужчина - не мужчина. Настоящий мужчина, по ложным представлениям, должен "обрастать бородой, говорить басом, гудеть как действующий вулкан, и, "конечно, дымить при этом". И. П. Яган приводит в рассказе даже названия песен, в которых "опозитизирован" процесс курения: "Давай закурим, товарищ, по одной..." "Курил в Стамбуле злые табаки...", "Над крылечками дым колечками. И. Черемуха под окном", "Закурю-ка, что ли, папиросу я...".

Итак, первая часть исповеди называется "О табаке вообще". Дальше писатель рассказывает о том, как он сам начинал курить, объясняет причины этого.

В курении выражалось подростковое стремление выделиться из своей компании, самоутвердиться: "Пачка толстых папирос говорила о твоей самостоятельности, твоей экономической независимости".

Курение - возможность щегольнуть перед девчонками. Вот что вводит в искушение. "Весь смак в том и состоит, чтобы на глазах у девчонок достать из кармана пачку, щелчком выбить из нее папироски и почти на лету поймать. Небрежно дунешь в мундштук и зажжешь папиросы в зубах! Когда она у тебя во рту, то твоя цена как мужчины удваивается. Тогда ты можешь весьма эффектно прислониться к соседнему забору, можешь по-рыцарски скрестить руки на груди и выбрать нужный наклон головы. Когда у тебя в зубах папироса, ты не будешь хохотать во весь рот, словно девчонка; ты, пожевывая папироску, сдержанно и даже кислотовато ухмыльнешься как подобающе мужчине. И это возвышает тебя, делает загадочным в глазах девчонок..."

К курению подталкивало и молчаливое поощрение старших-курильщиков, не осознающих вред табака. Герой рассказывает о себе, как во время работы взрослые первый раз угостили его табачком.

"И вот мы все сидим: отец, сосед, я и двое подрядившихся плотников. Один из них, белорус дядька Семен, достал пачку папирос и, встряхивая ее, стал подносить каждому из сидящих. Все

протянули руки, взяли папиросы. Чем ближе подходила пачка ко мне, тем сильнее стучало мое сердце. Вот берет папиросу со мной сидящий отец. У меня в голове стоит звон, темнеет в глазах. "Взять или..."

Что делать?". Вот уже отцовская рука взяла папиросу. А рука дядьки Семена бульдозером, неотвратимой лавиной надвигается на меня. Вот она, пачка "Норда" с темнеющими отверстиями папиросных мундштуков, так похожая на пчелиные соты. На миг во мне отключаются все чувства, остается одна звенящая тишина. Я медленно тянусь слегка вздрагивающей рукой за папиросой. Сердце мое замерло. Если бы в эти секунды отец даже негромко сказал: "Ты что делаешь!", - у меня бы случился разрыв сердца. Но все было тихо, мужчины говорили о чем-то своем".

С возрастом внешний эффект курения стал терять для героя свое значение, но оно вошло в привычку.

"Курение теперь становилось как бы одним из элементов любого дела; после еды надо закурить, иначе чего-то не хватает; на работе обязательный перекур заведен; в вечерней школе после уроков пяти минут пятнадцать отданы курению. Все разрывы, неплотности, которые раньше бывали между двумя-тремя делами, теперь надежно соединяли минуту с минутой. И уже казалось немыслимым не курить: ведь могло образоваться за день столько свободных "окон", которые ничем другим не закроешь. А значит, пришлось бы скучать. Курящему эти "окна" нипочем. Ждешь ли автобус, электричку - перывым делом, закуришь. Еще раз закуришь - и электричка пришла. Иной раз этих "окон" хочется".

Со знанием дела бывший курильщик рассказывает, как плотно затягивало курево.

Наконец, настало время, когда курение стало физической потребностью: "Бутафорская роль папиросы кончилась. Теперь курить хотелось так же, как пить, даже сильнее".

Читателю в очерке представлены курильщики двух категорий - активные и пассивные. Герой относит себя к активным курильщикам и рассказывает о том, как закалялся в этом качестве на военной службе, когда в курилке выставляли ящик с махоркой - "кури сколько влезет". Курил от всей молодой души. Однако настало время, когда организм восстал против курения. Физическая нагрузка стала проворкой тех изменений, которые уже произошли в организме. Во время учений, вспоминает герой, "... у меня темнело в глазах, останавливалось сердце, кружилась голова. Но старлей всегда переводил

роту на шаг именно тогда, когда я готов был пойти на обочину дороги и упасть. Очень болела голова, тошнило. Я еще не догадывался, что это от курения. На привале ребята закуривали. Мне махорочный дым казался противным в эти минуты, и все-таки я закуривал, курил без всякого желания, без удовольствия. Это, пожалуй, сказывалась привычка заполнять те самые "окна" между делами".

На себе проверил автор, что от табака организм дряхлеет, и все-таки заядлому курильщику "так страшно подумывать о разлуке с табаком, как страшно отдать на отсечение собственную руку".

Над автором - героем очерка табак тоже взял власть: "И ничего-то не читается, ничего не пишется, страшно подумывать, что впереди еще целый день. Сам не замечаю, что начал слоняться по комнате из угла в угол - руки в брюки. Все мне мешает: стулья, детские тапочки, собственная майка на мне. Наверное, я был похож на тигра в клетке".

Но герой находит в себе силы порвать с этой пагубной привязанностью. Расставание с курением - процесс трудный и сложный. Главное здесь - психологический перелом, способность найти в себе внутренние силы, чтобы порвать с вредной привычкой.

Запоминается эпизод, в котором повествуется о том, как пенсионер-сосед соблазняет сигаретой, предлагая герою закурить. Не случайно встреча с соседом, дядей Андреем, так запомнилась повествователю. Она кажется испытанием. Испытание - "не закурить в компании мужчин".

"Был праздник, кажется, День строителя. В нашем доме во многих квартирах гуляют. Мне надоело спать, а читать или писать без курева еще не могу. Решил прогуляться по улице. На лавке возле подъезда сидит наш "старший по дому", пенсионер дядя Андрей. Он бывший строитель и сегодня "под мухой". Я люблю беседовать с ним, наслаждаясь его изумительным немецким акцентом.

- Здравствуй, дядя Андрей! С праздником вас!
- Стравствуй, - отвечает он, - и тебя туда же... (Это, видимо, означает - "И тебя тоже с праздником").
- Как жизнь, дядя Андрей?
- Жизнь? Местами ничего попадает. Ты мне, Фанюшка, ис-

фини, я маленько выпилыши. Сакуривай. - Дядя Андрей держит перед моим носом пачку "Севера". Но я высокомерно улыбаюсь.

- Нет, дядя Андрей, все - не курю! Бросил.

- Што ты хаваришь! Молёдец! Я тоже бросали, целый год не курил. Ох, и мучились! А потом по пьянке сакурить, и пошель...

Уверяю соседа в том, что сейчас уже совершенно равнодушен к табаку, показываю ему, на сколько дырочек на брючном ремне поправился. А у самого сердце готово выскочить от волнения, от зависти к соседу, который так аппетитно затягивается пахучим белым дымом... Но кончил курить дядя Андрей - и я тут же забыл о табаке. Вспомнил о нем вечером, когда сел за письменный стол, положил перед собой чистую бумагу и записную книжку. Это были тяжкие муки. Написав с трудом строчку, падал на диван и лежал несколько минут. Затем несколько минут ходил по комнате. Выпив стакан крепкого чая, садился к столу и писал еще две-три строчки. Если раньше за вечер мог написать небольшой очерк, то теперь осилил всего одну страницу. Но как я торжествовал утром, глядя на эту страницу, зная, что написал ее все-таки без папиросы. Значит, я смогу работать! И действительно, в следующий вечер производительность моего труда утроилась, а на четвертый день очерк был закончен. Первый очерк, написанный мной - некурящим человеком!"

Некурящий человек! Писатель поставил восклицательный знак. В этом сказалась радость победы над собой. Оказывается, можно не быть "рабом зелья"... из семейства пасленовых. До самого открытия Америки тысячи лет жили люди других материков без этой отравы - и ничего. А теперь? Нет, курение - не физическая потребность, оно не похоже на потребность пить и есть. Нет хлеба - можно есть мясо, нет мяса - есть овощи и т. д. В конце концов, можно жить, питаясь всего одним хлебом. Но попробуйте дать заядлому курильщику вместо табака какую-нибудь другую траву. Не на того напали! Сколько мы знаем примеров, когда у людей, обреченных на голодную смерть (у покорителей полюсов, у путешественников), каким-то чудом оказывался табак. А какой мальчишка не видел в кино защитников Севастополя, каждый из которых перед тем, как броситься с гранатой под танк, затягивался табачным дымом! И это было вместо молитвы, вместо крестного знамения. Так что табак - это не просто растение, "содержащее алкалоидные вещества". Это какая-то религия, что подтверждают бывшие курильщики. Я тоже убедился, что мне, когда бросил курить, не пришлось испытывать какой-либо физической боли, физической слабости. Все буквально было направлено на борьбу с собственным сознанием. Я нередко вспоми-

В 1989 году в журнале "Наш современник" была опубликована его повесть "Спецпереселенцы".

Спецпереселенцы - кто они? Развязав настоящую войну против крестьян, административная система запретила самостоятельное переселение и распродажу собственного имущества под угрозой полной конфискации. На многих дорогах, станциях, вокзалах были организованы специальные заградительные посты и отряды, состоявшие из регулярных войск, милиции, НКВД, партийного и комсомольского актива.

В считанные сутки крестьянскую семью, подвергнутую "раскулачиванию", сажали на поезд в товарные вагоны и посылали далеко за пределы родных мест в необжитые районы Севера, Урала, Сибири, Казахстана. По дороге многие умирали.

Всего за четыре года "коллективизации" в отдаленные районы было выселено около 300 тысяч крестьянских семей, то есть около 1,5 миллионов человек. Эти данные преуменьшены во много раз. На самом деле, соответственно общему количеству высланных крестьян, размещенных в необжитых районах страны, в спецпоселках созданных при рудниках, шахтах, строительстве и др.

Однако через спецпоселки прошла только сравнительно небольшая часть крестьян. Кроме того, названная цифра, естественно, не включает крестьян, заключенных в трудовые лагеря и тюрьмы. Вот об этих людях задумал и написал свою повесть В. Еловских.

"Спецпереселенцы" - небольшая по объему повесть, состоящая из четырех глав. В центре повествования семья Болдыревых. Отец Андрей Григорьевич, рыжебородый кержак, мать - Мария Васильевна и две их дочери Катя и Люба. Жили на Дону, в станице, крестьянствовали, дом имели из трех комнат и кухни, корову и две лошади, да собаку. Грянула весна 30-го года, и среди десяти других семей в станице, раскулачили и их. Увозили утром, на телегах, в неизвестность. Из окон "выглядывали казаки и казачки. С любопытством. С сочувствием. Но кое-кто и со злорадством. Степь уже покрывалась умытой зеленью". Теперь они уже не казаки, а спецпереселенцы.

Задание. Автор не показывает в повести сцены раскулачивания. Можно предположить, что это было так, как это описано в романе М. А. Шолохова "Поднятая целина". Перечитайте сцены из романа, в которых рассказано как раскулачивали.

Везли долго в товарном вагоне. Чем дальше, тем холодней становилось, наконец, "доволокли" до таких мест, где снег был везде - это был Северный Урал. Все чужое, пашен не видно, лес, "горы угрюмые", ясно, что их везут туда, "где не пашут, не сеют. Открестьянствовали. Тягучей горечью наполнялась от этого душа".

И началась "новая жизнь" для семьи Болдыревых, Котовых и сотен других бывших "эксплуататоров". Началась она в тайге, у реки, где стояли старые бараки с поломанными дверями и дырявой кровлей, в которых общие нары, теснота и вонь. Это был их новый дом, первый, но не последний, только начало страшного и непонятного пути, который далеко не каждый пройдет. Особенно тяжелой оказалась зима. "Все тут было непривычным: глухая тайга, бесконечная зима с дикими морозами, когда воздух становится столь густым и тяжелым, что его уже не вдыхаешь, а как бы проталкиваешь глоток за глотком, когда лицо обжигает, будто огнем, и в воздухе что-то сухо и зловеще потрескивает. И работа у степняков-земледельцев была тоже непривычная - валка леса и трелевка".

Не хватало еды, хлеба давали мало, голодали. Но люди работают, со старательностью кондовых крестьян. В основной своей массе они очень терпеливы, не ропщут. Многое в теперешнем мире непонятно не только им, но и людям, живущим здесь - "вольным". "Кулак - это богатый крестьянин, эксплуатирующий батраков, но ведь большинство здешних спецпереселенцев неграмотны, батраков никогда не держали и эксплуатировали лишь самих себя", - думает директор школы Зоя Федоровна. Она сочувствует этим людям, особенно тяжело ей смотреть на детей, хочется уйти из этой школы в обычную, но не переводят, отказывают.

Основная масса крестьян терпеливо сносит все невзгоды, выпавшие на их долю, хотя охраны практически нет, можно и убежать, но куда? Без паспорта, в чужой стороне. Как-то раз пошла Катя с подругой в лес за хворостом. Идут и видят: возле дороги костер догорает, а возле него лежит мертвец. Прибежали в барак сообщить. "В бараке были только малыши да больной старик с костылями, лежавший на нарах. Выслушав девочек, он сказал безразличным голосом: "Беглый, наверное", - и отвернулся". Не повезло, бедняге, но и с ним живым не лучше. Вот и Михаил Чаусов, высланный из одной станицы с Болдыревыми, убежал. Может быть, ему больше повезет. Он один на свете остался. Был у Михаила хороший курень, были невеста, мать. Когда началось раскулачивание, невеста от него отшатну-

лась, а матушка слегла и через несколько дней умерла. Нечего ему терять. Бежать он решил сразу же после приезда на Урал. "Везде кости казачьи лежат. Даже в чужеземных странах. А зараз и в Сибири будут. Разделались с нами мужичье, как бог с черепахой. Нет, эта кроличья жизнь не по мне. И я что-нибудь придумаю".

Не только казачьи кости в Сибири и на Урале теперь лежат. Были здесь и уральцы, которых тоже начали раскулачивать. Среди спецпереселенцев ходят слухи, что скоро, якобы, обратно "возвратят" всех, на что Михаил Чаусов зло сказал: "Если уж куда и отправят, так это на кладбище. Видели, как оно за зиму-то выросло!"

Нашли на кладбище свой последний приют и Мария Васильевна и Андрей Григорьевич Болдыревы, "новой жизнью" пожив год с небольшим: Никто не знал, от какой болезни, да никто и не пытался узнать. Остались одни Катя, десяти лет и Люба восьми лет. Люба перед Рождеством умерла. И Катя сразу из детства шагнула во взрослую жизнь. Теперь глазами девочки, ставшей в одночасье взрослой, показывает автор окружающую жизнь. Живет она теперь в самом крупном во всей округе спецпоселке Косьювинском, в интернате для детей спецпереселенцев.

Тут много барачков, школа есть начальная, магазин и главная достопримечательность - погост, где большие братские могилы и отдельные могилы. В одной из таких братских могил и похоронена Люба Болдырева. "И это зловещее соседство вносило горечь и тревогу в души людей".

Летом Катя осталась совсем одна во всем интернате - это барачок, где стоят четырнадцать наскоро сколоченных из досок топчанов, ей страшновато ночью, но больше всего донимает голод. И вспоминает она, что зимой давали школьные обеды, как хорошо было, а сейчас голодно. Пытается искать съестное на помойках, но там ничего не находил даже облезлый кот Васька. Никому нет дела до того, как живет Катя, да не только она. Таких, как она, много в каждом спецпереселенческом поселке, а работать заставляли, как взрослых, гоняли в лес, где на глухих лесных вырубках они собирали сучья, ветки и сжигали на кострах, на прополку посылали. За крохотную сумму денег работает Катя уборщицей в магазине. Пожалел ее продавец Иван Иванович, да недолго, увезли его в больницу, а новая продавщица - "мордастая баба" - отказала в работе. Нет в жизни ребят места детским радостям, играм и развлечениям. Самые теплые воспоминания, от которых покруживается голова, из прошлой

жизни - "чудятся - мерещатся ей любимые вареники с творогом и пирожки с мясом".

По-хорошему девочку надо бы отправить в детский дом. Об этом думает директор школы, но сама не верит в такую возможность. Слишком много таких детей. Вот и живут они в "липкой холодной неуютности", с виду дети, но с "тяжелыми глазами, как у изработанных баб", и ждут решения своей участи. Катя не озлобилась, она просто думает, что такая жизнь предназначена ей богом навечно.

Через два года голодной, одинокой жизни, ее вместе с воспитанниками детского дома привезли на завод. Кате еще не было четырнадцати лет, но "что-то усталое, забитое, чисто бабье в глазах" делает ее старше. "Она все еще - душой и телом - чувствовала себя частицей того, уже ушедшего от нее мира, забитого, уничтожаемого". Как долго это будет продолжаться?

"Кулачество было злейшим врагом социализма - сурово вещал репродуктор. - И мы перешли к политике ликвидации, к политике уничтожения кулачества как класса. Холодок страха прокатился у Кати в груди".

Это последние строки повести, в которой автор правдиво рассказал о том, как ломали "хребет крестьянству" в 1930 году в нашей стране. У главной героини повести есть прототип - это жена Василия Ивановича Еловских - Евгения Ивановна. Ей автор посвятил свою повесть. Встретил свою будущую жену Василий Иванович в Первоуральске, где она работала на заводе. Ее судьба легла в основу повести "Спецпереселенцы".

Вопросы и задания

1. Проследите по тексту повести, как относятся люди к происходящему в стране.
2. Чем можно объяснить то, что люди, в основной своей массе, терпеливо переносят нечеловеческие условия жизни в спецпоселках и каторжный труд?
3. Охарактеризуйте речь героев. В поселках спецпереселенцев многообразная региональная речь. Что хотел сказать этим автор?
4. Каковы особенности пейзажа в повести? Какова композиционная роль описаний природы?
5. Напишите очерк, рассказ или сочинение о судьбе человека, знакомого вам или родственника, испытавшего на себе бремя "раскулачивания".

6. Автор повести - Василий Иванович Еловских жив, живет в г. Кургане, жива и его жена Евгения Ивановна, чья судьба легла в основу сюжета повести. Организуйте встречу с писателем, чтобы из первых уст услышать о тех страшных событиях.

Авторское пожелание Вам

Некоторые авторы пишут в книгах, что из спецпоселков убежать было невозможно. Это неправда. Я знал многих, которые убежали из спецпоселков. Охрана была плохая, а порой и вообще ее не было. А вот "на воле" таким беглецам было тяжело, приходилось все скрывать.

Я написал об этом две маленькие повести - "Побег" и "Бродяга".

Если это вас заинтересует, прочитайте.

Василий Еловских,
август, 1997 г.

В. И. Еловских **СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ**

Евгении Ивановне Селиверстовой -
человеку нелегкой судьбы,
посвящаю

1

Падал унылый лохматый снег. Деревья будто застыли. За всю дорогу не встретилось ни одной подводы и, кажется ни одного человека, лишь изредка - версты через десять - показывались немые деревушки, маленькие, как варежка, с темными, тоже унылыми бревенчатыми избами.

Обоз с раскулаченными вытянулся почти на полверсты. Ехали тихо. Подвода, в которой везли семью Болдыревых, была в середине обоза. Катя и ее младшая сестренка Люба сидели в санях рядом с узлами, обшарпанным чемоданом и корзиной. Их отец, Андрей Григорьевич, рыжебородый кержак, и мать, Мария Васильевна, моложавая женщина с усталыми глазами, шли возле саней.

Возница - недобрый на вид мужик - изредка подозрительно взглядывал на Андрея Григорьевича. И когда старший Болдырев спросил, долго ли еще ехать, сухо отвечив, окая по-уральски:

- Не торопись. Не в гости едешь? Успеешь ешо намантулиться.

- А какая там деревня, куда нас везут? - спросила Мария Васильевна.

Возница не ответил.

Мария Васильевна наклонилась над девочками.

- Не замерзли?

- Нет, - сказала Катя. Ноги немели у нее от холода, на шее таяли снежинки и холодными щекочущими каплями стекали по спине. Но Катя не хотела признаваться в этом.

- А ты, Люба?

- Я не люблю зиму, - вяло проговорила она.

Сказала так неспроста.

Их увозили из весенней донской станицы утром на телегах. Больше десяти семей раскулачили. Говорят, позднее еще раскулачивали. Станица тогда только-только пробудилась. Из окон выглядывали казаки и казачки. С любопытством. С сочувствием. Но кое-кто и со злорадством. Степь уже покрывалась умытой зеленью. Поводный Дон непривычно скоро гнал свои воды к близкому морю.

Потом Болдыревы долго, очень долго ехали в товарном вагоне-теплушке с нарами в два яруса, битком набитом взрослыми и ребятишками. Теснота. Духота. И грязь. И чем дальше ехали, тем холодней становилось. Вот уже и снег показался, он лежал в оврагах и низинах. А потом их доволокли до таких мест, где снег был везде, - к зиме приехали. Это был Северный Урал.

Катя с Любой впервые увидели лес. Показывая на деревья, отец говорил им:

- Вот это дерево - со стволом белым, видите? - береза называется. Она ишо голая. А посля листочками покроется. А те вон с вертушками зелеными - сосны. Они и зимой, и летом такие же. И гляньте туда вон, вправо, за речку... Там три дерева зеленых. Вверху там клинья острые. Видите? Это ели. А почему листочки у них застывают? - дивилась Катя.

- У елей и сосен листочков нету.

Двери вагона почти все время были закрыты. И получалось так, что Болдыревы не успели толком разглядеть горы. И теперь во все глаза смотрели на них, - обоз тянулся среди гор, лесистых и уг-

рюмых. Казалось, горы эти устали, принизились, приплюснулись. И цвет у них был разный: темно-зеленые, синие, голубые, в зависимости от того, где расположены - близко или далеко.

Как много елей, они жмутся друг к другу, будто согреться хотят. Такие густые, густые и, как горы, угрюмые. Нелюдимые. Они пугали Катю и Любу. Пашен не видно, лес, изредка лужайки да речки. Ясно, что их везут туда, где не пашут, не сеют. Открестьянствовали. Тягучей горестью наполнялась от этого душа.

К ним подошел Михаил Чаусов, мужчина-крепыш с удалым чубом и лихо веселыми глазами, что казалось странным в его положении ссыльного. Он из той же станицы, что и Болдыревы. У Чаусова был хороший курень, была невеста, была мать. Все было. Когда началось раскулачивание, невеста от него отшатнулась, а матушка слегла и через несколько дней тихо скончалась.

- Ну, как дела, казачки? Спецпереселенчики. - С хмурым весельем спросил. С нехорошим весельем. Посмотрел на возницу, на его лошадь и добавил уже другим голосом, в котором чувствовалась насмешка: - Что же это ты лошадь свою так заморил, а? Она еле-еле ноги переставляет.

- Давай-ка не хорохорься, - буркнул возница и вдруг прикрикнул: - Откомандовался! Будя!... Шас тобой командовать будут.

- Ты, дядя, меня за кого-то другого принимаешь. - Чаусов протянул темную изработанную пятерню. - Это что, руки барина? У меня вся жизнь на навозе прошла.

- Ша! Не вякай! Не положено мне с тобой разговаривать. Мужчины шагали за подводой. Михаил чадил едучей махрой. А кержак Болдырев отворачивался, морщась от дыма. До Кати доносился злой голос Чаусова:

- Везде кости казачьи лежат. Даже в чужеземных странах. А за раз и в Сибири будут. Разделалось с нами мужичье, как бог с черепашкой. Нет, эта кроличья жизнь не по мне. И я что-нибудь придумаю.

- Ничего ты не придумаешь. И помалкивай давай. А то наболтаешь себе на голову. Думай о боге.

- Э-э-э! - усмехнулся Чаусов. - Бог!... Бог с коммунистами в сговоре. Он с ними в дружбе, так я думаю.

- Не богохульствуй, Михаил.

- Что-то я не дюже верю в него. Верю, не верю - не поймешь. Уже жели кто и есть, так это сатана. Этот уж точно есть, тут и гутарить нечего. - Чаусов бросил остатки сигарки в голые кусты и сплюнул. Я ить тоже орал когда-то: "Долой буржуев!" Доорался!

Болдырев опасно покосился на возницу и, махнув рукой, отошел от Чаусова.

Ехали долго, до самого вечера. И все молчком, молчком. Дорога потянулась куда-то книзу; здесь было уже совсем глухое место, без деревьев, с редким, как бы выщипанным кустарником, - видимо, ехали по болоту или возле него.

- Куда нас везут? - с тревогой спросила Мария Васильевна.

Андрей Григорьевич не ответил, только мыкнул.

Показалась большая деревня, притулившаяся у подножия лысой горы, - две улицы и еще с дюжину изб, будто отброшенных к опушке леса. Избы из столетнего сосняка со множеством надворных построек. Темные, по северному мрачные строения.

Семью Болдыревых поместили в двухоконной избенке, у дряхлой подслеповатой старухи, которая, по всему видать, не шибко разбиралась в том, "че делатся в мире", кого к ней подселили и зачем. Подселили сырых, несчастеньких. А боженка велит таким помогать.

В избе была одна-единственная комната с русской печью. Стояла кровать-самоделка, стол, скамейки и табуретки самой грубой работы. Да еще курятник с курицами был тут. И старинный обшарпанный сундук испуганно глядел на пришельцев. Тесно. Но Болдыревы были рады и этому. Мария Васильевна стала готовить ужин ("хоть чайку горяченького попить"), а Андрей Григорьевич вышел за ворота.

Наискосок, через полянку и дорогу, стоял новый пятистенник о пяти окнах с добротной амбарушкой и несколькими хлевами. В полисаднике две на диво ровных, будто подстриженных вербочки. Все в этом подворье было ухоженным. У ворот, по-уральски высоких, стоял в распахнутом полушубке сутулый мужик с длинными руками. Курил. Смотрел из-под лобья. Это был местный богатей Черных. Докурив, притворил за собой ворота.

Еще в дороге Болдыревы надумали поменять кое-что из своей одежды на продукты. И сейчас, взяв шерстяную кофту, связанную в прошлом году Марией Васильевной, Андрей Григорьевич пошел к Черных. Потянулась за ним и Катя, ей хотелось посмотреть деревню.

- А ты ешо куда? - удивился Андрей Григорьевич.

- Да пусть идет, - вяло возразила Мария Васильевна. - Нехай видят люди, что и дети у нас голодуют.

Хозяин, сидя у окна, ремонтировал хомут. Тут же, поблизости, грудастая баба, с измятым лицом в латаном переднике, толкла пес- том в ступе.

“Видать прислуга”, подумал Андрей Григорьевич.

- Тебе чего? - быстро и грубовато спросил хозяин.

Андрей Григорьевич сказал, что хотел бы поменять кофту на продукты.

- У нас, слава богу, своего хватат. Будем еще всякое рваньё на себя напяливать.

- Да ты что! Эта кофта из чистой шерсти. И новая почти что.

- Все, все, топай! - нехорошо ухмыльнулся хозяин. Махнул ру- кой: - Подожди! Скажи-ка мне, за что тебя сослали? Ограбил, навер- ное, кого-нибудь?

Болдырев даже рот разинул от удивленья и сразу не нашелся что ответить. Потом сказал, что его раскулачили вместе со всеми, которых сюда привезли. Добавил негромко:

- Подожди, и до тебя доберутся.

- А до меня неча добираться. Я руками своими ...

- А я чужими, что ли? У тебя вон и работница есть.

- Ну, черт! Это ж баба моя. Врешь ты все. Ну, будя, поговори- ли. Топай давай!

Черных снова взялся за свой хомут. Но что-то не шибко ловко у него получалось. И Андрей Григорьевич просяще сказал:

- Я мог бы тебе наладить хомут. И, окромя хомута, сбрую вся- кую, если надо. Я и в этом разбираюсь.

- А где это ты так научился разбираться-то?

- Вся жизнь с лошадьми прошла.

- Че, жрать, видно, неча? А ты меня не надуешь? Не обжулишь?

- Ты же увидишь, как я сделаю. И дашь мне хоть немножко хле- ба.

- А где будешь робить?

- Дык если можно, то тут вот... во дворе у тебя и начну.

- Когда?

- А вот зараз и начну. Только дочь уведу.

Черных изучающе поглядел на рыжую бороду Болдырева и сква- зал:

- Ладно, договорились.

Открылась дверь, и в избу ввалилось человек восемь-десять из них половина ребятишек. Впереди стоял мужчина в облезлом полушубке. Одет бедно, а все же видно, что начальство.

- Вот, значит, так... Мы к вам подселяем на время семью спец- переселенцев. Как и было говорено...

- Не надо нам никого! - зашумел Черных.

- Спокойно, спокойно, хозяин!

- Пошли, Катенька. - Андрей Григорьевич взял за руку дочь и шагнул за порог...

Люба лежала на полу у печи. Ей все время нездоровилось. Ста- руха хозяйка сходила куда-то и принесла в бидоне молока. Немного, с чашку.

- Худо нонче с молоком-то. Коров-то мало осталось. Попей давай, детонька. Попей.

Нездоровилось и Марии Васильевне. У нее было плохо с сер- дцем. А мужу говорила:

- Ничего, ничего. Отдохну я. Что-то дюже устала.

Андрей Григорьевич поработал у Черных только в этот вечер - хомут починял. А утром его вместе с другими мужчинами угнали даль- ше, верст за двадцать от деревни. Там, в тайге, у реки, стояли старые бараки с поломанными дверями и дырявой кровлей. Их на- скоро отремонтировали, перевезли сюда семьи и сколько-то вре- мени жили тут, сбрасывая в половодную реку бревна, кем-то ранее заготовленные. Общие нары. Теснота, духота и вонь.

В вечерней и ночной темноте, а если удавалось, и днем, спецпереселенцы копали огороды с неистребимым упорством и ста- рательностью кондовых крестьян. Все пустыри, полянки и лужайки перекопали, все, что можно. Где-то раздобыли семян. Болдыревы привезли кое-какие семена с собой. Многие даже картошку посади- ли, обменяв ее у окрестных крестьян на свою скудную одежду. На посадку шли глазки. Ругали ребятню за леность, себя за то, что “как- то не так посадили”, “не так посеяли”, “поленились, и вот зараз кусай локти”. Ведь это была их новая земля, их новый дом. А “дом вести - не бородой трясти”. Даже Катя и та помогала маме и папе в огороде.

Но воспользоваться урожаем не удалось: летом всех повез- ли дальше на север, сперва мужчин (они на новом месте строили бараки), а потом их жен и детей. И снова копали огороды, что-то садили и сеяли. Поливали. Пропальывали. Окучивали. С прежней старательностью и азартом. Но азарт исчез, когда их в конце лета вдруг опять подняли с места и погнали еще дальше, уже на восток. К черту на кулички.

Зиму прожили в одном и том же барачном поселке. Все тут было непривычным: глухая тайга, бесконечная зима с дикими морозами, когда воздух становится столь густым и тяжелым, что его уже не вдыхаешь, а как бы проталкиваешь глоток за глотком, когда лицо обжигает, будто огнем, и в воздухе что-то сухо и зловеще потрескивает. И работа у этих степняков-земледельцев была тоже непривычная - валка леса и трелевка.

Они без конца улаживали свои убогие гнезда-бараки: что-нибудь да ремонтировали, чинили и поправляли. В каждом бараке одна печь, но такая, что и в пургу, и в стужу было всем тепло. "В лесу, с дровами такими, ды мерзнуть - это ж стыдоба", - говаривал Андрей Григорьевич.

Не хватало еды. Ее все время не хватало. Хлеба давали мало. Голодали. И потому, наверное, так часто говорили о пище. Летом было полегче: ели пиканы, кислицу, стебли репья и другие съедобные травы. За грибами ходили и за ягодами. Есть в тайге и малина, и брусника, и клюква. Весной ели молодые сосновые шишки и крупянки и пили березовый сок. Заваривали чай из трав лесных. Даже коренные степняки и те как-то скоренько приловчились добывать еду таежную. Нужда научит. Только вот времени на все это у взрослых не было: с утра до ночи на лесосеках. По ближним лесам и полям рыскали ребяташки.

Зимой голодали даже таежные звери и зверьки: выйдешь утром, глядь - следы волчьи и лисьи, одни побольше, другие поменьше, те и другие на собачьи похожи.

Катя каждый вечер слышала, как спецпереселенцы в полголоса поругивали "вольных" десятников за то, что те грубы и бессердечны. Катин отец отмалчивался, он был терпеливым.

Недобрая тишина окутывала бараки. Все были угрюмы и подавлены. И лишь изредка слышался громкий хриплый голос горбоного старика, который оглох отчего-то; он обычно молчал, а когда начинал беседовать со своей старухой, тоже полуоглохшей, то орал на весь барак.

Мучила барачная теснота: везде люди, люди, справа и слева, спереди и сзади. То тут, то там ревели и хныкали ребяташки, и чаще всего не в одиночку, а почему-то группой. Ночами мешали спать стоны больных и не в меру громкий храп измочаленных за день мужчин. Такой жизни не виделось конца.

К весне спецпереселенцы немножко оживились, заговорили об

огородах, о том, что хорошо бы завести курочек и кроликов, за которыми могут ухаживать и ребяташки. А уж о коровах и пашнях и мечтать не смели. Болдыревы тоже приглядели команду готовиться в дорогу для своего огорода. Но... опять поступила команда готовиться в дорогу. До реки добирались пешим ходом, погрузив на телеги детишек, хворых и весь свой скарб. Потом погрузились на баржу и поплыли куда-то к Сибири. Плыли день, плыли два, тихо, по-черепашьи.

До чего же много людей уместилось на этой длинной, как обоз, барже. Стоят, сидят, полулежат. Так и спят: кто сидя, кто полулежа. Везде мешки, котомки, узлы и чемоданы. Какая-то неестественная, угрюмая тишина. Вот заплакала девочка. На нее грубо цыкнули. И опять тихо, только всплески волн да приглушенные шумы старенького, выдыхающегося буксира.

Были здесь и уральцы, которых тоже начали раскулачивать. Справа от Болдыревых разместилась семья Степана Котова, голостого мужика, который даже теперь, в его жалком положении, проявлял какую-то степенность и самоуверенность. С женой Анной, толстой бабой-болтушкой, он разговаривал неторопливо и заметно небрежно - сказывалась привычка повелевать. Анна жаловалась Марии Васильевне:

- Стро-огай он. Не крикнет, бывало, а все боялся. Сама Анна, по всему видать, тоже побаивалась муженька. Когда он звал ее, слегка вздрагивала, и по этому, вроде бы незначительному признаку, было ясно, что Котов бывает суров и груб со своей женой.

- Богато, видать, жили? - спросила Мария Васильевна.
- Жили. Да отжили.
- И, конечно, работники были у вас?
- Были и работники. Все было, да сплыло.
- И много?
- Чего много?
- Работников-то много было?
- Хватало. Да мы их что, силком к себе загоняли? У вас, поди-ко, тоже были.
- Да нет, мы сами работали.
- Ну, гадство! А мы не робили, и че ли? Вкалывали как окаянные. Лентяев не ссылают.
Понаблюдав за Котовыми, Андрей Григорьевич сказал жене:

- Вот этот - кулак. Всамделишный. А остальные так... Не пошьешь...

К ним протиснулся Михаил Чаусов. Неприметно усмехнулся:

- Ну, как дела, лихие казачки?

Он сильно сдал, отощал. Вместо роскошного чуба на лоб сплел жалкий клочок волос. Как мочалка.

- Слушай!... - сказала Мария Васильевна. - Ты слышал, что говорят спецпереселенцы здешние? Уральские. Будто скоро освоболят нас всех. И обратно возвратят.

Чаусов снова усмехнулся, на этот раз приметно и зло:

- Да, да, ослобонят. Посадят в мягкие вагоны и отправят. Под духовой оркестр. Под марш "Прощание славянки". Если уж куда и отправят, так это на кладбище. Видели, как оно за зиму-то выросло?

- Да тихо ты! - испуганно замахала рукой Мария Васильевна. Не надо об этом гутарить.

- Э-э! Что вы как слепые котятка? Ведь все делается, чтоб изничтожить нас. Гоняют как цуциков. Мне говорили, что на Кубани даже расстреливали кое-кого из кулаков. Изничтожили работяг, а лодырей и болтунов оставили. И теперь в голодухе Россия.

- Михаил!... - взмолилась Мария Васильевна. Но ее умоляющий голос будто подхлестнул Чаусова:

- Они, видно, думают там, наверху, что хлеб будет сам собой расти. И сыпаться в амбары как манна небесная. Все чего-то боимся. И я боюсь. Я вот даже врать начал. А раньше не врал.

Андрей Григорьевич поглаживал Катю по голове. И делал вид, будто не слушает. Люба сидела, опустив голову. И вдруг встрепенулась:

- Вон там ягодки на кустах. Она показала рукой на прибрежные, еще по-зимнему голые кусты. Отец кашлянул и сказал:

- Что ты, господь с тобой! Какие зараз ягодки? Катя подмечала, что отец стал нервным. И, волнуясь, покашливает. Сперва кашляет и лишь потом что-то скажет. Разговаривая с комендантом поселка, он покашливал по нескольку раз. Катя долго будет помнить глаза того коменданта - острые, прилипчивые.

Она долго всматривалась в группу женщин, стоявших у кормы. И с какой-то даже радостью сказала отцу:

- Там вон тетя Черных. Ты ишо хомут у них починал. И тебе муки дали.

Да, это была жена Черных. Она каменно неподвижно глядела на берег, на лес, как-то по-особому - нескладно опустив руки с темными скрюченными пальцами.

Женщина не узнала Болдырева. Да и сам Андрей Григорьевич тоже не мог вспомнить поначалу: та или не та? Семейно Черных раскулачили, это яснее ясного, но Андрей Григорьевич сделал вид, будто ничего не понимает:

- А ты что тут, хозяйка? И где твой муж?

Женщина заплакала:

- Орестовали его.

- Как так?

- А так вот!... Пришли раскулачивать нас. Дескать, давайте одевайтесь. Собирайтесь. Берите с собой то-то и то-то. А Митрий кричит: "Не имеете права!" - "Имеем". - "Убирайтесь из моего дому! Это мой дом". Слово за слово. Ну, и бухнул он тут одного под горячую руку. Тот и с копылок долой. Искровянился весь. Тогда они разозлились и схватили Митрия. И увели.

- И где он теперь?

- А откуда я знаю. Может, и в живых уже нетука. Господи, за что ж тако наказанье? Говорят, надо начальству написать. Но я ж неграмотная.

- Вот приедем, и я напишу за тебя. Может, оно и ничего ишо. Может, все обойдется как-нибудь.

- Да что там обойдемся! И на свет белый не глядела б. Катя сидела, привалившись к мягкому узлу. Ей было скучно, и она прислушивалась к ленивому разговору двух мужчин, стоявших сзади нее:

- Снег ишо кое-где вон. А у нас степь зараз вся зеленая.

- Влаги дюже много здесь. Речки и озера везде. Да и дожди часто выпадают. Капуста хорошо будет расти.

- А сколько земли пустует. Болдыревы вконец обнищали. Все, что можно было, уже давно ржаной мучицы. И еще была соль. Соли много. Мария Васильевна второй месяц лежмя лежала в углу барака на рваной дерюге. И вид у нее был хуже некуда: кожа да кости. Лицо потемнело, нос заострился и стал похож на клюв.

Катя ходила в лес за ягодами. Но не уродились они нынче: лишь

иногда попадались полузасохшие-полузеленые землянички. Подальше бы в тайгу, да боязно. Третьего дня по грибы ходила. Нашли четыре штуки. И обрадовалась. Сама Катя и Мария Васильевна ничего в грибах не понимали. Показали их Анне Котовой. Та нехорошо хохотнула:

- Дык это ж мухомор. А эти три тоже поганыши. Ежли жить надоело, то варите и ешьте. Все ж таки лучше, чем вешаться.

Мария Васильевна отдавала еду дочерям. И хвороба у нее, конечно, от голодухи. На работу ее уже не посылали. Раза два в день она, постанывая, поднималась с постели, вместе с Катей делала болтушку из муки, воды и соли, варила ее, отхлебывала на общей мисочке несколько ложек, говорила: "Ну, я наелась. Ешьте, доедайте, доченьки", - и ковыляла к дерюге. Приборкой в их углу барака занимались Катя с Любой. На полу и на самодельном столике было чисто.

Лето выдалось засушливое. Приезжая с лесозаготовок, переселенцы говорили не о лесе, а о хлебе, о том, что будет, по всему виду, недород. И уж тогда вовсе крышка, каюк.

На рассвете шумными шагами вошла в барак Анна Котова. Села возле Марии Васильевны и тревожно шмыгнула носом:

- Михайло Чаусов убежал.
- Куда убежал? - машинально спросила Мария Васильевна, хотя знала, что Михаил рано или поздно все равно убежит.

- А бог его знает. Взял да и смылся. Уже два дня как нету. И котомку забрал. Комендант выпрашивал у меня, не видела ли я Чаусова. Ему из Бурманова сообщили. Тока зря убежал. Все одно поймают. И тогда еще хуже будет.

- Этого не поймают. Так, говоришь, и котомку забрал?
- Забрал.

- Ушел! - уже живее произнесла Мария Васильевна. - Дай ему бог удачи!

- Ну а ты-то как?...

- Плохо, Аннушка. Слабость такая, что не приведи бог. Руку поднять и то тяжело.

- Мясца б тебе. И маслица. Да где их возьмешь. Хлеба и то нетука. Ну, мне на работу.

Анна ушла. А Мария Васильевна недвижно лежала и, глядя в грязный потолок, с горькой ясностью представляла, как бредет по горам, по тайге степняк Михаил Чаусов и смолит махру, едко щуря свои цыганские глаза. Впереди деревушка. Он обходит ее. И слы-

шит сзади командный милицейский голос: "Гражданин, остановитесь!"

"Зачем эти мысли? Зараз о другом надо думать".

- Катюша, подойди ко мне.

- Указала на самодельную табуретку:

- Сядь.

Глаза у дочки, как у взрослой - усталые, слегка настороженные.

- Вот что, доченька. Сходи давай к папе.

- А где он? - В Катином голосе испуг.

- Да в Бурманове, где ж? Сходи уж, доченька. - Мария Васильевна виновато смотрела на Катю. - А то отец уже три недели не был у нас. Пусть приедет. И, может, муки привезет или еще чего-нибудь. А то помрем мы тут. - Она заплакала.

- До туда пятьдесят две версты. По пути деревни есть. Попропись заночевать, у старичков каких-нибудь.

- А когда идти?

- А зараз и иди. Не надо бы тебя так далеко-то посылать. Но... что делать? Иди, доченька.

- Босиком идти?

- Да нет, надень ботиночки. Пройдешь Понькино. И дорога пойдет на юг. По ней и иди. Только гляди, никуда не сворачивай. Кусок хлеба возьми. Вон в узелке. - Мария Васильевна перекрестила Катю:

- Молися, доченька. И боженька поможет тебе. И вот Катя шагает по дороге. Шагает, шагает. Дорога то кривая, то ровная, то узкая, то широкая. И везде пыльная, исхлестанная колеями, обезображенная ухабами и буграми.

Все тут кажется Кате чужим, холодным - и горы, и тайга, и темные избы. От чего они такие темные, почти что черные, как голые вешки? От морозов, наверное. У них на Дону степь без конца и края. И светлые казачьи курени. Катя думала поначалу, что в здешних мрачных избах обитают мрачные, недобрые люди.

Сосны со своими плешивыми стволами лезут прямо на дорогу, вот-вот все затопчут, Анна Котова говорила, что в здешнем лесу полно волков. И голодной зимой они забегают в деревни: то корову зарежут, то овечку или собаку уволочут. Есть рыси и змеи. И даже медведи.

А еще живет здесь леший - хозяин леса и зверей. Это ж страсть какой сильный - сосну запросто переломит. Он ревет и насвистывает. в чащобах, отчего начинает дрожать земля и сгибаются дере-

вья. Но страшнее всех черти и чертенята. И когда начался мрачный ельник, Кате стало вовсе не по себе. Она зябко пожимала плечами. Ноги как деревянные.

“Господи, помоги мне! Ты же можешь. Господи, помоги! Помоги, господи!...”

Вспомнился насмешливый голос дяди Миши Чаусова: “Чего ты пугаешься? А ишо казачка!”

Дорога вдруг разделилась, одна шарахнулась влево, другая вправо. Катя постояла, подумала, прошептала: “Господи, помоги мне!” — и пошла влево, где виднелись глубокие колеи и следы от лошадиных копыт. Эта дорога потянулась куда-то в низину. Вот показалась болотинка, кочки, поросшие бурым мхом. Прошла еще сколько-то и увидела маленький поселок — с десяток бревенчатых барачков-казарм. Барачки здесь были еще более жалкие и убогие, чем в Понькино.

Людей не видно. Оконца в ближнем бараке темны и немые. Входная дверь распахнута. Тихо. Мертво.

И тут Катя вздрогнула. Возле завалинки лежал покойник — долговязый седобородый мужчина в латаных штанах и грязной нижней рубашке.

Испугавшись, Катя побежала. Откуда и прыть взялась. Из сорванном платье, и глухо спросила:

- Ты куда?

Катя показала рукой на покойника:

- Мертвый!...

- Ты к кому идешь?

- Мне в Бурманово. Я к папе.

- В Бурманово? — переспросила девочка.

- Это не сюда. Тут дальше дороги нету. Тут только лес и болота. Обрати. Туда. Катя опять показала на покойника:

- Почему он лежит?

- А как?... Помер и лежит. Вечером придут с работы и похоронят. В том вон бараке тетя померла ночью. Голод у нас.

- Вы сосланные?

- Сосланные. — Девочка говорила как сонная — тихо и монотонно. — У нас много поумирало. В июне, шестого числа, моя мама померла. А в феврале папа помер. Тогда много мертвых лежало. У каждого барака человек пять, а то и десять. Везде лежали...

- А ты одна?

- Одна. Меня в детдом хотели отдать. А не отдают. Я прибираюсь тут. Полы мою. За больными ухаживаю.

- А ты уходи отсюда. Чего ты будешь одна?

- Куда уходи?

- А где твоя родина?

- Мы с Кубани. Там у нас очень хорошо. И никакого голода нету.

И как я... У меня ни денег, ни еды.

В бараке протяжно застонал какой-то мужчина. Тяжело глянув на Катю, девочка сказала:

- Я пойду. А ты обратно иди.

Когда Катя вышла на другую дорогу, ей вспомнилось... Было это в марте. Пошла она тогда с соседской девочкой в лес за хворостом. Ночью снег выпал, и был он под ногами как вата. Идут и видят: возле дороги костер горит. Точнее, догорает. А возле костра что-то лежит, темное, длинное. Подошли. Мертвец. Мужчина в легоньком пальто, одна пола которого тлела и дымила. Скуластое восковое лицо будто иссечено темными морщинами. Уж тут не до хвороста.

В бараке были только малыши да больной старик с костылями, лежавший на нарах. Выслушав девочек, он сказал безразличным голосом: “Беглый, наверное”. — и отвернулся.

Ботинки у Кати давным-давно стоптались. Отец уже не рачинил их. Днем подошва правого ботинка почти наполовину отвалилась и стала цепляться за землю. Катя разулась. Она понимала, что обутка никуда не годится, но бросить ее не решалась.

Теперь дорога тянулась по каменистому берегу горной речушки. Катя села у воды и, развязав узелок, стала есть хлеб. Корочка похрустывала во рту. Хлеб был ржаной и вкусно пахнул.

Вода в речке торопливо неслась куда-то, устало и надсадно булькая. И металась, металась по воде солнечные блики. Весь противоположный берег в скалах. В бок утесу вцепилась корнями сосенка, согнув коромыслом лысую рыжеватую спину с маленькой головкой-кроной, будто прощения просила: вот дескать, как у меня получилась неладно, простите. И Кате стало жаль эту сиротливую сосенку, видеть, плохо ей тут, вон какая тощая, скоро помрет совсем.

Она не заметила, как съела почти весь хлеб. На один, на два глоточка осталось. Подумала и доела все — стоит ли такую малость в узелок завязывать.

Почему-то пахнет болотом. А такая чистая водичка, все дно

видно. Мальки туда-сюда носятся. И везде камни, камни. Всякие. Один вон зелененький. А там вон темно-синий, будто чернилами обмазан. И драгоценные есть, наверное. Подобрав подол, она опустила ноги в воду. Ух, какая холодная вода! Прямо ледяная. Взглянул зелененький камушек. Оглядела со всех сторон. Никакой не зелененький, обычный камушек. Скользкий. Бросила его в воду. Еще шагнула, решив посмотреть темно-синий камушек, и провалилась в подводную яму. Дико закричала и выскочила на берег.

Солнце слабело, скатываясь к горизонту. Дальние голубоватые горы начали синеть.

Опять захотелось есть. И Катя начала вспоминать, какая вкусная еда у них в станице - потом такой нигде не было. Больше думалось почему-то о варениках с творогом и пирожках с мясом. Девочке показалось, что она даже чувствует вкус пирожков и слышит, как потрескивает масло на сковороде.

Конечно, в тайге полно всякой еды. Так говорят тутошние люди. Летом - грибы, ягоды, съедобные травы, весной - шишки сосновые и сок березовый. Катю угощали пиканнами, кислицей и лесной морковью. Ничего, есть можно, даже вкусно. Но Катя не знала, где растут съедобные травы.

Дорога, как пьянчужка, шарахалась то вправо, то влево, оглябая скалы и громадины камни, поросшие кустарником. Выходит, для кустарника камни и скалы как земля. Чудно! Потом с левой стороны потянулось поле овсяное. Равнина и овес. Прямо как у них на Дону. Хорошо!... Катя сошла с дороги и начала обсасывать овсяные колоски. Долго не могла от них оторваться.

Сзади раздался хриплый голос:
- Эй! Ты сеяла овес этот?! - На дороге стоит старик в сапогах, обтрепанном пиджаке и в шапке. Смотрит исподлобья. - Топчешь, как овечка.

Катя отбежала к дороге и виновато глядела на старика.
- Оголодала, и че ли? - И, не услышав ответа, спросил:
- Куда идешь?
- В Бурманово. К папе.
- Из спецпоселка?
- Да. Я правильно иду?
- Правильно, правильно! - В голосе уже что-то мягкое, дедушкино.
- Така маленька и так далеко пошла. Смотри, в лесу на ночь

не оставайся. Мало ли!... Лучше в деревне ночуй. Скоро будет Таповка. А овса щас поешь. Тока гляди, чтоб не увидели. И не топчи.
- А я не топчу.

Вздыхнув, пошел. Не поздоровался, не попрощался. Шагает Катя, шагает, без конца шагает. Ноги как не свои, деревянные будто - топ, топ, топ, даже подкашиваются. Дюже устала. Вечереет уже. Ночь скоро, с таежной мглой и шорохами. Это пугает Катю. И она начинает считать шаги: раз, два, три, четыре...

"Дойду вон до тех двух кустов и посижу маленько". А у кустов решает: "До той вон сосны пойду. И там уж... Почему она такая красивая? Большая, наверное". Шагает медленно - так легче.

Дорога снова начала подниматься в гору. И вдруг между кустами и толстыми, как бочки, стволами сосен мелькнуло что-то живое. Катя остановилась. Три штуки. Бегут, быстро бегут, опустив морды. Волки! Она никогда их не видела, но знала, что они похожи на больших собак. Эти похожи!...

По груди и по животу прокатилась ледяная боль. Боль страшная. Катя стала шептать быстро и горячо: "Господи, спаси меня! Господи, помоги мне!..." Шептала, шептала, шептала. Стояла долго. Волков уже не видно. Пошла, едва переступая ногами. А дорога все в гору тянется. И вот уже верхушка ее, тупая, лысая, вся в камнях. Лишь кое-где жухлая травешка. А на другой стороне, внизу... Глянула и обрадовалась. Луга, копешки. И темные избы.

Все окрест покрывалось немой вечерней синью. Было тихо. Из леса, по лугу, к домам живо махали одна за другой три большие собаки. Те самые. Да, это были собаки. Весело бегут. Домой бегут. Катя остановилась возле копы. Копешек на лугу было шесть.

Эта - возле околицы. Большая. Копешка по-вечернему печально глядела на дорогу, белевшую в синеве, и на хилую крайнюю избешку с убогим подворьем. Где-то далеко промычала корова и зло ухнула калитка.

Самое лучшее было бы попроситься на ночлег. Но Катя стеснялась. Хотелось есть. Можно выклянчить милостыню: "Подайте Христа ради!" Она не стыдилась этого, она боялась, что получится как-то не так, неумело или глупо. Села и прижалась к копне. Сено грубое, как солома, сенники толстые. А пахнет вкусно.

Катя радовалась, что ночь не застала ее в лесу, там она не смогла бы заснуть. До утра молилась бы богу.
Опять вспомнился дядя Чаусов и его весело-сердитый голос:

“Какая ты пугливая. Ай-ай-ай!...”

От ближней избенки ковыляла по лугу старуха в черном полушубке, чем-то похожая на монашку. Подошла. Совсем старая бабка, ноги уже согнуты коромыслом. Глядит так, будто не может понять, кто перед ней - ребенок или теленок.

- Ты че тут лежишь?
- А мне ночевать надо.
- А ты куда идешь?
- Я к папе иду.
- А где твой папа?

Катя сказала.

- У-у, дотудова далеко еще! Ну, пошли ко мне. Че ты тут будешь? А я гляжу: кто это у копешечки? Собака - дык не похоже вроде ног. Катя встала и застонала: ныли колени, будто огнем жгло подошвы.

- Чё с тобой? Давай помогу.

Старухина избенка на два оконца, с хилым прогнившим крыльечком и полуоторванной калиткой, крайний нижний угол которой уже прочно сел на землю, Сколько здесь дерева: стол, кровать, скамья, два стула, кадушка, корыто. Все старое-престарое, грубой работы.

Голос у бабки с хрипотцой:

- Откудова ты? Как-то не по-нашенски говоришь-то.

Она долго расспрашивала Катю. Горестно качала головой. И вдруг спохватилась:

- Да че ж это я, дура! Щас я тя покормлю. Садись давай. Молочко вот. Паренки. Две оладышки. И больше уж ниче нетука.

Катя не могла скрыть радости. Она уже и забыла, когда пила молоко. Поела немножко и встала:

- Спасибо!

- Да ешь ты, ешь давай! - Обняла Катю и посадила на лавку.

- Ешь, не стесняйся. У меня ж свое все. Хотя, конечно, тяжело с коровой и огородом-то, старая уж я. А без них - ноги протягивай. Бога мы забыли, вот чего. В грехах погрязли.

Скрипнула дверь, и, кряхтя, ввалилась в избу толстая баба лет пятидесяти.

- Овдотьюшка, ты ли? - вскрикнула хозяйка.
- Я. Не узнала, и че ли?
- Уже скока я тя не видела-то. Хоть и в одной деревне живем.

Садися давай. Хошь, самовар поставлю?

- Не. Я к тебе за советом, тетя Нюра. Скажи, ты в снах разбираешься?

- Это как?

- Я вчерас видела во сне, будто тяжело заболела. Ну, ни рукой, ни ногой двинуть не могу. Совсем умираю. Прямо в поту проснулась. И вот все думаю теперь...

- Не думай. Болезнь - это к здоровью. А вот ежели какая-то вода привидится, то это уж к болезни. И к неудаче. И ишо блины к болезни.

- Какие блины?

- Какие? Какие ешь.

- А я не ем. Муки нетука.

- Ну, если во сне их увидишь. Рыбу ешь - тоже к болезням снится. И мытье в бане тоже к болезням.

- Я что еще хотела спросить у тебя. Скажи, Петров день когда будет?

- На тебе! Да Петров день давным-давно прошел. А зачем тебе его?

- Да мы тут с соседкой поспорили. С Манькой. Я ей тоже говорю: прошел. А она ерепенится: “Петров день после сенокосу”.

- Да сенокос-то теперь до самого снегу тянется.

- И вот еще... У меня топор куда-то подевался. Не дашь мне на время, а?

- Дам. Чего-чего, а топоры есть. Ишо от тяти остались. Можешь взять насовсем.

- Ладно. Слушай, А чья эта гостюшка у тебя?

- Да вот, в копешке нашла. - Бабка хотела улыбнуться. Но получилось жалкое подобие улыбки. - Люди в капусте детишек находят. А я вот в копешке.

Евдокия с дотошностью простодушных сельчанок, стала выспрашивать у Кати, кто ее родители и “откудов приехали”.

- Богато, поди-ко, жили-то? Там ить тепло.

- У нас хорошо.

- А скотина кака у вас была?

Катя сказала.

- Тока корова и две лошади? И собака? - удивилась Евдокия. - А за что ж вас раскулачили?

- Да ты че говоришь-то?! - недовольно махнула рукой бабка Нюра. - И с одной лошадейо раскулачивают. А собака... Че собака... В деревнях и собак не стало. Кулаки всех переловили и сожрали.

- Я три собаки видела, - робко проговорила Катя.
 - Это они корм ищут. Но и этих собак сожрут.
 - У нас дом большой был. Из кирпичей. Три комнаты и кухня.
 - А работники были? - Это опять Евдокия спросила.
 - Какие работники?
 - Ну, там... прислуга. Или как их - батраки.
 - Нет.
 - Что же это, господи! - вздохнула Евдокия. - Ссылают ни за что, ни про что. Наш вон Егор Иванович хоть работницу держал. Аксплотировал.
 - Дык он ее силком держал, и чё ли? - Тихо возразила бабка Нюра.
 - Ну, держал все ж таки. А Семеныча с Марьюшкой за что сослали? Вкалывали, как окаянные, с утра до ночи. Да и жили-то ни шишко уж. Вон в селе Успенка, там - да. Там богачи так богачи. Ты в Успенке-то давно была?
 - Да лет десять назад.
 - Уу!.. А Попова знаешь? Большой такой мужик, хромой, с палкой.
 - Ну!..
 - Знаешь или не знаешь?
 - Ну, знаю.
 - Ведь он там самый богатый был. Самый такой... Два двухэтажных дома. Целый табун лошадей и коров. И батраков держал. А его вот не раскулачили.
 - Да как это?
 - А увильнул, сволота. Хитрый мужик. Бросил все и смылся куда-то со своей бабой. И даже сестра не знает, где они.
 - Да уж сестра-то знает поди-ко.
 - Говорят, будто бы подпоил он секретаря сельсовета. И тот написал справку, что Попов этот самый такой... бедняк из бедняков...
 ...Оставшееся до Бурманова расстояние Катя проехала со стариком-попутчиком на телеге (это ей бабка устроила), прошла лишь километров пять.
 В бараке были только двое... Рядом с входной дверью лежал на боку Катин отец... глаза тусклые, неживые...
 Через три недели умерла Катина мать... Зимой помер отец. Никто не знал, от какой болезни он помер. Да никто и не пытался узнать...

Геннадий Павлович Устюжанин (Род. в 1933 г.)

Афганистан болит в моей душе.
 И все, кого я встретил и не встретил,
 Пусть долго будут жить на этом свете,
 Как тишина на дальнем рубеже.
 Андрей Дементьев.

Геннадий Павлович Устюжанин родился в селе Усть-Уйском Целинного района Курганской области в 1933 году. После окончания Шадринского сельскохозяйственного техникума работал агрономом. В 1953 году был призван в армию, где служил четыре года торпедистом на Тихоокеанском флоте. В годы службы начал писать стихи и заметки в газету "Боевая вахта". Мечтал о профессии журналиста. Поступил в Уральский университет, после окончания которого много лет работал журналистом, прошел путь от литературного сотрудника до редактора газеты.

Журнальные и газетные статьи Геннадия Павловича поражают умением выделить главное, подчеркнуть самую важную позицию. Талант журналиста проявился и в литературном творчестве. Его перо тяготеет к жанру очерка, рассказа, новеллы. Это труднейшая форма искусства, в которой писатель весь как на ладони, малая форма не освобождает от большого содержания, нужен четкий отбор материала. Г. П. Устюжанин с успехом с этим справляется. В каждом из его рассказов есть неповторимое своеобразие обстоятельств и обстановки. И каждый из них вносит какую-то новую черту в тот обобщенный образ, какой возникает при их чтении, - образ страны во время испытаний. Его рассказы во многом близки к документальной зарисовке, в них ощутимы документальная основа, достоверность событий, с которыми знакомит автор. Читатель с первых строк рассчитывает, о чем дальше пойдет речь. Автор справедливо рассчитывает на доверие читателя, на его эмоциональную подготовленность к восприятию литературной вещи. Его герои, на первый взгляд, ничем не примечательные люди, но внутренне значительны и прекрасны. Так, в сборнике "А еще был случай..." перед нами возникает обоб-

ценный образ солдата минувшей войны. Это фронтовые и житейские были о подвиге и славе. В этих людях нет торжества победителей. Мы видим солдат, сделавших все, что положено, в те страшные годы. Они помнят, за что получили свои награды, но главной наградой считают возвращение домой, память о друзьях, фронтовое братство. Они живут этой памятью.

Зауральскому читателю Г. П. Устюжанин известен по книгам "Ленькины цветы", "Родная улица моя", "Курганская область", а также по многочисленным рассказам, опубликованным в различных изданиях.

Были в жизни Геннадия Павловича два года, которые оставили глубокий след и боль в его душе - работа советником при народно-демократическом правительстве Бабрака Кармаля в Афганистане. А это значит, он был участником войны, которую сегодня называют "локальной войной", называют ошибкой и вмешательством во внутренние дела Афганистана. В современном учебнике по истории России этой необъявленной войне отведено полстранички, в конце указаны потери: погибло более пятнадцати тыс. советских солдат, 35 тыс. было ранено, более 300 пропали без вести или попали в плен. Общие потери афганского народа составили около 1 млн. человек. Сухие цифры статистики, за которыми слезы и горе семей, не дожидавшихся своих сыновей. Только из нашей области в событиях той войны принимали участие 2500 тыс. человек, 76 из них домой не вернулись.

Это мы знаем сейчас, а тогда в 1983-1985 гг. был самый разгар войны, именно в это время и был там Г. П. Устюжанин. Он знает о ней не по учебникам, он дышал раскаленным воздухом Афганистана, был в окопах, боевых походах, сидел за столом переговоров с афганскими лидерами, видел смерть, поэтому считает своим долгом рассказать об этой войне, о том, каких парней мы потеряли. А главное, написать правду о тех днях.

"Сейчас об афганской войне пишут много, но чаще одностронне, для эффекта, а не познания истины. Мне же нужна правдивая, увиденная простым человеком, над кем и сегодня не довлеет авторитет и мнение начальства, ни сила приказа, ни дань моде, ни желание покрасоваться. Мне необходимо знать - как это было на самом деле. Как видит и оценивает эту горькую войну ее рядовой, побывавший там не в творческой командировке, а в самом пекле событий два долгих года, может быть, самых томительных и бесконечных", - так формулирует писатель свою задачу.

У писателя возникает замысел написать повесть, он начинает собирать материал.

Первые главы повести, получившей название **"Жестокий ветер афганец"**, были опубликованы в 1989 году на страницах газеты "Молодой ленинец". Полностью повесть только готовится к печати.

Итак, место действия в повести "Жестокий ветер афганец" - Афганистан. События разворачиваются в тот момент, "когда с афганским вопросом оказалось куда больше проблем, чем, видимо, представлялось тем, кто принимал решение об оказании республике всесторонней помощи, особенно военной". "Революция афганская, а защищать ее нам приходится", - говорит главный герой повести Юрий Ольков.

В основу сюжета положены реальные события, происходившие в ущелье Пандшир (Пандшир в переводе с афгани - пять львов) в 1985 году. Пандшир - "бойкое место", "больное сердце в груди Афганистана: спазмы там, а боль отдается по всей стране... Спокойно в Пандшире - ровный пульс на Саланге. А Саланг - жизненная артерия всей страны". Здесь свирепствуют банды Ахмад-Шаха. Так характеризует это место в повести советский советник Григорий Петрович Павлов.

В центре повествования судьба реального человека, нашего земляка Юрия Ивановича Олькова, писатель оставил ему свою фамилию, тем самым подчеркивая, что пишет о реально происходящем. А история такова. При отборе материала для повести Геннадия Павловичу встретилось письмо, адресованное родителям Юрия Олькова, погибшего в Афганистане, его бывшего молодого офицера, рассказывал родителям о сыне. Судьба этого молодого офицера, выпускника суворовского училища, а затем Ленинградского общевойскового командного училища, служившего в Афганистане, заинтересовала писателя. Возник очерк, который был опубликован в 1987 году. Так писатель нашел будущего главного героя для своей повести.

Всем ходом повести писатель дает понять, что его герой - человек "стоящий". Так определил с первой встречи с ним в Афганистане советский советник Григорий Павлович Павлов. Новый взводный пришелся по душе солдатам. И на гитаре может сыграть, песню подпеть, но, главное, он умеет делать все, что необходимо делать

солдату на войне, и учит этому солдат. Ольков наделен писателем высокими духовными качествами. У него обостренное чувство долга. Мог ведь в Академию поступить, потом местечко "теплое" в штабе найти, а он пишет рапорт и просится в Афганистан, где "жизнь" почти такая, как описана у Толстого в "Кавказском пленнике". Ночью - набеги душманов. Днем - серые горы да синее небо, жгучее солнце, да ветер "афганец". "Жестокая служба в Афганистане", - пишет автор. Командовать здесь трудно. "Сверху требуют победу, а цена этой победы "жизни парней, которые не повторяются! И за какую победу?! За чью!? Добро бы, если бы за нее можно было платить только своей головой. Рискуй, - так своей! - эти мысли не дают спать взводному. Совсем не такой представлял он себе нашу интернациональную политику. Когда рвался сюда, "думал, буду в одних окопах с афганцами, плечом к плечу". Но он здесь и свою чашу должен испытать до конца, с честью выполнить долг.

Автор не идеализирует военную среду. Порой военных чиновников больше волнует не то, что из боя все живыми вернулись, а то, что у лопаты, которая на бронетранспортере, черенок длиннее, чем положено. Горы бумаг надо исписать, по инстанциям затаскают, если вдруг окажется, что нет у командира всесторонних планов воспитательной работы.

Ловкие прапорщики, вроде Кустова, подторговывают казенным имуществом. Встречаются случаи употребления наркотиков.

Но в суровой военной обстановке проявляются истинно русские качества людей: доброта, сострадание, тоска по родине. "Не могу бачить голодных глаз...", - говорит вестовой Воловик, отдавая буханку хлеба маленькой афганской девочке. Бойцы возятся с собакой, приبلудившейся к воинской части, как с ребенком, выхаживают израненного коня, которого называли Чалым, кормят его, купают, а когда Чалого убили душманы, хоронят его как человека, вырыв могилу. А все потому, что человеческой душе здесь не к чему прислониться, все чужое, не к кому сердцем припасть: ни к любимой, ни к матери земле. "И за эту забытую богом и выжженную солнцем землю умирают люди? - мысленно спрашивает себя Ольков. "А нужны ли мы здесь вообще?"

Действие повести из воинской части переносится в Кабул, провинции Афганистана, где ведут "войну" кабинетные работники со своим народом. "Для значительной части из них борьба уже закончилась. Они получили солидные посты с окладами и персональными автомобилями, а до остального им дела нет. Теперь выходит, что

большая часть народа воюет против своего правительства, а правительству приходится защищаться. Посредниками в этой войне выступают бойцы "идеологического фронта" - советники. Глазами одного из них - Григория Петровича Павлова мы видим жизнь Афганистана изнутри; колорит восточных базаров, традиций, жизнь провинций, отношения между различными группировками.

Автор не делает выводов. Он правдиво, беспристрастно показывает события, итог которых еще долго будут подводить историки, политики, военные. Нет сегодня в Афганистане наших солдат, а кровь продолжает там литься.

Память о погибших в этой войне жива, она нужна родным и близким зауральских ребят, нужна всем нам. В 1994 году Г. П. Устюжанин получил заказ военного комиссариата Курганской области на составление книги, в которой все павшие в боях в Афганистане были бы названы поименно. Она получила название "Книга памяти". Издана в 1995 году. Нельзя без боли читать ни один из очерков, вошедших в книгу. Сколько талантливых, умных, добрых парней не вернулось домой! "Каких парней мы потеряли в Афганистане! Ему уже никогда не стоять на пороге материнского дома", - так начинается очерк о Михаиле Сормачеве. Ему было только 20 лет, через полтора месяца его ждал "дембель". Ушел талантливым молодой человек и унес с собой в небытие мечту быть учителем, мечту о далеких звездных мирах. Ушел, но оставил нам суровую правду о войне в строчках дневника, в тетрадке со стихами, письмах любящего сына. Он написал домой сто десять писем.

Миша оставил нам свои стихи и песни. А кто может написать лучше, чем солдат, "кто вынес все и остался сам собою".

*Не по фильмам, не по книгам
Я узнал лицо войны,
Страшный смысл предсмертных криков
И недоброй тишины...*

* * *

*Я о том, что сам не видел,
Разговоров не веду,
Только помню первый выстрел
Шаркнул трассер в темноту...*

* * *

*Сгущенка в рот не лезет
И виноградный сок.*

*Быть может, где-то снайпер
С прицела сдул песок.*

“Иногда не по себе становится. Только дураку не страшно”, - это строки из дневника. Порой хотелось кричать, но он никогда не позволял себе расслабляться, а то, что было на душе выкладывал в стихотворных строчках.

*Бывало трудно так, что руки опускались.
Бывало, ненавидел белый свет,
Одни, как ветки на ветру, ломались,
Свернув с дороги, не взглянув нам вслед.*

* * *

*Кто вынес все, остался сам собою,
Тому глаза ни перед кем не опускать.
Тот вспомнит о друзьях своих с тоскою,
С кем довелось и жить и умирать.*

В стихах Михаила Сормачева поражают какая-то щемящая чистота души, удивительная открытость, исповедальность интонаций. С горечью думаешь, что тем светлым зернам поэзии, которые запа-ли в душу молодого человека, не суждено было взойти в полной мере. Слишком короткая жизнь ему была отпущена. Но и то, что осталось, отмечено истинной проникновенностью и талантом.

Светлую память о ребятах помогает нам сохранить Г. П. Устюжанин, не давая очерстветь нашим сердцам. Сейчас уже готова “**Книга памяти**” о воинах Чеченской войны. И вам предстоит перевернуть еще одну трагическую страницу жизни теперь уже вашего поколения, на которой оставила зарубку война. Часть очерков из будущей книги была уже опубликована на страницах газет. Ненавистная и непонятная война вновь вырвала из жизни наших парней, но пусть живет святая память о них и пусть будут такие люди, как Геннадий Павлович - ее хранитель.

Вопросы и задания

1. Прочитайте повесть Г. П. Устюжанина “Жестокий ветер афганец”. В чем проявилась публицистичность повести? В чем особенности освещения писателем темы войны?
2. Определите стилистическую особенность повести.
3. Напишите сочинение - отзыв по повести “Жестокий ветер афганец”.

4. Для чего автор вводит в повесть рассказ о традициях и обычаях Востока? Как они соотносятся с событиями, изображенными в произведении?

5. Подготовьте литературный монтаж стихов воинов-афганцев “О, подвига, полет бессмертный”.

Главы из повести Г. Устюжанина

ЖЕСТОКИЙ ВЕТЕР АФГАНЕЦ

Глава VI.

Павлов и его переводчик Карчи в полдень прилетели вертолетами в Талукаан - провинциальный центр Тахара. Им было нужно разузнать обстановку перед засылкой сюда для работы пропагандистского отряда. Чтобы не терять зря времени, после традиционного афганского чая, они попросили губернатора Гульнаваза показать базар. Нет, не покупки интересовали Григория Петровича и его переводчика. Базар на востоке - самый верный барометр жизни, где “ва-рятся” все новости, вершатся политика, всевозможные договоры и сделки.

Пошли пешком. Гульнаваза попросили незаметно подстраховать.

Вот и базар. Дымятся мангалы. Дух жареного мяса щекочет в носу. Но покупателей здесь не густо. Неподалеку, под навесом, лепешечная. Там толпа. Мальчишки на листах фанеры раскатывают тесто. Двое мужчин, ловко ныряя в раскаленную пасть тандыра*, набрасывают сочни на стенки, выхватывают со дна готовые с жару лепешки. Пятнадцать афгани за штуку. Если прикупить к ней шашлык и зелени - будет роскошный обед. Большинство же афганцев довольствуются лепешкой и чаем. Мясо стоит дорого. Торговля идет бойко. Многие едят лепешки тут же, другие бережно завертывают их в чистые тряпицы и несут домой.

Чуть в стороне выстроились рядком трудяги - маркабы*. Стоят, закрыв глаза, может спят. На их спинах навьючены корзины или джавалы** с виноградом и сливами, персиками и абрикосами, помидорами, огурцами, разной зеленью. За этим живым прилавком звонкоголосые торговцы нахваливают свой товар. Отдают и за полцены. Но тут же просят бакшиш*** за то, что продали дешево. И бакшиш

* Маркаб - ишак.

** Джавал - выючный мешок.

*** Бакшиш - подарок.

им дают. На востоке он расценивается, как подарок. И дать подарок – признак достатка, благородства и щедрости человека. Кому же не хочется быть благородным и щедрым, хоть на минуту!

В Афганистане любят торговать. Мечта абсолютного большинства жителей иметь свой лавочник*. Детей приучают к искусству торговли с шести-семи лет. В восемь они уже всю торговлю без присмотра взрослых.

Павлов любит как кучерявый и остроглазый мальчик** поливать из лейки огурцы, пучки моркови, редиса, зеленого лука. Овощи на глазах преображаются, блестят свежестью. А мальчик уже бойко зазывает покупателей. Расхваливает товар. Ловко бросает огурцы на чашу весов, она еле пошла вниз, а мальчик уже опрокидывает товар в бумажный пакет, пакует, укладывает в сумку оробевшему покупателю, получает деньги. И все это за две-три минуты! И мальчишка уже снова расхваливает и предлагает товар. Теперь бросает на весы помидоры... Все повторяется с еще большей быстротой, виртуозностью, ловкостью и обходительностью.

Дальше, под навесом горы арбузов и дынь. Они продаются и с разномастных самодельных тележек. И здесь торгуют дети. Один из мальчишек катит рысью тележку, другой держит за рукав Павлова:

- Покупай, рафик***, арбуз, лучше не найдешь! Покупай! Бисер хуб!**** Многие торговцы знают русский язык в пределах торгового обихода и с удовольствием говорят на нем.

А вот и ряды посолидней. Здесь продают рис, ячмень, муку, баранину. Овец режут прямо на глазах у покупателей. Барашка выводят из загороженного тут же стойла, поворачивают головой на восток, поливают водой из чайника на мордашку, вытирают полотенцем. Нож сверкнул как молния. В таз брызнула кровь. Минуты и остаток вежливой тушки развешена на крючьях. У рубщика в ходу маленький топорик и нож. Он искусно делает надрезы, укладывает мясо так, чтобы каждый кусок выглядел красиво, как на выставке.

Павлову интересно. Он наблюдает жизнь, такой какая она есть. И губернатор держит слово, ходит в стороне, как тень, с двумя молчаливыми афганцами, приценивается, спрашивает знакомых о жизни и делах.

* Лавочка.
** Мальчик.
*** Рафик - товарищ.
**** Бисер хуб - очень хороший.

Седобородый сафиджон* подошел к торговцу бараниной. Смотрит на тушу. Зовет хозяина и пальцем показывает на то что облюбовал. Мясник кивает головой и с улыбкой лопочет: "Бале. Бале. Хубаст"**. Ловко отрезает от туши баранчика заплывшую салом надпочечную часть. - Из этого куса выйдет отменный плов или шашлык, - говорит Карчи Павлову. - Самое нежное мясо.

Видно, что и сафиджон доволен. Достает кошелек, расплачивается не спеша, с достоинством, раскланивается с продавцом и идет, гордо вскинув голову. Следом за ним семенит мальчик торговец. На вытянутых руках, так чтобы видели все, несет покупку.

Пора уже заканчивать обход базара, но Григорию Петровичу хочется подольше побыть здесь, чтобы потом сравнить, размышлять. А тут еще после жгучего афганского лета ласкает своей благодатью молодая осень с ее теплотой и щедрыми дарами земли. Так бы и не уходил с этого говорливого базарного многолюдства.

Но Карчи предупреждает, что губернатор уже который раз поспрашивает на часы. Гостю на востоке не задают вопросов, с уважением относятся к его желаниям. Терпелив губернатор Гульнаваз. Но здесь умеют оценить уважение и внимание гостя к хозяину. Григорий Петрович помнит советы Сайда Афгани и следует им. Павлов и Карчи идут навстречу губернатору.

О Гульнавазе Григорию Петровичу в Кабуле рассказали интересную историю. Он медицинский врач по профессии, но как активный партизанин, был выдвинут в провинцию на губернаторский пост. Выполняя решение ЦК Гульнаваз приехал в Талукан, но не знал с чего начать свою губернаторскую деятельность, хотя с ним беседовали об этом в Совмине и в Центральном Комитете партии.

День просидел он в губернаторском кабинете без дела. Никто к нему не заходил. Решил навестить в городскую больницу. Наружил, что там давно уже нет врача. Стал принимать больше – себя. В больнице Гульнаваз узнал о жизни провинции столько, что начал свою работу в губернаторском кабинете, так и за 10 лет столько бы не услышал. Теперь полгорода кланяются Гульнавазу при встрече, его почитают и как губернатора, и как врача. Один раз в неделю он так и работает в больнице, как доктор.

Солнце уже наполовину опустилось за дуги. Вдруг, где-то на окраине, в кишлачной зоне, дробно застучала автоматная оче-

* Сафиджон - странец.
** Бале. Бале. Хубаст. - Да. Да. Хорошо.

редь. Ей ответили выстрелы чуть ближе. Потом еще и еще. Вскоре стрельба с какими-то перепадами покатила по городу. Павлову это напоминало детство, его поездку с отцом в казахский аул. Тогда у первых мазанок их бричку встретил лаем лохматый пес. Ему живо откликнулись другие собаки. Через считанные минуты повозку со всех сторон окружали разномастные грозные псы. Из-за их лая и рычания ничего не было слышно. Казалось, разъяренные собаки сейчас бросятся на повозку и заживо загрызут непрошенных гостей. Но лицо губернатора спокойно. Он с достоинством сел в сверкающий палевой краской новенький "Уазик". Только вчера Гульнаваз получил его и был рад на "обновке" прокатить гостей. Наверное, чтобы успокоить Павлова, губернатор заметил:

- Опять царандоевцы палят. Настоящий афганец знает, что выстрел - не забава. Патрон денег стоит. А у этих патроны не куплены. Сколько раз говорил их начальнику, чтоб без нужды не стреляли. Без толку. Теперь не уймутся до утра. На востоке ночь наступает быстро. Уже темнело, когда машина подошла к провинциальному комитету партии. Неожиданно перед ней выскочил царандоевец. Он вскинул автомат, направил его на лобовое стекло автомашины и гаркнул что есть мочи: "Дришь! * Кастид!"

Второй солдат подскочил к дверце, резко ее открыл и, протянув руку, потребовал:

- Корт!**

Но, видимо, узнав губернатора, заулыбался и взял под козырек.

Машину встретил советник при партийном комитете Хабиб Рабиев. Павлов его знал по Союзу. Но он очень внешне изменился. Стал поджарый. Опустил залихватские усы. И чем-то теперь напоминал Оку Ивановича Городовникова, славного военачальника времен Гражданской и Отечественной войн.

Таджик по национальности. Рабиев быть может легче остальных советников входил в новую жизнь и в новую работу. Он знал местный язык. Традиции и обычаи народа ему были близки. Природная сметливость, душевная искренность и стремление помочь людям находили понимание у партийцев и жителей городка.

Идеологический работник он и здесь во главу дела положил общение с людьми. Умел выслушать человека, понять до конца его душу, мысли и рассуждения. Если надо старался убедить, посоветовать, увлечь личным примером. Что он здесь уважает, Павлов понял из

* Дришь! Кастид! - Стой! Кто идет!

** Корт - удостоверение.

разговоров губернатора, который за короткую дорогу несколько раз упомянул: "Мушавере подсказал", "Хабиб Рабиев помог", "мушавере у меня спрашивал". Чувствовалось авторитет советника здесь высок.

Григорию Петровичу вспомнилось, как руководитель группы Курносов "воспитывал" недавно провинциального советника, бывшего первого секретаря горкома одного из областных центров, за шего первого секретаря горкома одного из областных центров, за командирские замашки в советнических делах и в общении с товарищами, советниками других ведомств, с командованием воинской части. - Отвыкайте, Олег Иванович, якать и тыкать, - наставлял Курносов. - Давно бы пора понять, что вы здесь, как все, в одних правах. Вас первым тут никто не выбирал, и выбирать не будет. А лидерство можно завоевать лишь знанием дела, умением чувствовать и оценивать обстановку, давать дельные предложения, а главное - реализовать их практически. Вы же суётесь в дела, где совершенно не компетентны.

Олег Иванович вроде бы все понял. Извинялся и заверял. Но через неделю пришлось выезжать на место, что "осадить" рьяного советника. Он и после беседы никак не хотел сдавать позиции "первого", требовал ежедневного доклада обстановки от командира часовой, назначил строевой смотр, стал давать указания где и как производить минирование...

Когда командир части сказал, что отдавать приказы у него есть свое начальство, советник возмутился:

- Как вы отвечаете представителю ЦК? Я потребую, чтобы вас немедленно освободили от командования...

Отношения между ними были вконец испорчены. Советника пришлось переводить в другую провинцию.

Хабиб Рабиев предложил за ужином обговорить планы на следующую неделю. Но обговаривать ничего не пришлось. Гульнаваз сказал, что завтра, как он думает, следует поехать в кишлаки. Поговорить с деханами о заключении договоров на продажу государству ячменя, риса и хлопка.

- Машина у меня есть, - с каким-то торжеством сказал он, - теперь можно будет по-настоящему работать.

Предложение было одобрено к большому удовлетворению Гульнаваза. Павлову показалось, что губернатор внутренне ликовавал, что ему уж очень хотелось поехать на новой машине.

Афганцы начинают работать с рассветом, чтобы в жару отды-

хоть. Часов в шесть новенький "Уазик" выехал за город. Прохожие провожали долгими взглядами еще не примелькавшуюся на улицах города машину. Губернатор предлагал взять "джип" с охраной царандоевцев*, но Павлов запротестовал: зачем излишне привлекать к себе внимание. Рабиев тоже так думал. Ехали в кишлаки, где была проведена земельная реформа. Беднякам недавно дали землю. Сюда обычно ездили без военного сопровождения.

Навстречу попались пахгозары***. Семенили мелкими шажками навьюченные ослики. Было необычно видеть, как за седобородым старцем, гордо восседающем на ишаке, бегут в припрыжку в одинаковых паранджах жены.

Переводчика с собой Павлов не взял. Он рассчитывал на Хабиба Рабиевича. Но проехали уже порядочно, а Рабиев и Гульнаваз молчали. Григорий Петрович вспомнил слова Саида Афгани: "У нас гость всегда выше хозяина". Ему и лучшее место, и первое слово".

Чтобы сделать приятное хозяину, Павлов сказал, что Гульнаваз ему, как гостю, подарил сегодня и свое время, и свою машину.

- Я хитрый, - заулыбался губернатор - везу вас потому, что хочу узнать все новости Кабула и одновременно проверить свои непростые дела. Хлеб для государства надо успеть закупить, а то его перекупят или просто заберут душманы. Будем договариваться о ценах и о месте, куда декханам свозить зерно и хлопок. Мы с Хабибом Рабиевичем отправили письмо в Совет Министров. Просим выдать под хлебозаготовки удобрений, разных товаров и сортовых семян хлопчатника. Прошел уже месяц. И никаких вестей. Может в Кабуле замолвите за нас слово, поторопите кого надо. Агитотряд сюда полетит и товары пусть захватит. Тогда работа у нас всюю поитерияльно - вдвойне.

Нет, не просто прокатить гостя на новой машине решил губернатор, как вчера думал о Гульнавазе Григорий Петрович. Чувствовалось, он входит во вкус новой для него работы.

То, что увидели они в кишлаке Айбачи, вызвало в душе тревогу. На картоне, от коробки из-под томатной пасты, прибитой к дувалу, было написано: "Кто взял из рук неверных чужую землю, нарушив святой Коран, выкопай сперва на ней себе могилу, а потом сей. Кто сорвет наш совет - отсечем руки".

* Царандой - полиция.

** Пахгозар - пеший путник.

Павлов видел, как дрогнули губы у Гульнаваза. Губернатор подошел и с гневом сорвал с дувала картон.

- Что ты делаешь, саиб*, - закричал неизвестно откуда появившийся вдруг мальчишка. - Они тебе отсекут руки.

- Не отсекут, бача, - Гульнаваз положил ладонь на голову мальчишки. - Я их не боюсь. И ты не бойся. Они не люди - ашрары**. Они - хархушой!***

"Бача, беги к карьядору****. Пусть он кликнет сафиджон и идет к мечети. Скажи, что губернатор ждет".

Гульнаваз не спеша повел советников по берегу ручья к раскидистым ореховым деревьям. Там, в тени под кронами, скрестив ноги по восточному калачиком, сидели десятка полтора мальчишек. У каждого на коленях дощечка с песком. На нем они палочками писали. Седобородый мулла, расхаживая, смотрел, как они выполняют его задание.

- Вот, Григорий Петрович, типичная сельская школа, - сказал Рабиев. - Здания нет. Поэтому учатся ребятишки весной и осенью здесь под деревьями, иногда в мечети. Учатся дети тех, кто может за это платить.

Они подошли совсем близко. Старец что-то сказал, дети дружно вскочили и поздоровались, приложив к груди ладони.

Гульнаваз подошел к учителю, коснулся ладонями его бороды, поцеловал их, а потом взяв старца за плечи, трижды расцеловал с ним по мусульманскому обычаю. Так же поступили Рабиев и Павлов. Учил ребятишек местный мулла Бобохан.

- Азизам Бобохан, монди набашид, - нараспев говорил Гульнаваз, держа ладонь муллы в своих руках. - Да продолжится в веках ваше святое дело. Спасибо вам, что учите детей разуму и святому Корану в эти трудные дни. Дорогой мой Бобохан, да не знайте вечно усталости.

Павлов, наблюдая за губернатором, думал: "А он дипломат!" Подходили люди. Расстелили на берегу большую скатерть, прижав ее углы камнями, рядом положили кульпача***** для гостей. Сафиджоны шли к воде, снимали башмаки, мыли ноги и, сняв с плеча кампал*****, расстелили его, садились, подложив под себя ступни.

* Саиб - господин.

** Ашрар - бандит.

*** Хархушой - ослиный навоз.

**** Карьядор - старейшина.

***** Кульпача - мягкая подстилка.

***** Кампал - покрывало, которое носит афганец на плече.

Когда сели все – образовался круг. Мулла поднял к небу руки и заговорил нараспев. Намаендагоне мардум* началось с намаза.

Павлов вспомнил, Саид Афгани говорил ему: “Как только мусульманин поднял к небу ладони – душа его покинула землю и говорит с аллахом. Он в это время никого не видит и не слышит”.

Закончилась молитва. Бобохон сказал, что угодные аллаху слова скажет почтенный губернатор.

- Слава аллаху, что я вижу во здравии мудрейших людей Айбачи, - начал Гульнаваз свою речь. – Да продлится жизнь ваша до конца века в достатке и уважении... Ныне аллах снова достойно отблагодарил людей за пот и труд на земле...

Губернатор говорил, что благодаря аллаху в Толукане на базаре в достатке хлеб, мясо и овощи. Но народная власть готова закупить у декхан все излишки продуктов. Сама вывезет их, хорошо заплатит или обменяет на другие товары. Просил назвать цену на ячмень и пшеницу, на хлопок.

Павлов внимательно следил за лицами старцев. Но они были непроницаемы. Не изменилось их выражение, и когда Гульнаваз закончил говорить.

Наступила пауза. Но все молчали.

- Я, наверное, не очень вразумительно и понятно говорил? – обратился он к карьядору Бабуру.

- Нист**, азизам Гульнаваз. Нам все понятно, - ответил тот. – Два дня назад здесь же душманы жестоко расправились с семьей бедняка Даровгара...

Конный отряд басмачей из Ишкимиша нагрянул в кишлак Айбачи неожиданно. Вооруженные душманы стучали в ворота, требуя выходить людям на площадь, к мечети. Встревоженные жители собрались быстро.

- Предатели веры! Нечестивые перевертыши! – кричал главарь басмачей Резабек. – Вы опозорили имя гордого афганца и священный Коран! Забыли шариат и святые традиции народа! Признавайтесь, кто из вас получил землю из рук сатанинской власти!

Люди угрюмо молчали.

- Трусливые шакалы! Жалкие пакостники! – орал Резабек. – Вам не уйти от кары аллаха!

- Зачем позоришь достойных людей, пришелец? – Из толпы вышел вперед батрак Даровгар. - Мне дала землю народная власть.

* Намаендагоне мардум - народное собрание.

** Нист - нет, уважаемый.

- А своей тебе мало?

- У меня ее не было совсем.

- Добавьте ему еще, чтобы досыта нажрался!

Трое душманов завернули руки Даровгару. Повалили, стали набивать в рот песок, разжав стиснутые зубы кинжалом. Набивали до тех пор, пока он перестал шевелиться.

- Кто еще хочет земли?! Выходи! - спрашивал Резабек. Карьядор! Со всех, кто взял землю собери налог для моджахедов!* Сто килограммов зерна с каждого джариба**. Кто не рассчитается, мы поступим так же, как с этим псом! - И он показал камчой на замученного Даровгара.

- Вот какое несчастье, азиз Гульнаваз, - продолжал карьядор. - Когда представители власти давали людям землю, говорили, что бесплатно и навечно. А бедняк Даровгар и одного урожая собрать не успел, а расплатился за надел своей жизнью. И сыновей его душманы угнали к себе в горы, будут использовать как маркабов. Вчера шесть семей бросили свои наделы и ушли из кишлака куда глаза глядят. Если власть дает землю, она должна позаботиться, чтобы люди могли достойно пользоваться ей. Я уж не говорю о том, чтобы их не убивали. Сегодня мы продадим вам зерно, а завтра придут душманы и увезут его к себе. Вы можете обеспечить нашу безопасность?

Нет, гарантировать безопасность кишлака губернатор не мог. И он честно сказал об этом людям. Но посоветовал создать отряд самообороны, обещал дать для него оружие.

В кишлаке Чуграни к машине подошла женщина в парандже. Она опустила на колени и, плача, о чем-то просила губернатора. Гульнаваз приподнял ее, усадил на переднее сидение и велел шоферу ехать быстрее.

У афганцев есть хорошая традиция - не отказывать в просьбе женщине. А у этой матери случилась трагедия...

Из кишлака Айбачи банда Резабека завернула в Чуграни. Народ собрали на площади и глава банды снова измывался над людьми, бранился, что забыты законы предков и священный Коран.

В это время душманы, оставленные у кишлака в дозоре, притащили на площадь парнишку, схваченного при возвращении с вы-

* Моджахед - борец за веру.

** Джариб - 0,2 гектара.

носного поста от советских солдат. Туда он относил помидоры. У парня за пазухой нашли две банки сгущенного молока. На глазах у толпы басмачи отрубили топором у парнишки ступни.

- Больше он не побежит к шурави! - Кричал Резабек, - И будет живым напоминанием для всех. Так заплатит аллаху каждый, кто пойдет к неверным.

Мальчишку надо было срочно везти в больницу, чтобы сделать операцию. И доктор Гульнаваз не нарушил клятвы Гиппократов.

* * *

Заканчивалась командировка Павлова в Тахар. Была джума*, и Хабиб Рабиев устроил для гостя Худо хафиз**. В саду под тутовником на скатерти рядом с гроздьями золотистого винограда искрились росной сахаристостью ломти арбуза, медовый аромат шел от нарезанных дынь, стояла тарелка с ореховыми зернами и пиалы с зеленым чаем.

Но сюрпризом для Павлова был гость Хабиба, афганец Хайятджан. Сухой и седобородый, он вошел через калитку во двор в скромном национальном афганском наряде. Глаза старика искрились. Он был радостно возбужден. И когда снял с плеча и уложил под себя кампал, у Григория Петровича глаза полезли на лоб. На выцветшей от солнца дриши*** блестели два ордена Солдатской славы, орден Красной Звезды, медали "За отвагу" и "За оборону Москвы".

Если бы в этот миг во дворе рванул снаряд или мина, поднялась стрельба, Павлов бы несколько не удивился. Но это... Он сгорячал от любопытства. Но на востоке не любят торопить время. И он ждал. Хайятджан здесь был такой же гость, как и он сам.

Пришел отобедать и Гульнаваз. С утра он делал мальчику перевязку, подготовил его к отправке вертолетом в Кабул. Он тоже с восхищением глядел на Хайятджана.

На востоке все начинается с чая. В него Хабиб добавил лепестков своих роз. Гульнаваз сказал, что это благотворно действует на здоровье.

За дувалом говорили громко. Охранник-царандоевец кого-то не пускал во двор. Хабиб поднялся и пошел к калитке. Вернулся оттуда с человеком. На него было жалко смотреть. Грязный и взлохмаченный, серый от пыли, в изношенной до дыр дриши, без башма-

* Джума - пятница. Выходной день у мусульман.
** Хафиз - прощальный обед.
*** Дриши - национальный костюм афганца.

ков. Ноги человека, наверное, никогда не знавшие обуви, были черны и в трещинах, как земля в засуху. Павлов даже здесь в Афганистане видел такую бедность впервые.

Хозяин взял чайник и полил на руки страннику, усадил к дастархану, налил пиалу чая. Все смотрели на него с тревогой и ожиданием. Павлов заметил, что какая-то искорка блеснула в глазах старика. И по векам потекли слезы.

- Рафик мушавере. Они украли из стада трех овец. А у меня двенадцать детей. Я не могу вернуться домой с пустыми руками.

- Кто украл, сафиджон? - спросил Рабиев.

- Аскеры*, мушавере.

- Чьи аскеры? Шурави?

- Нист, аскеры царандоя.

- А я здесь причем? Я аскерами не командую.

Люди сказали, что только мушавере шурави сможет помочь в этом деле. Мы гоним вдвоем чужое стадо в восемьсот овец. Когда до места дойдем, нам за работу отдадут десять. Утром гнали отару через мост. Там нас и обворовали.

Советник вопросительно смотрел на губернатора. Тот молча поднялся. За ним встали все и направились за дувал.

У моста через Кокчу был вырыт блиндаж и стоял пост царандоя. Гульнаваз смело шагнул мимо постового и открыл дверь блиндажа. Там были овцы.

- Ну, чупон**, забирай своих овец, - сказал губернатор.

Старик радостно бросился в блиндаж, но вышел оттуда обескураженный.

- Моих овец здесь нет. Это чужие. Я знаю чьи они. Моих нет.

- Где его овцы? - наступал губернатор на солдата.

- Я не знаю.

Гульнаваз со всего размаха ударил солдата в ухо. Тот кубарем полетел в воду. Когда солдат вылез, губернатор схватил его за грудки.

- Где его овцы, я тебя спрашиваю?

- Их увели на базар.

- А ну бегом марш за ними. - Он вдогонку пнул солдата под зад. И тот действительно побежал.

- Рафик Гульнаваз, вы действуете как при короле, а не как губернатор народной власти, - заметил Павлов, обращаясь к разгневанному доктору.

* Аскер - солдат.
** Чупон - пастух

- При короле его бы за воровство вздернули. А я так, слегка, наподдавал. Может, поймет. Его, наверное, тоже так обирали. А теперь у него оружие и он грабит. Тут еще не хватает. - И губернатор постучал пальцем по голове.

Через полчаса радостный старик увел своих овец в стадо. Но торжественного обеда так и не получилось. Вот-вот должны были прилететь вертолеты. Павлов и Карчи спешили на аэродром. Рабиев и Гульнаваз поехали их провожать.

- Жаль не поговорили с Хайятджаном, - сокрушался Григорий Петрович. - Как он сюда попал?

- Он афганец. Но когда узнал, что Гитлер на нас напал, перешел границу и добровольцем ушел на фронт. Сражался достойно. Отвоевался, также через горные тропы вернулся к себе домой, - сказал Хабиб. - Приезжайте еще. И он расскажет вам свою историю.

Когда подъезжали уже к аэродрому, увидели стадо овец и пастуха, из-за которого прощальный обед так и не состоялся. Никто из них в тот день и предположить не мог, что через месяц старый чабан вернется в Талукан к мушаверу Рабиеву, чтобы предупредить о заговоре главарей банд и грозящей городу беде. Он назовет и день и час, когда бандиты наметили захватить город.

- Не хочу, мушавере, чтобы ты погиб и дело, которому ты служишь, - сказал он на прощание. - Поэтому и пришел.

ГЛАВА VII.

Вода до лопоты обожгла холодом. Ольков и не подозревал, что в такую теплынь настоль неласковой окажется речка Пандтширка. Ледяные струи сводят икры ног. Зябкие мурашки бегут между лопаток к затылку. Кажется, оширшевели даже волосы.

Они бредут восьмером. Надо перейти речку вброд и, пользуясь темнотой, проскользнуть через долину, выйти к распадку и устроить засаду у тропы, ведущей в ущелье. По данным разведки в одну из ближайших ночей туда должен проследовать караван с оружием из Пакистана.

Две ночи подряд взводный Борзов ходил с бойцами в горы, но без толку. Сегодня группу ведет сам командир роты. Еще при сборах договорились, чтобы на переходе ни слова, ни огонька, действовать молча, подстраховывать друг друга.

На берегу они скинули с себя все. Стянули ремнями одежду и

обувь, узлы навьючили себе на головы и, поддерживая поклажу руками и автоматами, идут через отмель к противоположному берегу, которого в темноте не видно.

Вода несется с напором, журчит в ногах, обтекая тело. Ее ворчливый рокот, кажется, слышно за версту. Раздетые, такие беззащитные, они бредут в этой водной стыни по пояс. Аж, сердце захочется. Вода давит, старается свалить. Под ногами, словно намыленные, камни. Зубы выбивают дрожь. "Держись, Ольков!" - колотится мысль под черепком. Глубина пошла на убыль. Вот и берег. Сейчас бы побегать, попрыгать, чтобы согреться. Да нельзя.

Возле огромных камней натягивают на себя брюки и гимнастерки, шнуруют обувь. Сухая одежда радует тело, придает тепло и собранность. Вот уже гуськом, шаг в шаг, они пробираются между скамней, к долине. Автоматы на груди. Впереди командир, за ним остальные.

Только вывернулись из-за камней, как носом к носу столкнулись с душманами. Замерли от неожиданности. Глаза в глаза, ствол в ствол. А руки сверху оружия, пальцы не на курке. Какое-то мгновение сверлят друг друга взглядом. Глаза, как фары! Немая напряженность. Молча пятятся назад, за камень. Вот уже не видно глаз, торчит лишь ствол. Мгновение. И его не видно.

"Сейчас полоснет огонь! - думает ротный. - Может, шурнуть гранату за камень, вдогонку? Откуда они взялись? Может, тоже разведгруппа? А может, "духи" надумали здесь устроить заслон, чтобы шурави не помешали пройти каравану?"

- Сто - "А может?" Попробуй угадать!

Вокруг темень и тишина. Как будто ничего и не было вовсе. Только сердце молотком стучит в груди. Полчаса сидят, замерев. Ни шороха вокруг.

- Вы нас не захотели подставить под огонь, товарищ командир? - шепчет солдат.

- Не только. И себя тоже... И задача у нас другая - перехватить караван, а не кто кого здесь перестреляет.

- Оно, конечно... Но как-то...

Троих Ольков оставляет здесь, чтобы "духи" не прошли к реке и чтобы не напороться на засаду при возвращении. С остальными, взяв правее, пошел через долину к распадку. Теперь они откроют стрельбу в любой миг. Но ночь в междулунье черна, как ворон, как в рот воды набрала. Молчит настороженно и чутко.

В заданную точку вышли без приключений. Рассредоточились у тропы и, распластавшись, прождали до тех пор, пока на востоке забрезжил рассвет. Караван так и не появился.

Домой вернулись ни с чем, продрогшие и уставшие. Ольков доложил комбату о встрече с "духами", безрезультатной засаде и пошел отдыхать. Разделся, опустил светомаскировку и нырнул под одеяло. Сон не приходил. Он считал до сотни, до бесконечности повторял: "спи, спи, спи..." Но только смыкал веки, как видел перепуганные и горящие глаза душмана. "Почему он не стрелял?" - в который уже раз спрашивал себя Ольков. - Наверное, так же, как и у меня, пальцы были не на курке. А будь они на курке, стал бы стрелять? И я и он тоже? Разумно ли, что разминулись без стрельбы? Это, как игра вничью. Только в данном случае выстрел стоил бы жизнью. Но никто не хотел умирать. Не тот ли это случай, когда худой - но мир, лучше любой ссоры?

В дверь постучали.

- Входите. Не сплю, - крикнул Ольков, не подымаясь с постели.

На пороге стоял Воловик. Взгляд его был взбудоражен, губы дрожали.

- Товарищ старший лейтенант? Чалого убылы. Ребята там могилу долбють, а я до вас побег...

- Как убили? Кто убил? - Ольков соскочил с кровати.

- "Духи", товарищ старший лейтенант. Он, видимо, траву ив, а эти гады в голову стрелилы.

Они вышли из штаба, быстро пошагали за проходную.

Чалый лежал метрах в трехстах от нее. Пуля пробила голову чуть выше глаз. На запекшейся крови ползали крупные синие мухи.

У Олькова сжалось сердце. Был добрый трудяга конь - и нет его.

Стреляли, видимо, из брошенного на том берегу кишлака.

Чалый лежал к реке головой. И убит, наверное, был наповал.

Трава вокруг не помята и лужица крови в одном месте.

- Коняка, товарищ старший лейтенант, а жалко, як друга.

- За то, Михаил, его и убили.

- Зароем его поглыбче, земли предадим, як человека.

* * *

И вечером Олькову тоже не спалось. Он взял бумагу и стал писать отцу письмо. "Папа, уже два месяца, как я служу на новом месте. Жизнь почти такая, как описано у Толстого в "Кавказском

пленнике". Ночью - набеги душманов. Днем - серые горы да синее небо, жгучее солнце да ветер "афганец". Акклиматизацию прошел нормально: и природную и боевую. Кислорода на высоте в горах мало. В первые дни, бывало, пройдешь чуть побыстрее обычного, смотришь, с непривычки уже започкачивало. Теперь это уже почти незаметно.

Удачно "обкатался" и в первых боевых рейдах. А прошлой ночью делали вылазку за реку, хотели устроить засаду. Напоролись в упор на "духов". К счастью, обошлось без стрельбы. Вроде бы, все нормально: встретились - разминулись. Все целы. Но мы же поголовно воспитаны на "дурмане Побед". Победы у нас на ферме и в поле, у станка и на стройке, в шахте и в воздухе. Везде и всегда нам подавай победу. И только победу! "Одну на всех, мы за цену не постоим!" Красиво и патриотично в песне поется. Да только цена эта - не деньги, не золото даже, а жизни людские! Жизни парней, которые не повторятся! И за какую победу?! За чью. Добро бы, если за нее можно было платить только своей головой! Рискуй - так своей!

Разошлись мы с "духами" в ночи, как в море корабли. А в мозгах сомнение завязло. Сердце щемит. Мысли будоражат: "Нужна Победа!" Вот и не сплю вторые сутки. Пишу вам письмо. С кем же еще поделиться мыслями, если не с родным отцом.

Общая обстановка здесь остается очень сложной. Процесс стабилизации если и есть, то настолько незначительный, что я его просто не замечаю. Думаю, главная причина в страшной отсталости этой страны и афганского общества в целом. Поголовная безграмотность, фанатическая вера в аллаха, крайняя бедность, граничащая с нищетой. Такие жилища, как здесь, я видел только в кино про далекие времена, да на картинках, когда изучали историю древнего мира. Революционностью, по моему, здесь и не пахнет. Общество еще не созрело для революций. То, что произошло в Кабуле, видимо, было отдельным прорывом назревшей боли, принятым за народную революцию. Но это я так думаю со своей "колокольни". Философам виднее. Совсем не такой я представлял себе нашу интернациональную помощь, когда рвался сюда. Думал, буду в одних окопах с афганцами, плечом к плечу. А вышло все не так. Да в этих условиях, видимо, по другому и не может быть.

По части службы все идет нормально. Начальство и подчиненные относятся хорошо. Говорят, что в коллектив я влился сразу. Самый род у нас очень дружный и боевой. Комсостав весь молодой. Самый

“старый” в роте старшина - рождения 1955 года. Самый молодой - замполтех лейтенант Орлов. Ему идет двадцать четвертый. А солдаты... В основном народ еще “не целованный”. И такая служба... И кровь, и смерть. Ну, какие нервы здесь иметь надо!?

И еще проверки замучили. То армейская, то дивизионная, то полковая. Бумаг горы. Хотя все остается по старому. Недавно из Союза нагрянули. Готовились мы конечно. Осматривает проверяющий бронетранспортер. Все нормально. Вдруг, заметил, что лопата вместо барашка закреплена на броне болтиком. Пиши замечание, говорит лейтенанту. Тот пишет. А проверяющий уже лопату взял в руки. Смотрит на заточку лезвия, а оно в зазубринах, камни долбили. “Пиши, говорит второе замечание - лопата тупая”. Потом к черенку придрался, длиннее чем положено - “Пиши, говорит, третье замечание”.

Командир машины взял у проверяющего лопату и закинул по-дальше.

“Пишите, говорит, товарищ подполковник одно замечание: На бронетранспортере лопаты нет”.

Я уж не говорю о проверках по воспитательной работе. Если нет талмудов с всесторонними планами - пиши пропал.

Сегодня у нас душманы убили Чалого, хороший был конь: с пониманием, я бы даже сказал, с какой-то душевностью. Привязался к бойцам, как человек. И они относились к нему, как к другу. Кормили кашей, в жару купали, угощали сахаром. Конь понимал сердечную доброту и отзывался на нее преданностью. С собакой “Афганкой” также возятся, как с ребенком.

Я вначале не улавливал, откуда такое. А теперь раскусил. Человеческой душе здесь не к чему прислониться, не к кому сердцем припасть: ни к любимой, ни к матери - земле. Нет здесь ни березки нашей белоствольной, ни травушки густой. Все чужое, начиная от глинобитных домишек, скучных, словно тюрьма, древних и каких-то бесплодных гор.

Понимаете, папа, я думал, что запах родной земли - выдумка поэтов. Может, от того, что в городе жил. Земля, как земля, она везде земля. Да, оказывается, нет! Сегодня мы хоронили Чалого. Вырыли могилу. Я взял горсть земли, чтобы, как заведено на Руси по обычаю, бросить на покой. Поднес ее к лицу, понюхал, а у ней запах совсем не наш, жидкий, с пыльной сухостью. Я не пахарь, вы знаете, но от запаха нашей земли аж пьяным становишься. Я помню, как

ты с вами на балконе в ящички рассаду высаживали, чтобы к мамин-ому возвращению с лечения цветы у нас зацвели. Какая земля была! Черная, запашистая! И цветы были с ароматом. А здесь, говорят, ни без запаха. Вообще наша земля весомая, а для селян, как магнит. Вот, видимо, почему наш ротный и песенник Федя Скачко сочинил и под гитару с грустью поет:

И если в долинах Пандширских
Вдруг жизнь оборвется моя,
Свезите к родимому Дону,
Где в степу дедов куреня.

Я понимаю, это тоже тоска по родному краю. И, прежде всего по всем вам. А здесь все чужое, и это давит больше всего. И думы порой приходят такие: “А нужны ли мы здесь вообще?”

Папа, я не собирался обо всем этом писать, да как-то само собой вылилось все, что болит. Теперь знаю, что лягу и засну. Выговорился”.

Юрий Иванович положил письмо в конверт, написал адрес: 640000 г. Курган, до востребования Олькову Ивану Петровичу. Домой он писал другие письма, что служба в Монголии ему нравится.

**Валентина Павловна
Федорова
(Род. в 1935 г.)**

Так пусть же,
Пусть же от верхов
До устья
Не убывает памятью народ.

Егор Исаев.

Валентина Павловна Федорова родилась в Оренбургской области в семье ветфельдшера в 1935 году. Отец погиб в грозном 41-м году под Ленинградом. Мать воспитывала двух дочерей одна. Жили трудно, но с надеждой, что будет когда-нибудь лучше. Из голодного сорок седьмого вынесла Валентина Павловна уважение к хлебу и к крестьянам, его добывающим.

Любовь к языку, литературному слову определила выбор выпускницы Кувандыкской школы Оренбургской области - Уральского государственного университета, филологический факультет, который В. П. Федорова окончила в 1958 году. С 1967 г. она работает в Курганском государственном пединституте (ныне университете). В настоящее время В. П. Федорова - доктор филологических наук, заведует кафедрой литературы.

За стенами университета Федорова В. П. известна как собирательница фольклора Зауралья, первый исследователь народного творчества старообрядцев. От природы талантливый, трудолюбивый, увлекающийся человек, Валентина Павловна внесла неограниченный вклад в изучение народного творчества и традиций нашего региона. **Ею издано шесть книг по народной культуре, в том числе, сборник песен "Ивушка - ракитовый кусток" (1983), "Свадьба на Ирюме" (1991), "У котла-баюна" (1992), собрание частушек "Любит-не любит" (1995) и др. В творческих планах новая книга - "Из глубины времен"** - об обычаях, нравах, быте, занятиях, поэтическом слове земляков.

Кроме научных изысканий и собирательства, занимается Валентина Павловна литературным творчеством. Ее очерки и рассказы появляются на страницах периодической печати, в литературно-художественном альманахе "Тобол". Так, во втором номере альманаха "Тобол" за 1995 год опубликован рассказ "Клены".

События произведения переносят читателя из дня сегодняшнего в жаркий июль 1942 года, в уральскую деревню. Как далек этот июль от дня нынешнего, но мысленно опять и опять возвращается в тот июль старая Евдокия. А не дает ей забыть о том, что случилось в тот год, клен под окном. "Перед кленом Евдокия считала себя в долгу. Были на то причины. Она старалась посадить его везде, где приходилось заводить дом".

В деревне, где жила Евдокия, клены росли только у Петруни Макарова - "в полусаднике под окнами", любил он их. "Появится на свет новый Макаров - ему клен", четыре сына в семье - четыре клена, пятый, в честь появления дочери, не успел посадить, на второй день войны на фронт ушел. Дочь родилась, "когда от отца давно не долетали весточки". Осталась Настя Макарова с детьми, тянула мушкетерскую работу, как все, из последних сил. Однажды повезла сеяльщице зерно, и затоптала ее норовистая лошадь Лютра насмерть. Но беды этой семьи только начались. "Старую Макариху согнуло в три погибели, немного тронулась умом". Осталась одна с ребятишками на руках - старшему, Васятке, 13 лет, а младшая, Оленька, - в колыхании. Но жили, сиротскому дому деревни в полдень собраться однажды в июле 1942 г. велели жителям деревни в полдень собраться у школы на собрание. Оказалось, что Петр Максимович Макаров на фронте провинность допустил. Какую? Не сказано было, а спросить никто не посмел, но за содеянное им семья подлежит немедленной высылке. Провожали Макаровых всей деревней, и в безутешном крике Оленки "почудилось прощание навеки с родным домом, около которого не было ее клена", "рев оглашал деревню, землю и небо, призывая их в свидетели чудовищного надругательства над началом жизни, будущим, материнской могилы". До конца войны Евдокия молила Бога уберечь ее семью от беды - военной промашки мужа, что ушел на фронт в один день с Макаровым. "Пусть он не попадет в плен, пусть не будет в беглых", - просила она. Только наедине с собой кляла Евдокия власти, "для которых вина и беда на одно лицо". Макаровы не вернулись в свою деревню, а памятью о них осталась для Евдокии клен, а еще боль за порушенную семью подруги.

Рассказ правдиво и точно воссоздает одну из трагических страниц Великой Отечественной войны. В замысле и исполнении произведения явственно просматривается желание автора быть достоверным в воспоминаниях того, что довелось узнать, испытать и почувствовать в жизни. Рассказ связан с реальным событием, а прототипом Евдокии явилась мать автора, которая была нравственным мериллом и поддержкой для многих, умела заступиться за человека, помирить людей. "Такой я ее запомнила. Одна из ее лучших черт - жалость к людям. О случае с семьей Макаровых мама помнила до самой смерти", - говорит Валентина Павловна.

У автора размышления о воздействии войны на человека намного сложнее, чем в известной формуле: "Хорошего человека война делает лучше, а плохого - хуже". Она идет от стремления понять, во что обошлась война человеку и обходится до сих пор, вслушивается в ее долгое эхо. В рассказе почти полностью отсутствует прямота речи, но подобный прием не обедняет характеры героев. Обстоятельства составляют своеобразие произведения, позволяют почувствовать глубину отношения к происходящему, оттеняют характеры героев. Например, председатель колхоза "Свой, местный. В доброе время ему стол председательский не дали бы понюхать, а теперь вон пыжится, величается по имени-отчеству, кожаный пиджак, поди, не снимает даже, когда спать ложится. Наборзел в районной милиции, хотя грамотешки - подпись с закорючкой". От совершения воинской промашки убережен тылом, бабами командовать - не в атаку ходить.

Рассказ читается легко, на одном дыхании, т. к. написан человеком с непреходящим беспокойством души и чутким вниманием к человеческой боли. В нём слышатся музыка живой уральской речи и любовь к труженикам, вынесшим на себе годы лихолетья.

Вопросы и задания

1. В чем смысл названия рассказа?
2. Как выражается авторская позиция в рассказе?
3. Какими лексико-синтаксическими средствами создается интонация живой устной речи?

В. П. Федорова

К Л Е Н Ы

Серенький день середины сентября *перемогался*. Тусклое небо нет-нет да и пробивалось тяжелым, желтым светом, но опять нависало сизо-темной плотностью. И самочувствие Евдокии было под стать погоде. Ни здорова, ни хвора. Так, серединка на половинку. Третий день давило где-то слева, но отпускало, давая передохнуть. И таблетки пила, и пыталась прилечь средь бела дня, но толку ходило мало. Болеть Евдокия не любила. Старалась пересилить себя, обхитрить хворь. Да и день вроде начал к вечеру налаживаться, вон как позолотило клен, вымахавший за несколько лет до середины третьего этажа. Давно ли воткнула в землю небольшой пруттик, а он, диви-ка, уже в окно заглядывает.

Перед кленом Евдокия считала себя в долгу. Были на то причины. Она старалась посадить его везде, где приходилось заводить дом. Вот и здесь укоренила его перед девятиэтажной башней. Знать-то, последний. Уже наказала, чтобы клен рос на ее будущем холмике рядом с деревянным крестом.

Годы прошли, а как взглянет на клен, приходит на память давний жаркий июльский день. Шел второй год войны. В деревне почти не осталось мужиков. Работу держали плечи бабёшек да молодяжника, не вошедшего в кость. Тянули изо всех сил, а расчет - палочки. Ими сыт не будешь. Приходилось рваться и на колхозной, и на своей работе. На бригадный двор собирались, уже насновавшись по огороду, дому, двору. Выручали свои хлебные полоски. Добром поменять председателя колхоза Полушкина. Имя, отчество вылетели из памяти, а фамилия зацепилась.

Как-то добился, светлая ему память, чтобы разрешили колхозникам сеять для себя хлеб в поле. Было это к весне сорок второго. Умный человек, не горделивый. Жалко, недолго председательствовал. К исходу первого года войны ушел на фронт.

Лошадей колхозных на пахоту, понятно, не давали. Быков тоже. Принялись пахать на своих коровах. Хоть были полоски под хлебом большими, но жилушки из коровок и хозяек повытянули. Как же они, бедные, холеные, моленые, налитые молоком кормилицы, сительницы, попрут такую тягу? Плакали, просили прощения у них, а запрягали. Пошли, потянули, неловко ступая. Потянули, как тянули мужичью работу женщины.

На полсела похоронки пришли или тягостные, пугающие листочки: "Пропап без вести". По всему получалось: конец войны не

виделся. Черная тарелка в правлении колхоза, газеты, наезжавшие уполномоченные - начальство все подбадривали: "Враг будет разбит, победа будет за нами". Обсказывали подсчеты, сколько немецких самолетов сбито, сколько танков подбито, сколько живой силы полегло у них и сколько взято в плен. Белые нитки из этого шитва выходили наружу. Вертелся на языке, осыпая изморозью иголок, спрашивали: "Как, мол, так? Отступаем, оставляем города и населенные пункты, а про немца все чисто знаем. А свой-то счет где? Как понять "безвестипропавший"? Как там наша-то беда? Где наши мужики? Где головы сложили, как в окружение попадают, как их выводят оттуда? Понятно, тяжелые потери. И по деревне видно".

Тяжелее стало с колхозной работой и вообще с жизнью. В больницу не выпросишься, полдня не вымолишь, чтобы с делами управиться. Все для фронта, все для победы.

И вот однажды уже собравшиеся на бригадных дворах звенья распустили по домам с наказом не отлучаться, а в полдень собраться у школы. В другой случай сколько было бы гомонливой радости, бросились бы к домам врассыпную. Здесь же расхотелись с тяжелым вопросом: "Что стряслось?" Думка придавила белый день. Кажется сам по себе кидал ее туда и сюда. На замирение с немцем не похоже. Трезвый голос давал укорот слабенькой надежде, которой постоянно жили. Может, новое налогообложение? Куда еще? Хоть век коровы не держи, а молоко, масло отдай. Хоть наголо остригись, а шерсть поставь. Шкуры, яйца, картошка тоже уходили в какой-то бездонный карман. Пугнула мыслишка, что опишут хлебные полоски, вспаханые на коровах. Наломались на них. К концу пахоты у коров глаза потускнели. Не хватало совести заглянуть в них - душа изойдет кровью. Сколько укора, немого, но понятного! Стыд сказать кнут в ход пускался, а иногда и матерное слово. Эх, доля ты, доля, разъязви тебя в самую серединку. На те полоски крепко надеялись все, кто не пожалел себя. За прошлый год трудодней набралось у Евдокии, к примеру, в сундук не сложить, а заработок весь на горбу принесла. Правда, еще полпуда раньше выписывала.

Горячей волной накатывала догадка о большой беде в Кремле. Догадка не складывалась в обыкновенные четкие слова, зыбко качаясь. Такого быть не может. Он вечен. Не дай бог. Как же тогда мы, страна, война, победа, которая будет за нами? Хинный комок застрял в глотке, когда подумалось, что будут брать на войну женщин. Удивляться нечему, уже девок подгребают.

В муторной маяте тянулось время, суша губы и ноздри. К школе подходили, не дождавшись полдня. Стояла она как раз на середине деревни. В нижний конец сбегало дворов 150. В верхний поднималось столь же. В два порядка. Один порядок выходил к речке, которая связала огородами всю длинную улицу.

Честь собирать около себя деревню школа заимела недавно. До этого собирались у кузницы, которую соорудили в церкви. Красавица была церковь. Стояла высоко на бугре, отсвечивая куполами. В метельное зимнее время, особенно ночью, звонили в самый большой колокол. Мало ли кто блукает в степи. Оренбургская степь шумит не любит. Колокол не одного выводил из снежной круговерти. Нет колоколов, нет красавицы-церкви. Стоит закопченная кузница. Когда сгоняли в колхоз, сохальничали и над храмом. Изгалялись* нода незадолго перед Октябрьскими. Празднику - подарок. Из районом тоже распоряжение поступило. Самый большой колокол бухнулся на мерзлую землю и долго, надсадно, с хрипом гудел. И земля гудела. Бодрясь друг перед другом, охальники разошлись. Не вспомнить, куда же делись колокола. В церкви сделали кузницу. Теперь она походила на ад из картинок. Стены прокоптились так, что светлые преходили краски только угадывались. Но осталась былая звонкость: хоть шепотом говори, все чисто слышно.

Каждый раз, собираясь у церкви ("кузница" как-то не липла к языку), народ обговаривал, как разорили ее, как болеет филька-активист, распоряжавшийся этим дурным делом. Видно, все старушечьи слезы и бабьи крики упали на него. Что-то ему попритчилось**, текут и текут слюни, речь попортилась. Никто из знахарок во всей округе не взялся его лечить. Что лечить, коли бог наказал?

Так как внимание уходило на церковь, начальство распорядилось перенести собрания за школу. Конечно, не так удобно, нет такого взгорка, чтобы с него всех было видно, но зато и церковь почти закрыта школой, народ не отвлекается.

Со школьного крыльца, по новой моде, повелось говорить речи, обращенные к товарищам-колхозникам, гражданам и гражданкам.

В тот июльский полдень к нему стекся народ, истомившийся неизвестностью, ожиданием чего-то пугающе недоброго. Разговоры не заводили. Поспешно здоровались, вопрошающе глядели друг на друга, хорошо понимая, что ответ придет из правления. Видно, у всех душа обросла мохом.

* Изгаляться - издеваться, надсмехаться.

** Попритчиться - приключиться злу, испортиться.

Две подводы копотили далеко за деревней. Евдокия ждала Настю. Они с измальства дружили. Хоть рысаком бежала Настя до амбаров, а будто замерзла. Губы совсем посинели.

- Настя, ты не захворала случаем?

- Да нет, а что?

- Губы, гляжу, у тебя посинели.

- Нет, ничего, с Оленкой ночью канителилась. Не выпалась. Мамаша две ночи глаз не сушит, за Петруню молится. То ли мне Лютру взять? На этих дохляках долго проезжу, девчонка оборется.

- До поля я с тобой поеду. Нарочно тебя жду. Гляди, как одна назад поедешь. Дорога, сама знаешь, какая. Может, бог даст, обойдется. Да вроде и Лютра угомонилась.

На том и порешили. Евдокия запрягла Лютру, угостив ее кусочком хлебца из своего узелка и горсткой пшеницы, кинутой в карман, когда насыпала семена в мешки. Лютра уже не косила бешено глазами, как раньше. Кормежка к весне скудновата, а работа где под силу, где через силу.

В тот день хлеб начинали сеять за Рытой дорогой, километрах в двадцати с гаком от деревни. Почему дорогу назвали Рытой, никто не помнил. Дорога как дорога, не рытая совсем. Только один спуск ее - тот, что вел в поле, был очень крутым.

Мешки сбросили скоро, раскидав их по пахоте.

- Ну, Лютра, давай, милая, потихоньку. А ты, Настя, садись подалее от передка, держись края. В случае чего, прыгай. В гору не разнесет, а подгорка небольшая. Смотри, не крикни. Сама знаешь, норовистая штучка, поезжай с богом.

Возвращались сеяльщики поздно. Настя лежала поперек дороги, вся почерневшая. Порванная кофта крахмально топорщилась от высохшего молока. Как растрепала ее Лютра, на веки вечные остается тайной.

Старую Макариху согнуло в три погибели. Немного тронувшись умом, она не всегда при разговоре попадала в точку. Верховодить по дому пришлось старшему тринадцатилетнему Васятке. Евдокия на своей корове вспахала Настиным сиротам полоску. Сиротскому дому старались помочь все. Соседки, установив черед, утро-вечер бегали доить корову, которая никак не признавала Васятку. Надевал матери-ну кофту, повязывал ее платок, но корова не давала себя провести. Дышала с хрипом, била ногой по ведру, не стояла на месте. Мотался Васятка под коровой, сглатывая соленые мужские слова бригадного

двора и одинаковые с ними по вкусу детские слезы. Согнутая бабушка уговаривала Буренку постоять, но та будто оглохла. Успокоилась, когда стали под нее с подойником садиться соседки. Васятка стоял рядом и гладил корову по голове, говоря ей самые сладкие слова, приручая к себе. С едой худо-бедно управлялись. Хорошо, младшие в яслях. Только заботы, что утром отвести. Вечером сами прибегают. Самой большой бедой обернулась долгожданная, богу моленая сестренка. Голодная, она громко орала, надрывая сердце братьев и бабушки. С ложечки пить не умела и захлебывалась. Соску ни купить, ни христом-богом выпросить не удалось. В деревне она была только у Маркеловых, но у них спросить не осмелились. Она им самим нужна. Испробовали морковку. Выдолбили ее, тонким концом сунули в синопный рот, а в толстый наливали по капелькам молоко. Нет, не пошло, как надо. Макариха молила Богородицу прибрать младенца, как гибящего от лютой голодной смерти. И вдруг пришло спасение. Как раньше не сообразили? Додумались подсунуть Оленку козе. Но ее голодный, истощный крик пугал козу, которая срывалась с места и кругом жила ребят по сараю. Дело пошло, когда прикрутили козу за рога к жерди. Всем макардовским лагерем держали ее, не давая дергаться. Оленка как-то сообразила, сработала сосущим ртом, и коза присмирела. В доме с тех пор узнали покой. Коза исправно кормила Оленку и своих двух козлят. Посветлели лица Макарят. Макариха замаливала перед Богородицей свои невольные греховные слова и просила здоровья козе и дитенку.

К ним сейчас и шла деревня, оба ее конца. Председатель было прикрикнул для порядка, велел идти на работу. Но его как не слышали.

Беду Макаровы не ждали. Васятка на собрание не ходил, как раз завел стирку. Увидел всю деревню, когда начал развешивать белье. Рванулся к военному и замер, а потом пошел за начальником в дом. У ворот уже стояла бричка с кошевкой. В нее Макаровым поджало сложить свои пожитки. Держась за багажник, Макариха вынесла пустое ведро и положила в бричку. Евдокия и Лукерья Казакова пошли в дом. Была, не была. Не заарестуют, глядишь, а без подмоги старой да малым не собраться. Военный не посупорствовал, но приказал управиться за один час. Сам бросил в рот цыгарку и пошел к речке. Милиционер и председатель остались. Из большого сундука достали скатерти, увязали в них Настино нажитое. Запахло нафталиновым. В мешки полетели валенки, варежки, шапки, шубейки. В деревянное корыто сложили посуду. Укрутили веревками постель. Сняли

люльку, вынув из нее Оленку. Она пискнула, но не проснулась, убаюканная на Васяткиных руках.

- Дуняшка, сыми-ка икону, маманино благословеньице, - под сказала Макариха.

Ноги подкосились, когда с узлами подошли к порогу. За порогом стояла тяжелая непроглядность будущего сиротской семьи. Куда повезут? Вернутся ли? Председатель нукнул. Ноги сами знали, что делать. Пошли. Воз увязывался надежно. Когда вынесли люльку, взвизгнула Маруся Седелева, как бы задавая тон общему вою. Под вой к телеге привязывали козу, испуганно крутившую головой. В амбаре подмели до последней пылинки муку. Подгребли с полмешка пшеницы. Додумались слазить в погреб, корчажку с маслом поставили в ведро. Согнали кур с гнезд, собрали с десятков яиц. Вареную картошку прямо в чугушке пристроили между мешками, завернув его в тряпицу. Наверх воза положили сверток клеенки.

Двигались, как во сне, почти не разговаривая. Хотели снять шторы и полотенце с переднего угла. Макариха рукой махнула: не надо, мол. Кровати стояли голые. На гвоздях не висели шубейки. Передний угол без иконы как выбитый глаз. Под матицей торчал крюк для люльки. Нашли замок, заперли дом, ключ положила Макариха в карман юбки. Она села на ступеньку крылечка, молча раскачиваясь из стороны в сторону. Пришел военный, сказал: "Пора!", Макариха подошла к кленам, сорвала веточку, негромко, но слышно попросила: "Не рубите клены. Петя за детей их сажал. Не поминайте лихом. Спаси вас Христос".

На телегу ее посадили Евдокия и Лукерья. Оба Макаренка угнездились между скарбом. Младший громко икал, заходясь в щенячьем похлипывании.

Возница дернул вожжами. Рядом с фургоном, по обе стороны встали военный и милиционер. Коза уперлась, натянув веревку, заблеяла. Поупиралась и пошла, сдернутая крепкой витой веревкой, оглядываясь на бежавших вприпрыжку козлят. Ни с того, ни с сего набежала тучка, сбрызнула слепым дождем горячую землю. И тут во весь голос заплакала проснувшаяся Оленка. В ее безутешном крике почудилось прощание навеки с родным домом, около которого не было ее клена. Не успел посадить виновный в чем-то отец, никогда не видевший и не слышавший своего последыша. В надрывном детском плаче слышалось отчаяние бесправия и незащищенности, открытый укор и вопрос к несправедливости: "За что?" Олена будто

набрасывалась на ту злую, давящую силу, которую не пронять ни детским плачем, ни молитвой полурехнувшейся, дрожащей на июльском солнце старухи. Рев оглашал деревню, землю и небо, призывая их в свидетели чудовищного надругательства над началом жизни, будущим, материнской могилой. Кричала Оленка зло, требовательно, не по-младенчески. В крике этом не было мольбы. Так не молят, так проклинаят. Навстречу крику шли, взявшись за руки, ясельные Макарята. Вела их воспитательница.

Евдокия шагнула к военному, уцепившись за край фургона, с придыхом выговорила:

- Товарищ военный, у меня мужик на войне. Своих детей - двоичка. Отдайте мне Оленку. Или на село отдайте. Мы в приют свезем.

- Нельзя, - коротко бросил он, не оглядываясь.

- Не Петькина девчонка-то, - бросила в Настю грязью.

Глянула на Макариху и испугалась. Из черных провалов глазниц выливалась ненависть, рука старухи шарилась по возу. Наверное, искала клюку. Но отступить было некуда:

- Оленка недоношенная родилась. Посчитай-ка, когда дело было. Сама покойница мне в грехе признавалась, - поливала Евдокия Настину могилу дегтем. - Не Петрунина, не Петрунина, отдайте мне дитенка.

Военный не повернулся, твердо сказал:

- Нельзя, понимаешь, гражданка, нельзя.

Подскочил председатель - на подмогу военному. Схватил Евдокию за плечо. Не успел приказать отойти, как отлетел. Рука у нее была крепкая.

За деревней, у нижнего края председатель попрощался с приезжими по ручке и, повернувшись, направился в правление, напоминая, что работа стоит. Военный и милиционер сели в бричку, которую пригнали сюда двое деревенских мальцов. На работу никто не пошел. Разошлись по домам.

Шатаясь, как после тифа, дошла Евдокия до своего двора. Хватаясь за стены, добрела до крылечка, упала на него и только тут дала себе волю. Когда опомнилась, увидела свои руки и никак не могла понять, откуда в ладонях так много длинных черных волос. Свернула волосы колечком, погладила - будто чужой - ладонью себя по голове, лицу, груди.

- Ну, Евдокия, хватит. Дети на тебе. Настя, Христа ради прости мой оговор.

Истопила баню, позвала Настю Гораздову и Варварушку Портнову. В обжигающем жаре понемногу отпаривала душу. В разговорах обходили Макаровых. Подоив корову, Евдокия встала на колени перед большой, чуть не в полтора метра иконой Спасителя. Рядом построились дочери. Младшей шел шестой год. В три голоса читая "Отче наш", они просили Бога уберечь их от самой большой беды - от военной промашки отца, ушедшего в один набор с Петруней Макаровым.

Каждый вечер девочки шептали слова своей молитвы. Иногда даже днем осмеливались обратиться к иконе, переиначивая на свой лад непонятные слова вечерней молитвы. Им хотелось, чтобы до бога дошло все в ясности. Как в букваре:

- Отче наш, ты же сидишь на небесах. Да святится имя твое, да придет царство твое. Господи Иисус Христос, спаси папаньку нашего. Пусть он не попадет в плен, пусть не будет в беглых. Укрепи сердце его. Пусть не выселят нас, как Макаровых. Прости, господи, дяденьку Макарова ради детей его.

И так до конца войны.

Две похоронки пришло, а в доме Евдокии теплилась надежда, что хозяин жив. Рядом с надеждой постоянно держался горький страх: а вдруг в плену или в беглых. Беда Макаровых не тускнела, хотя своей хватало по ноздри. Только наедине с собой кляла Евдокия vlastи, для которых вина и беда на одно лицо. "Война без плена не бывает, - рассуждала она. - По-всякому попадают люди в неволю. Ты разберись по уму, тогда казни или милуй. Не дело стричь всех под одну гребенку. Великий, незамолимый грех - обидеть сироту".

В дом Макаровых поселили эвакуированных. Председатель несколько раз заводил разговоры о кленах. Они, знать, не давали ему покоя. Почему? За что? Может, чувствовал непрощенную вину перед Оленкиным криком? Тревожило? Охотников пилить не находилось. Эвакуированные отказались тоже, хотя дров, оставшихся от прежних хозяев, было чуть в натруску. Ранней весной сорок третьего отпавшие деревья лежали лето, засыхали. Но пеньки окружились кленовыми росточками. Было их много, слабых, но ровненьких. На вкус клены отдавали сладковатостью.

Хозяева, чьи головы накрыли горькая доля и черная воля, не возвернулись. Где они? Что с ними стало?

Памятью о них остался для Евдокии клен - нарядный, в резных листьях, отливающий солнышком в предзимье. Назло холодам.

Михаил Степанович Керченко (Род. в 1921 г.)

К сожалению, в наш век фантастических достижений науки, развития техники, мы, захлестнутые техническим прогрессом, как-то незаметно для себя отдаляемся от матери-природы, забывая, что мы ее дети, живем и питаемся ее соками, дарами, забываем, что мы не можем жить ни одной минуты в отрыве от нее.
М. Керченко.

Жизнь и литературное творчество Михаила Степановича Керченко связаны с Зауральем. Родился он 20 июня 1921 года в д. Орловке Татарского района Новосибирской области в крепкой крестьянской семье. Сюда в 1908 году с Брянщины переехал дед по отцу свою семью в поисках лучшей доли. В семье Степановича и Анастасии Алексеевны было 15 детей, но выжили всего пятеро - четыре девочки и один мальчик Михаил. Дед с отцом занимались пчелами и земледелием. С конца 20-х годов семья постоянно переезжала с места на место, так объехали всю Сибирь, побывали в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Восьмилетку Михаил окончил на Алтае и поступил в Бийский сельскохозяйственный техникум. С детства у него было две мечты - продолжить дело отца и деда и заниматься литературой. Сам Михаил Степанович говорит, что до сих пор помнит маленькие цветные детские книжки, которые ему привозил отец. Мальчик любил их перечитывать, берег, они уносили его в сказочный мир, потом, став старше, он очень много читал, а в восьмом классе начал писать стихи. Во время войны техникум был переведен в Горно-Алтайск, там Михаил впервые отнес стихи в газету "Красная Ойротия", и они были напечатаны. После техникума юноша окончил агрофак Новосибирского сельскохозяйственного института, работал агрономом, преподавателем в сельскохозяйственном техникуме. С 1950 года живет в Зауралье. Увлечение журналистикой привело его в газету "Красный Курган", на страницах которой стали появляться его очерки, рассказы, рецензии.

Первый крупный успех пришел в 1963 году после выхода в свет сборника рассказов для детей "Лесной барабанщик". В 1967 году выходит второй *сборник под названием "Зори на просеках"*. Его заметили и оценили, и в 1970 г. М. С. Керченко по рекомендации Леонида Леонова был принят в Союз писателей СССР. С тех пор на страницах журналов "Звезда", "Урал", "Тобол" публикуются его многочисленные рассказы, стихи, сказки, повести. Отдельными изданиями выпущено более 20 книг. **Главная тема его творчества - жизнь живой природы.** М. Керченко пишет о природе с душевной болью, очень трепетно, по-сыновьи, считая ее родной матерью, наставницей: "Как негорящая свеча загорается от горящей, так и мы черпаем у природы свои душевные силы, нашу надежду и веру. Именно эту особинку в прозе Михаила Керченко заметил однажды Леонид Максимович Леонов", - пишет о творчестве писателя В. Потанин. Героями его коротких рассказов являются люди, влюбленные в родную землю, в окружающий человека мир природы. Они скупы на слова, не терпят громких фраз, спокойно, уверенно и споро делают свое дело. Они любят жизнь и стремятся украсить ее своим трудом, а еще они умеют мечтать. Таков колхозный пчеловод Коноводов из рассказа "Чудак". Спокойная и размеренная жизнь не по нему. Вся его жизнь в замыслах и движении. Пусть не всегда задуманное получается, как, например, попытка заставить пчел работать ночами, при электрическом свете. Его прозвали чудачком, а ему до всего есть дело, его поступками движет любовь к живому, к земле-красавице, к ароматным ветрам, розовым закатам.

"Я очень люблю человека, добро, сам силы всегда черпал в природе, считал ее первоисточником всего сущего. С трепетом отношусь ко всему живому", - говорит Михаил Степанович. Поэтому и названия его произведений такие певучие, как, например, повести **"Зори на просеках", "Янтарные соты", "Донника белый цвет"**. Писатель не отдает предпочтения какому-то одному жанру. Он пишет и прозу и стихи, сказки, рассказы, басни, но в любом жанре мы находим произведения о природе. В 1990 году вышел сборник стихов "Я встретил Вас...", в котором тепло и с большой любовью воспеваема природа. Здесь времена года сменяют друг друга, оттеняя множество тончайших психологических оттенков представлений и впечатлений человека. Вот **"Начало весны"**, когда "березы ликут в сугробах, тянут к солнышку руки", природа ликует, встречая весну, вот уже "заполыхал цветами луг... вонзился в землю острый плуг".

В каждом стихотворении есть чарующая сила рифмы, метафоры, порой неожиданные и вместе с тем такие изящные:

*...Звонит лучей серебряный поток.
Очнулся лес, в зеленый плащ одетый,
И рукоплещет солнышку цветок,
И птичья трель в ветвях родилась где-то.
(*"Летний рассвет"*).*

"Я всю жизнь стремился к красоте, и свой путь в несбыточной мечте все рисую розовой кистью!" - это строки из стихотворения **"Вечер"**. От стиха к стиху мы ощущаем красоту мира, его цвет, звук, движения, легкие весенние и хмурые земные настроения, а это значит - самую жизнь во всех ее проявлениях:

*Заполоненная багряными листьями,
Уходит в жизнь лесов тенистая дорога
И веет издали пленительными снами,
Мелькнула молодость и - осень у порога!
Поля покоятся в прощальной позолоте
И небеса в дали блестят эмалью нежно!
Березки милые, куда вы все идете,
На землю золото роняете небрежно.*

Каждый читатель сможет найти в лирике М. Керченко созвучные своему внутреннему миру мотивы. **"Должен золота крупницу иль алмазную частицу - Слово доброе найти!"**

Творчество М. С. Керченко поражает многообразием, объемом и глубиной тем, широким поэтическим диапазоном. В 1992 г. в издательстве "Периодика" вышел сборник под названием **"Город слез и тополей"**, вместивший в себя поэмы, стихи, басни о любви и страданиях, радости, надежде и грусти. В нем обостренная душевная наполненность и беспощадно непримиримая авторская позиция ко всякой разрушительной силе, предающей человека.

Как всякий зрелый автор, М. Керченко от размышлениям, которые вы наблюдений над природой переходит к размышлениям, которые выразил в форме **верлибра - свободного стиха**. Верлибр имеет в русской поэзии давнюю традицию. Вы с ним знакомы по "Слову о полку Игореве", встречается он и в творчестве М. Лермонтова. Такому нерифмованному стихом, расчлененному на стихотворные строки, но не обладающему постоянными признаками их соизмеримости, написан **сборник "Золото в лазури"** (1995 г.). Здесь опыт автора воплощается в афористически четких строках: **"Как полова на вет-**

ру, отлетают мертвые слова" ("Слова"), "Луна - одноглазая дикая рысь - ночью взбирается на синий маятник звездных вселенских часов..." ("Луна").

"Природа спрятала тайну жизни в семени!" ("Природа спрятала").

Вообще 1995 год стал особенным годом для писателя. Кроме «Золота в лазури» вышла в свет его книга «Подарок тестю» из серии «Юмористические рассказы», но, главное, он в этот год стал лауреатом премии в области культуры и искусства за разработку в своем творчестве актуальных нравственных тем. И еще - его книга «Жизнь золотого роя» была признана лучшей книгой года.

Первое издание книги - 1989 г., тогда она разошлась в считанные дни, а второе вышло в 1994 г. И снова успех и признание. В эту книгу автор вложил и знание, и опыт, и свое писательское мастерство, поэтому книга получилась умная, глубокая, поэтическая. Главная тема книги - жизнь пчел. В ней поистине энциклопедические знания о пчелах, рассуждения о их нравах, привычках, причудах. Много сказано на ее страницах и о хозяевах пчел - о пасечниках, о любителей-пчеловодах, «о людях в широкополых шляпах, людях щедрой души, мечтателях и фантазерах, до чудачества влюбленных в свое увлекательное дело и родную природу». Авторская речь в произведении очень выразительная, каждая фраза отличается точностью и глубиной. Это гимн природе, и раздумья о жизни. В «Жизни золотого роя» собраны чудесные легенды о цветах: здесь и «Тайна зеленого листа», и ответ почему у большинства растений такое обилие цветков. А вы знаете, что такое тараксакум? Об этом и многом другом узнать можно из этого раздела книги. Мастерство писателя, как стилиста, проявилось в последнем разделе книги, который называется «Зори на просеках». Он посвящен хозяевам природы - неугомонным и талантливым людям, живущим рядом с нами. «Волнующей и солнечной книгой, кладовой солнца, - назвал книгу В. П. Потанин, - живого, благодатного, дарующего жизнь - и людям, и птицам, и пчелам - всему существу на земле».

«Любой сказочник, прежде всего поэт. Он способен взрослого усталого человека превратить в ребенка, вернуть его к светлым счастливым дням детства, а ребенка - в отважного рыцаря... Читайте сказки и вы будете заметно молодеть... Я охотно пишу сказки» - так напутствует читателя М. Керченко в предисловии к сборнику сказок «Остров волшебницы Кандиды» (1996 г.), а следом выходит

еще одна книга сказок «Чудесные сказки Чародея». (1997 г.). Их герои - звери, люди, птицы попадают в самые невероятные, неожиданные сказочные ситуации. И, как правило, побеждает Добро. Вот только несколько названий: «Бессмертник», «Кошачьи лапки», «Ученый индюк», «Муха - Золотое брюхо» и др. - всего более 30 сказок.

М. С. Керченко продолжает неустанно работать. К изданию подготовлены две новые сказочные повести «Тайна подземного замка» и «Путешествие в золотую долину цветов». На писательском столе ждет встречи с читателем книга стихов «Белые розы» и воспоминания о времени и о себе под условным названием «Годы странствий».

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете слова М. Керченко, поставленные в эпиграф?
2. Какой личностью предстает Керченко после прочтения его книги «Жизнь золотого роя»?
3. Подумайте, что характерно для стихотворений М. Керченко. Прочитайте его стихи.
4. М. С. Керченко называет среди своих любимых писателей И. Тургенева и Гончарова. Как вы думаете, оказали ли они какое-нибудь влияние на его творчество?

КЕРЧЕНКО М. С.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Над снегами белеют березы,
Словно светлые свечи стоят!
На заре присмирели коровы,
Подошли к роще дикие козы
И на свечи с восторгом глядят!
А березы ликуют в сугробах
Тянут к солнышку руки, кричат:
«Ждем тепла! Ждем дождей синелобых!
Ждем травы и горластых грачат!»
И грачи ведь об этом кричат!
Скоро снег по всем швам расползется,
Разольет кто-то зелень вокруг,
Прилетят журавли на болотце,
В небо синее коршун взвывается
И козленок прискачет на луг!

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Бегут березовые колки,
В сугробах тонут: нету сил!
Звенящим солнечным осколком
Им кто-то в спину запустил.
И снег, как сахар, таять начал.
Ручей забулькал индюком.
Как будто за забором дачным
Застрял в индюшьем горле ком.
А на буграх так сухо, пусто.
Хоть кол метровой в землю вбей...
Жует бурьян корова с хрустом,
Травинку склюнул воробей.
Вот тает облако льняное,
Раскинув косы далеко,
И льется, кажется, парное
На землю с неба молоко!

ЛЕТНИЙ РАССВЕТ

Такой прозрачный, легкий небосвод,
Так ласково дыхание рассвета!
Так много красок, музыки и света
В узорах гор, в улыбке сонных вод!
Звенит лучей серебряный поток,
Очнулся лес, в зеленый плащ одетый,
И рукоплещет солнышку цветов,
И птичья трель в ветвях родилась где-то.
Приветствуя поток густого света,
Нырять пчелки в узенький лоток.
Проснулся в шалаше кудлатый бог -
Отец мой старый с обликом поэта...
Настал рассвет, настало снова лето!

ВЬЮГА

Позаметано вокруг, позавьюжено.
Не видать ни крыльца, ни перил.
За дверьми чей-то голос простуженный,
В конуре пес голодный завыл.

Намело во дворе, под окошками,
Крышам тяжко от снежных пластов,
Ожерельями, блестками, брошками
Разукрашены ветки кустов.

Утонули в снегу палисадники.
Ни калитки открыть, ни ворот.
Позакутался в белые ватники
До зеленой весны огород.

Ух! Летит бесшабашно метелица
Под безудержный хохот и вой.
То притихнет, поземкой застелится,
То как будто тряхнет головой.

Замутит, закружит пуще прежнего
И пойдет куролесить. Да как!
Ни проежему в путь, ни проежему
Не найти, не прощупать большак!

Вихри вьюжные носятся весело.
Все смешалось со снегом во мгле!
Будто нет, кроме белого месива,
Ничего в этот час на земле!

ЧУДЕСНЫЕ ЛЕГЕНДЫ О ЦВЕТАХ

Есть много легенд, повествующих о необыкновенном происхождении цветков. Вот одно из греческих сказаний.

В древние времена существовал и сейчас существует чудесный напиток нектар. Он давал богам вечную жизнь и юность. Однажды богиня любви Афродита вместо того, чтобы утолить жажду нектаром, окропила им кусты и травы. И на растениях, к великой всеобщей радости жителей неба и земли, появились невиданной красоты - всех-всех оттенков (розовые, золотистые, голубые, лиловые, белые) цветы. Лукавая и хитроумная Афродита скрыла нектар от взоров людей, она спрятала его в глубине каждого цветка. И только трудолюбивым пчелкам-певуньям был открыт секрет, как находить воздушный путь к капельке божественного напитка и добывать его.

И случилось так, что эта бессмертная богиня полюбила вполне смертного, обыкновенного (случается и такое!), но прекрасного юношу, сына царя с острова Кипр. Юноша, его звали Адонисом, был смел, отважен, занимался охотой. Однажды его собаки напали на след дикого кабана - вепря, выгнали его из глухих зарослей и с яростным лаем направили туда, где находился Адонис. Заранее радуясь богатой добыче, он приготовил свое острое копье, чтобы мгновенно пронзить разъяренного вепря. Громадный кабан не испугался отважного охотника, а вдруг кинулся на него и острыми могучими клыками нанес Адонису смертельную рану.

Вскоре до богини Афродиты донеслась эта печальная весть, и она, полная невыносимой скорби и горя, пошла в горы Кипра искать тело своего любимого. Шла она по глубоким мрачным ущельям, по краям каменистых пропастей, по крутым горным стремнинам и изранила свои нежные ноги об острые камни, шипы и корни растений. Там, где падали на землю капли крови из раненых ног Афродиты, всюду вырастали пышные розы, алые, как кровь богини.

Безутешно плакала и скорбела Афродита над телом прекрасного юноши. И по ее воле вырос на месте гибели возлюбленного нежный цветок анемона.

А вот легенда о появлении на земле цветка нарцисса.

У богини лесов и гор и бога рек родился необыкновенной красоты сын. Все им восхищались, преклонялись перед ним, и он это преклонение принимал как должное, то есть ему с детства внушали, что он какое-то исключительное создание, а в чем сила этой исключительности - он не постигал. Был высокомерен, знал, что он лучше всех. А раз так, то зачем ему было задумываться над тем, что он собой представляет, почему им восхищаются. Кроме себя он никого не любил. И вот однажды во время охоты он заблудился в непроходимом лесу. Долго бродил в поисках правильного пути, устал и сел отдохнуть на камне у ручья.

Был хороший солнечный день. Захотелось выпить студеной воды. В тихой заводии ручья вода была, как хрусталь, чиста и прозрачна. В ней, как в зеркале, отражались зеленые кусты, заполовившие берег, и стройные кипарисы, и голубое глубокое небо. Небо вверху, небо внизу под тобой - странное ощущение, как будто ты тоже паришь в небе. Нарцисс встал, подошел ближе к ручью, оперся руками о замшелый камень, выступавший из воды и увидел чей-то невероятно красивый образ. Кто это? - размышлял он. Нарцисс в изумлении смотрел на свое действительно прекрасное отражение и вдруг его сердце охватило какое-то необыкновенное горячее чувство - это вспыхнула любовь к самому себе. Глазами, полными любви, смотрел он на свое отражение в зеркальной заводии ручья, манил его, простирая к нему руки, звал к себе.

Нарцисс забыл о существовании окружающего мира, не уходил от ручья и, не отрываясь, любовался собой, не ел, не пил, не спал. Он начал изнемогать, терять силы, но не мог оторваться от своего коварного отражения. Плачет Нарцисс, слезы жемчугом падают на воду и силы покидают его. Он начал увядать, таять, как тает роса на цветках в лучах горячего солнца. Поникла его голова, и он, закрыв глаза, упал на прибрежную траву. Умер от любви к самому себе. На цветущей поляне полувоздушные нимфы, лесной пан и сатиры начали готовить могилу Нарциссу. И когда пришли за телом юноши, то вместо него нашли желто-белый душистый цветок - НАРЦИСС.

О появлении многих цветов люди придумали чудесные легенды.

НА ВЫДУМКИ ПРИРОДА ТОРОВАТА

Вот ведь как получается: стоит жара, растения и животные ждут дождей. Наконец, пошли дожди. С одной стороны, они щедро питают землю влагой, а с другой стороны ... вымывают из цветков пыльцу и нектар. Вот тебе и радость! Как быть, как жить? Да и пчелы, и бабочки, и другие насекомые-опылители попрятались в своих убежищах, в ожидании солнечной погоды. Значит, пока они ждут ее, надо каким-то образом защитить пыльцу и нектар от вымывания. Эту серьезнейшую задачу каждый вид растений решал в течение тысячелетий. И те, которые уже придумали разные приспособления, продолжают их усовершенствовать. Иначе нельзя: все течет, все изменяется.

Цветки липы, например, в пору ее цветения к моменту раскрытия пыльников располагаются так, что широкие листья дерева служат им надежной крышей: капля дождя скатывается с них, как с черепицы. А цветки марьянника, погремка, жирянки расположены наклонно к земле и, таким образом, венчик защищает тычинки: капли шлепают по затылку венчика и скатываются на землю.

Флоксы и примула ведут себя по-иному. Прямо сверху у них открыт вход в цветок. Легкомыслие? Ничуть не бывало! У самого входа в цветок лепестки срослись, образовав очень узкую трубочку, края которой покрыты изнутри волосками, щетинками. А там ниже внутри находятся пестик и тычинки. Первая же капля дождя, упав на щетинки, превращается в клапан: благодаря поверхностному натяжению - пленке капля-шарик не может проникнуть сквозь заграждение (волоски), закрывает собой выход воздуха из цветочной трубочки, который снизу давит на каплю. Пройдет дождь, капля испарится, прилетят насекомые, запустят внутрь цветка свои хоботки и добудут пыльцу и нектар.

Ну а цветки одуванчика, мать-и-мачехи, роз, пионов, шафрана, кувшинок и многих других в преддверии дождя, росистого вечера и вообще на ночь складывают свои лепестки, закрываются: световой сеанс окончен, насекомые по домам - и нам пора подремать, уйти в мир чудесных снов. Чтобы закрыться или раскрыться, цветку нужно минут 45. Пчелы по поведению цветков определяют: погода изменится, пора домой.

А ветреницы, кислицы, лютики, перелески - те даже усовершенствовали этот способ спасения пыльцы от намокания. Они также в ненастную погоду складывают лепестки, закрывая ими тычин-

ки, но одновременно изгибают цветоножки, и цветки наклоняются вниз. Лейся, дождь!

У некоторых перекрестно-опыляемых цветков выработалась такая предусмотрительность: лепестки перед ненастьем смыкаются, при этом пыльники тычинок прижимаются к пестику, пыльца падает на его рыльце - происходит самоопыление. Ждать нечего. Ненастье может продлиться долго, и как бы цветок не оказался бесплодным. Уж лучше самоопыление.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Это было в конце марта. Ночью неожиданно выпал мягкий волокнистый снег. Казалось, что каждая яблоневого ветка в саду обросла лебяжьим пухом. Видно, зима напоследок решила удивить мир своим великолепием, порадовать глаз ослепительной белизной вокруг.

Однако утром заиграло солнце по-весеннему молодо и задорно, и сбегал снежок мутными ручейками. С крыш потекла вода, около палисадника образовалась небольшая лужица. Перешагнуть можно.

На тополе сидели воробьи - грелись на солнышке. И вот вдруг зачирикали, загалдели. Два-три наиболее вспыльчивых то и дело налетали друг на друга и - только пух по сторонам.

А через минуту трое самых крикливых воробьев прыгнули с ветки прямо к лужице. Она морщилась и холодно поблескивала на солнце. Два смельчака ринулись в воду и начали нырять, плескаться, трепыхать крыльями, да так, что дух захватывало. А тот, что остался на отмели, щебетал, чирикал сильнее других и, вероятно, командовал: давал указания, как надо нырять.

Воробьи на тополе и на плетне, вытянув шеи и затаив дыхание, наблюдали за первым весенним купанием.

Очень важные краснолапые гуси (серые и белые) и медлительные утки стояли на бугорке и с завистью смотрели на храбрых воробьев. Как же! Первые открыли купальный сезон этого года.

Подошел нарядный петух с курицей. Петух постоял, осмотрелся. Подошла осанка и красная мясистая борода. Петух постоял, осмотрелся. А когда понял, что тут происходит, взлетел на плетень, захопал крыльями как будто зааплодировал, и на всю улицу закукарекал:

- Кукареку! Какую реку переплыли, какую реку?! И на других плетнях и заборах другие петухи тоже захопали крыльями и вскричали:

- Какую реку переплыли, какую реку?! Кукареку!

Воробьи-купальщики гордо выпрыгнули на бережок, с достоинством отряхнулись и сели на подоконник - погреться на солнышке: они это заслужили.

А ленивые утки недовольно закричали, загоготали, видно, поругались между собой, обозвали друг друга обидными словами и медленно поплелись домой.

- Кря-кря-кря!

Дескать, зря уступили первенство. Зря!

- Га-га-га! - смеялись надменные гуси. - Чего же спали?

- Куда там им! Куда там им! - закудахтала курица.

Петух долбанул ее в голову: дескать, не суйся вперед мужа. А потом закричал на все село:

- Какую реку переплыли?! Кукареку!

И всем стало известно, что воробьи первые открыли купальный сезон.

А солнце так начало усердствовать, так быстро нагревать прозрачный воздух, что кое-где заиграли, закружились вихри, подхватывая с земли, поднимая над крышами домов легкую прошлогоднюю листву тополей и кленов. И вдруг я услышал над головой ровный, но с каждой минутой нарастающий гул... Я замер от неожиданности. Так торжественно и радостно, так весело, и мелодично может гудеть только пчелиный рой. Откуда он здесь? Да еще в такую раннюю весеннюю пору? Я задрал голову.

Из дупла старого, века полтора стоящего под окном, тополя вырвалось на волю солнечное племя пчел. На облет вылетели! Целое облако, живой жужжащий вихрь. Пчелы как в водовороте долго кружились в воздухе вокруг могучей кроны тополя и над обширной поляной, а потом возвращались друг за другом в свое гнездо. Видно, в прошлом году они нашли себе убежище в дупле, отстроили соты, наполнили их медом и счастливо перезимовали. И теперь вот, как птицы, торжествовали, радовались солнцу и горячему воздуху.

Удивительно то, что при появлении пчел все вокруг настороженно притихло. Жужжание пчел поглотило все другие звуки. Утки остановились и так же, как и гуси, опасно вытянули шеи и задрали головы вверх, наблюдая за веселым пчелиным хороводом. Куры тоже присмирели. А петух, вытаращив глаза, переступая на плетне с ноги на ногу, вдруг надрывисто и хриловато прокукарекал, дескать, тикайте прочь, пока не поздно. Эти мухи не те, что сидят на помойках. Сам трусливо соскочил с плетня и что есть духу попустился бежать.

Алексей Никитович Еранцев (1936-1972)

Известность поэта Алексея Еранцева не велика, хотя природа отметила его большим и разносторонним талантом. Художник Г. А. Травников высоко отзывается об акварелях Еранцева. Близкие друзья поражались мастерству шаржирования, способности через необычный образ пере-

дать истинное содержание человека. А каким выдумщиком он был! Как умел ответить ярко и звонко. Во время так называемой оттепели 60-х годов пришел в редакцию секретарь обкома партии - весь идейноправильный. Его внимание привлек молодой журналист, отрастивший бороду - густую, опрятную. Этим журналистом был Еранцев, получивший строгое указание: "Бороду сбрить". Встала проблема: работа или борода. Естественно, борода стала жертвой, но не безвестной. Пришедший утром редактор испугался: за столом Еранцева сидел ээк: без бороды, бритоголовый и в полосатом костюме. Так и ходил Алексей Никитович на службу, вызывая повальный смех сослуживцев, которые радовались тонкому и остроумному ответу молодого коллеги. Облик, маска заключенного давали понять, что рекламируемая свобода, "оттепель" - липа, одни круглосуточные разговоры.

Не умел Еранцев толкаться на жизненном базаре, не слагал гимны имеющим власть, не воспевал ни братскую ГЭС, ни Лонжюмо, ни Мавзолей. Зато крепко думал над тем, как отзовется слово. Поэтому нет ни одной строчки, которая вызывала бы у читателя конца XX века стыд и неловкость. Многие из громких "шестидесятников" стали символом хамелеонства, а Еранцев остался звездой в траве. Все, созданное им, и сейчас современно, волнует сердце. Причина в том, что к людям **поэт вышел с глубокими и искренними размышлениями о жизни человека-труженика.**

Жизнь Еранцева коротка и не легка. Родился в крестьянской семье, укоренившейся в Петуховском районе. Но корни обрубал топор унижения и уничтожения крестьянской культуры. Отец репресс-

сирован и сослан в немыслимые дали - на Калыму. Там и сгинул. Спасибо дяде, в семье которого Алексей Еранцев рос и всегда находил поддержку. На долю выпало военное лихолетье, вошедшее в стихи:

Войну я так запомнил: жуем в потемках вяло
Скользкую, пропаренную горе-лебеду,
Сестра мне рот голодный поцелуем накрывала,
А я жалел, что пусто у нее во рту.

Во многие стихи вошел образ спасительницы, отводящей гол
под и смерть - картошки.

В короб мой не сыпались калачи с деревьев.
Жизнь была мякинная: сушь да недород.
Родился я - заплакала надо мной деревня
И сунула чумазию картофелину в рот.
И если не подавится, - загадали бабки, -
Значит, в нем фартовая, ухватистая статья.
Хорошо, что понял я: картофельные кляпы
Надо не выплевывать - надо их глотать.
Рос я голопузиком: был сыт и ладно!
Сугробов не боялся, зато пугался бань.
И ливни барабанили в мой, сверху шоколадкой,
Изнутри картофельный, пупастый барабан....
(“Картошка”).

О картошке вспомнил поэт, излагая свое понимание глубокой
мысли о том, что за все на свете надо платить, что без труда не
вынешь рыбку из пруда.

Прежде чем съесть картофелину,
Испеченную на загнетке,
Я, ростом чуть повыше ботвы,
Носил ведра с картошкой
Из огорода в подвал...

Поэтическое слово манило рано: хотелось рассказать свою
жизнь с помощью букв. О первых опытах сочинительства рассказа-
ло стихотворение “Я был слугою строгой прозы”, в котором найдена
удивительная метафора. Крыша дома, если на нее смотреть с пола
чердака, кажется полураскрывшимся букварем.

Я был слугою строгой прозы:
Колол дрова, дробил зерно
И ветви белого мороза,
Забывшись, ставил на окно.
Менял подстилки иноходцу,
Очаг подкармливал щепой.
Нес от весеннего колодца
Ведро с ледышкой за щекой;
И на чердак взбирался сонный,
И пил заката теплый взвар,
И надо мной скрипел тесовый,
Полураскрывшийся букварь.
И тайно складывал по буквам,
Сосновый уголь очиня,
Как я служил на побегушках
У дров, колодца и огня.

Лирика Еранцева истоками связана с крестьянским ми-
ровосприятием, крестьянской культурой и крестьянской
нравственностью. От крестьянства поэт получил в наслед-
ство ощущение корней, человечность, уважение к природе и
человеку труда, поэтичность, стремление найти лад, гар-
монию. Мир даже в противоречиях целостен. Он предстает Домом,
деревней, дорогами, ведущими к полям, речкам, околкам. Все это и
есть Родина.

Рождение доброго имени
Приходит под утро, когда
Ты почувствуешь кожей весеннюю,
Горячим прокуренным ртом
Три имени, три воскресения:
Отечество, родину, дом. (“Предчувствие”).

Начало России Еранцев верно возводил к труду земледель-
цев. Они закладывали первые кирпичики для того, чтобы строилась
и возвышалась страна:

За холмом, в зеленой пади,
Возле камня-молчуна,
Мне земли бы восемь пядей
Да сторожку в три окна.

Я копал бы - докопался
До ручья земных кровей,
Чтобы рядом с домом пасса
Деревянный журавель.
Я взащей прогнал бы кочки,
Все пеньки - подальше с глаз.

Хитробровую картошку
Из лукошка да под пласт.
Посадил бы десять яблонь,
Напоил бы - не прилеж,
Подарил бы самой слабой
Мой дорожный костылек.
На себе вспахал бы поле,
Хлеб посеял, дров запас,
Чтобы вспомнить и запомнить,
Как Россия началась.

(“За холмом, в зеленой пади”).

Высшее чувство гармонии дает слияние с землей. Даже ставший городским человеком лирический герой Еранцева наливается силой и добрыми чувствами, прикинув к земле:

Бросаюсь на мокрые стебли
Лицом в травяные поля,
Пусть сердце простучает землю,
Послушает душу земля.
Мне видится: звонко и чисто
Под шелест полынных порош
Кузнечики косят пшеницу
У горьких осиновых роц.
По листьям, листву прогибая,
По травам, бредущим ко сну,
Приходит звезда голубая
Погреться к ночному окну.
И женщина, шорох слышав,
Впускает звезду на порог,
И где-то трубит электричка
В старинный охотничий рог.
Скрипят, как обоз, коростели,
И лунные тропы пылят...
И сердце простучало землю,
И сердцу открылась Земля.

(“Земля”).

Земля наполнена чудесным. Обыкновенный подснежник обрачивается солнцем:

На тропах нехоженных, вешних,
На тайной полянке лесной
Пьет желтым бокалом подснежник
Весенний медовый настой.
В нем дождика светлая ноша,
В ней шёпот травы-муравы.
И солнцем на тоненькой ножке
Считают его муравьи.

(“Подснежник”).

Холодный рассвет как бы выхватывается из волшебной сказки. При этом тяжелая работа видится по-крестьянски - как условие жизни. Счастлив человек, воспринимающий трудности как неизбежный признак бытия, как оборотную медаль великого дара - жизни с ее поэтичностью:

Мы отправлялись за дровами с дедом
По холодку, перед сырым рассветом.
Из темной рощи, хворосту нашарив,
На свет зари, на мыканье коров,
Я выносил свой черный накомарник,
Сплетенный из голодных комаров.
Накрыто поле скатертью широкой,
На ней туман, как белый каравай,
Такой густой, хоть режь его на ломти
И травяным настоем запивай.
А я облеплен комариным войском,
Тут солнце,
Сбросив красную зарю,
Свое жерло подымет огневое -
Во все лучи как даст по комарью!
И ночи нет, осколки чаща втянет.
Лишь на траве росистые следы...
Да белый клоч ушедшего тумана
Торчит у деда вместо бороды.

(“Рассвет”).

Характерная примета поэзии А. Еранцева - связка Дома и Природы - проявилась и здесь. Холодок, сырой рассвет, комарье, тяжелый труд не угнетают потому, что в природе глаз отыскивает черты родного Дома. Это согревает и поддерживает, И солнце - тоже помощник. Недостигаемое чудо - светило работает, подсобляя крестьянам, спозаранку покинувшим теплые постели.

Земля у Еранцева изображается по-есенински: и как совершенство, и как кормилица. Как высшая ценность утверждается хлеб, выращенный на земле. Каравай, лопоть - частые метафоры. К ним обращается автор, когда трудно изобразить что-то ускользающее, не имеющее конкретных признаков. Как рассказать о тумане? Это - нечто. Еранцев нашел слова, способные передать внешние приметы тумана. Он, как калач, хоть режь его на ломти.

Земля целительна своей извечностью и покоем. Только бы ей не навредить. Голос поэта требует любви к земле, уважения к ней:

*Перед лицом земли моей очнись,
Верни сухой пылины все, что горько,
И куполам листвяным поклонись
Перед лицом зеленого пригорка.
Теперь входи. Шаги твои легки,
Не дрогнет лютик, не качнется мята.
И вместо ветра свистнут кулики,
И все святое снова будет свято.
И высота над миром - высока!*

("Перед лицом земли моей очнись").

Верно подчеркнул автор вступительной статьи к сборнику "Звезда в траве" В. В. Веселов отличительную особенность лирики Еранцева - возведение обыденности в ранг поэзии: "Ощущение жизни как поэзии помогло Еранцеву находить красоту в будничном и привычном - звезду в траве". (Еранцев Алексей. Звезда в траве. Книга стихов. Челябинск. 1990. С. 7).

Мы добавим, что пронизаны стихи дыханием света и молодости. Лирический герой А. Н. Еранцева взволнован воспоминаниями о детстве, юности, первой любви, открытием чуда в обычной повседневности. Прекрасна способность приподняться над серостью, бытом, злым словом. Мне представляется поэтической изюминкой произведение "Молва". Все в нем хорошо: метафора, звукопись, эпитеты.

ты. Прекрасна мысль о благодарности детского сердца за радость приобщения к чуду, необычности, талантливости.

Начинается оно строчками, насыщенными раскатистым "р". Это настраивает на сообщение о чем-то необычном, удивляющем. Аналогия подобному есть - стихотворение В. В. Маяковского "Товарищу Нетте - человеку и пароходу" ("Я не даром вздрогнул..."). Итак, начало стихотворения:

*Играла Любка в духовом оркестре
На золотой залатанной трубе.*

Эпитеты "золотая", "залатанная" являются своеобразной запевкой к тому, о чем пойдет речь. Противоположные по смыслу, эти слова играют роль ключика к тем противоречиям, противостояниям, которые стали предметом поэтического осмысления.

Жизнь, как труба, одновременно и золочена, и залатана: в ней переплетены добро и зло. Противоречиво отношение к Любке. Одни её осуждают, другие восхищаются. Да и сама она соткана из противоположностей. Талантлива, а ведет себя очень вольно, давая повод к пересудам. Недобрая молва вызвана тем, что героиня

*По вечерам косяк парней окрестных
Водила в общежитие к себе.
И под кошачьи вопли радиолы
Качалась у порога трын-трава,
И шлейфом за коротеньким подолом
Тянулась поселковая молва.*

Молве наперекор "мальчишка гулевых окраин" открыто несет своему кумиру не портвейн, а белые гвоздики. "И за спиной было тихо-тихо". Читатель чувствует тишину потрясенного чудом села. Получается: чудо к чуду! Однако снова вздымается гребень молвы, жестоко смахивающей счастье с ладоней Любки. Но языки не все-таки сильны, торжествует золотая залатанная чудесная труба:

*Но горечи отчаянной в отместку,
Наперекор накликанной судьбе,
Играла Любка в духовом оркестре,
На золотой залатанной трубе.*

В лирике А. Еранцева есть приметы Зауралья. Это географические названия. Светлое стихотворение посвящено Боровлянке Белозерского района, где поэт облюбывал себе избушку. Внимательный взгляд обнаружил старинное в переплетении с новым:

*В хмуром сумраке бора
Дремучая древность плутает,
И под каждую веткой
Таится сокровище сказок...*

Сквозь старую крышу пробились упругою новью голубые антенны. Построен аэродром, обнесенный изгородью. Пасутся телята. По кромкам гнездится капуста. Спокойно, хорошо.

*По утрам,
Разодетый в шелка и сатины,
Ждет крылатого рейса и шутит народ:
- Вон послали радиста
Выгонять с луговины скотину,
Значит, скоро придёт самолет!*

Мне дорог такой взгляд на течение жизни. Пусть живут люди своими привычными делами, заботами, радостями в сложившемся быте. Пусть в него входит то, что раздвигает горизонты. Эта связь времен весельем отзывается в разодетых сельчанах, собравшихся лететь в город! Теперь нет шуток, нет смеха на деревенском аэродроме: не летают самолеты. Разруха 90-х годов и здесь заглушила много в благодатном волшебном крае. О прошлом (недавнем) напоминают стихи Еранцева.

Пронизаны добрыми чувствами строки посвященные землякам: художнику Герману Травникову, писателю Василию Юровских. К своему читателю поэт обратился с призывом:

*Испей добра
И душу отвори.*

Земной добротой согреты стихи, посвященные женщине. Любить - это значит заботиться, брать на себя беды и тревоги, не замечать будничных мелочей, не делать из них проблемы. В этом оттошении поэтическим перлом можно назвать "Нежность".

*О нежности тебе не говорю
И доброте, как золоту, не взвешиваю,
А просто хлеб и жизнь с тобой делю,
Жую с улыбкой корку подгоревшую.
Берусь за весла - нежность на корму
Я приглашаю: правь светло и молодо,
И в сентябре мне зябко потому,
Что на ветру твоим коленям холодно.
Легко нести мне твой дорожный груз,
Споткнешься ты - я на себя сержусь
За то, что снова проморгал колдобину.
На чертов мост рискованно иду,
Твоим кивком согрелась и утешась.
Когда я принесу тебе беду -
Не ошибись - прими ее за нежность!*

Любовь во все времена занимала литературу. Суждений об этом высоком предмете множество. А. Еранцев считает, что любить - это уметь не только согреть теплом любимого человека, но и подарить ему чудо, спрятанное в повседневности.

*Повяжись платком пуховым,
Как смородина в лесу.
Не скажу тебе ни слова -
В бор сосновый увезу.
Слушай: ветер пахнет вербой,
Где-то белка щёлк да щёлк,
Только снегу не начерпай
В свой неловкий сапожок.
Протопчу к тебе дорожку,
Разожгу тебе костер,
Положу тебе в ладошку
Для синиц пшеничный корм.
Тихим посвистом поклочу
Стаю сказок из дупла,
В голубые рукавички
Надышу тебе тепла.
Упадут синицы с веток -
Все до крошки им отдай.
Только легких слов на ветер,
Слов на ветер не бросай.
(“Повяжись платком пуховым”).*

В поэтической мастерской Еранцева особое место занимает метафора. Она всегда конкретно-земная, зримая, ясная, понятная. Приглашаю послушаться:

Грачей кочующая пашня
Ушла за желтый горизонт.

Действительно, стая грачей, передвигающаяся по вспаханной земле, производит впечатление кочующей пашни. Узнаваема зримая картина речки, связывающей два берега. Обычный деревенский пейзаж дает пищу для размышлений о скрытых силах человеческой души:

У левого берега - бани,
С правого - бани идут:
Вот-вот деревянными лбами
Друг друга на стрежне боднут.
Нырять в зеленую воду
Тропинок сухие ручьи.
И острыми листьями подок
До корня мостки обросли.
Вот речка! По горло кувшину,
Для куриц - один перелет,
Волне не срубить камышинку -
А сердце волной достает!
И только в преддверии лета
Мосты, как застежки, круша,
Рванется ...
И сразу заметно:
У речки - морская душа.

(“Речка”).

Такой речке был под стать сам Алексей Еранцев. У него была морская душа. Он защищал её от хитрых веяний шестидесятых годов, четко зная, что его дорога - искать свою звезду в траве. Поэт любил жизнь, запахи и краски бытия. Словно предчувствуя, как мало ему отпущено лет, Еранцев писал:

Ни звезд не будет, ни росы,
И надо разглядеть получше
Как в поле сыплются скворцы
Из надвигающейся тучи.
Запомнить запах бытия,
И знать, что никуда не денусь,
И так уйти, как будто я
На третье солнышко надеюсь. (“Рыбалка”).

Он до последних дней надеялся на ту “теплинку”, что в душе осталась. Она должна уйти на то, “чтоб сердце завести”.

Г. Травников. На родине А. Еранцева. Акварель, 1973 г.

Александр Михайлович Виноградов (Род. В 1936 г.)

Поэтическое слово Александра Виноградова мудро, ёмко. Вероятно, оно отчеканено длительным преподавательским трудом. Может быть, сказывается свет старинной русской культуры, которая стала предметом профессионального изучения. Безусловно, ощущение Руси как богатырской и русской связано с фольклорной традицией и ли-

тературой нашего Средневековья. Через все сборники поэта проходит мотив счастья осознания своего единства с Отчизной. Ей лирический герой Виноградова объявлен всем - даром поэта, пониманием нерасторжимых связей с землей своего народа:

Ах, Россия, Россия,
Зоревая страна.
Ни о чем не просил я -
Одарила сполна.

Где б меня ни носило -
В сердце, как огонек,
Островочек России -
Марков лог, Марков лог. ("Марков лог").

Александр Виноградов вошел в литературу как певец Руси и России-Родины. Любовь к ней проявляется через отношение к родным местам: колкам, березам, Маркову логу, речке Канаше, Юровской поскотине*, озеру Таволжану и Кабанью, Уралу, Курганской земле. Это вовсе не означает, что для Виноградова эти места отгорожены от большого мира, России. Как нельзя любить человечество вообще, не любя никого конкретно, так нельзя осознавать себя частью Руси без ощущения связи с конкретным уголком большой страны.

* Поскотина - место для выгона скота за околицей.

Русь Виноградова - русский человек, природа, история и русская речь. В отличие от многих современных гробокопателей российской истории Виноградов видит величие и беды прошлого, противоречия настоящего. Олицетворением мощи Руси являются Святогор и Илья Муромец. Подчеркивается древность Руси, постепенный и трудный путь ее становления. Истоки отчизны - леса, наполненные птичьими голосами:

Деревья медленно качаются,
Идут неспешные века.
И, начинаясь, не кончается
Русь, как река из родника. ("Родное").

Предметом поэтического осмысления поэта стал также русский человек - талантливый и трудолюбивый, доверчивый, совестливый. Глубинная Русь проявила себя через дивную икону "Ангел - златые власы", звон колоколов, расписные сказки Палеха. Лучшее, что заложено в русской душе, сосредоточено в ласковом, легком вечном имени - Рублев.

Поэт Виноградов ясно понимает свои национальные корни, традиции. Он прислушивается к поэтическому голосу народа, о чем говорят фольклорные образы и сюжеты. Он свято чтит слово древнерусских писателей, болевших за судьбы отчизны. Сборник "Зоревой окоём" демонстративно начинается с чудесной заповки - эпитафии. Она взята из высоко-торжественного гимна Руси, созданного неизвестным писателем 13 века. Обратившись к автору "Слова о погибели Русской земли", А. М. Виноградов выбрал из него для себя один из главных лейтмотивов: "О, светло светлая и украсно украшенная земля Русская".

Интерес к человеку, поэзии, жизни сердца, природе, языку, русским традициям пробудила семья. Отец - журналист, мать - учительница раскрыли сыну глаза на красоту звука, краски в жизни природы и слова. Правильно отметил писатель В. Юровских: "Всему существу на земле поклонился поэт, для всего нашел трепетные и задушевные слова: весне и лету, осени и зиме. Чуткий слух поэта безошибочно улавливает музыку русской природы и запечатлевает ее в слове. Нашей природе посчастливилось на прекрасного и тонкого певца, мастера-пейзажиста" (Россия - Русь Александра Виноградова / Зоревой окоём. Шадринск, 1996. С.7).

Александра Виноградова по праву можно назвать поэтом-государственником. Центральным образом его лирики является Россия. В ее истории, поэзии поэт находит государственно-мыслящих людей, их представляет писателю как носителей нравственности, самобытности. Таким высоким героем является былинный Илья Муромец, выбравший "Крестный путь по родной земле". Он черпает силу в правде и крепком слове, защищая святую Русь:

Трогай, трогай, конек мой соловый,
Не пряди ты ушами, не трусъ:
С нами правда и крепкое слово,
А за нами - единая Русь.

("Илья Муромец").

Внимание Виноградова привлекают вечные имена: Святогор, Рублев, Ермак. От них идут свет разума и заботы о России. Их размышления эхом отзываются в поздние времена:

В костре сверкали сотни глаз,
То черно-огненных, то синих,
И разговор у нас не гас,
Все о России, о России.

("Костры").

Продолжая традиции отечественной словесности, Виноградов подчеркивает мысль об огромной роли русичей в становлении России. Природа сохраняет память об этом даже тогда, когда забывают люди:

Глянешь - пестреют поляны.
Чьи имена расцвели?
Все Васильки да Иваны -
Красные дети земли.

("Затарахтела машина").

Напоминает Виноградов о том, что ребята из негромких русских сел заслонили собой Россию в страшные годы войны. Среди них "братан Алешка Виноградов", оставшийся навечно молодым. Природе поэт соткал венки, сверкающие красками слова. Поэтически чувствительно чувство тишины и покоя, которые дарят лес, поле, берега рек:

Среди тишины необъятной,
Среди необъятных снегов
И время становится внятней,
Как шорох шагов.

("В деревне").

Одно из стихотворений так и называется "Тишина". Тишина задержалась в деревне, да и то ранним утром. Это такое чудо, понять которое способно чуткое ухо:

И дым отечества в лицо,
И сладок отчий дар,
Счастливый выйду на крыльцо,
Поставлю самовар.

Такая праведная рань,
Тишайший снегопад,
Как будто звезды в сельский рай
На огонек летят...

Александр Виноградов видит и слышит природу, находит такие средства словесной живописи, что читатель чувствует ее материальность и одновременно идеальность.

Поэт вводит нас в прекрасный, щедрый и беззащитный мир, требовательно и тревожно взывает к человеку быть внимательным и чутким к прекрасным, простым и живительным основам жизни. Стихотворение "Снегири" пронизано мыслью о единстве человека и природы. В снегирьке узнаваемы приметы бытия чистых и светлых людей, согревающих светом неповторимости обыкновенный день:

На ранетках к полудню -
Заря снегурей.
На снегу - кожуры киноварь.
Посмотри поскорей,
Душу светом согрей:
Не январь -
Настоящий снежарь!...

Вызывают синицы
Пойти поглядеть,
Нежно-нежно выводят:
- Выдь! Выдь!
Безголосым красавцам,
Хотя бы на треть
Перенять эту трель, разучить.

Людам верят они -
Не взлетят в трех шагах,
Но упрямо молчат

Все подряд.
Дарят радость,
Взамен ничего не хотят,
Лишь поддакнут тихонько:
- Так, так.

В другом стихотворении поэт вновь обращается к образу певчей птицы, дарящей радость звука:

В свитерке своем веселом снегирек,
Как оброненный зарею уголек.
Не от этого ли чуда-снегирька
И зима не так сурова и долга?
Не от этого ли ала уголька
Подожгла весна горючие снега? ("Снегири").

Природа многозвучна: от шороха до грома. Восторг вызывает голос соловья - певца русских просторов:

Соловьи не слетаются в стаи -
Песне волю подай да простор.
До чего же светло запевают
На уреме один бузотер.
В государстве своем тальниковом
На кусточке сухом у ручья
Он гремит, темнотою не скован, -
Сам себе и певец, и судья.... ("Соловей").

Не обойден вниманием воробушек. Спасибо ему сказано за бесстрашие и оптимизм:

Эй, воробушек - серая птаха,
Зачирикай назло холодам,
На тебе бедновата рубаха.
Не беда - заливайся без страха,
Я зимой тебе зернышек дам.
Не на лёгком поднялись вы хлебе,
Да запели - за то и почет:
Знаю, зимняя радуга в небе
За чириканье ваше и щебет.
Самоцветно в ответ расцветет.
("Зимним певцам").

В привычном высвечено дивно волшебное, достойное удивления и поклонения. Дятел вдруг окажется телеграфистом:

Дорогой товарищ дятел,
Телеграмму мне отбей
К долгожданной красной дате,
Красной дате снегирей...
Все равно для дружбы нашей
Пятипалый сбросит лист,
Красной шапочкой помашет
Мой лесной телеграфист. ("Дятел").

Надо сказать, что дятел - частый гость на страницах книг Виноградова. Ему посвящен ряд стихов. Очевидно, поэта привлекает звучная дробь "высотного лешего":

Тщетно поклоны земные отвешивал,
Лес про грибы не отвечал мне.
Пестрого дятла - высотного лешего -
Долго выслеживал я на сосне.
Вон где! Укрылся он в кроне окладистой,
Дробь залихватски сыграл на суку.
Мало ли спрятано маленьких радостей?
Ежели ждешь - то на каждом шагу.
Ты на своем на высоком посту кивай,
Кланяйся соснам малец - удалец,
Дробь барабанную гулко выстукивай...
Может, и я достучусь до сердец. ("Высокая дробь").

Лирику Виноградова пронизывает открытие чуда в повседневной жизни природы:

И откуда у птахи, у маленькой
Столько света в запевке простой?
("Песня пеночки-веснички").

И, скажем, что необыкновенного в синице? Синица она и есть синица. Но поэт показывает читателю нечто необыкновенное. Эта птичка открывает весну, начинает весенний птичий перезвон:

Протенькай, синица,
Про синюю тень -
На солнечных спицах
Завяжется день. ("Запевка весны").

А затем начинает звучать симфония леса. "Жизнерадостная
братия // Любознательный народ" наполняет звуками лес:

Восхищенно всюду тенькают -
То не "тени" на плетень:
"День! - день! - день! - звенит: давненько я
Не слышал, как славят день.

Вот выводят строчку ровную,
Серебристо, как ручьи,
Выясняют родословную -
Досконально: "Чьи вы? Чьи?"

Труженик сам, поэт и в птичках увидел не только талантливость,
но и трудолюбие. Быть в связке с ними - великое счастье:

Ах, вы милые старатели,
Вдохновенные Весной,
Мы - одной природы - матери
В стороне своей лесной. ("Виртуозы весны").

Стихи наполнены гуманной мыслью: поклонись матери-при-
роде. Поэт показал пример, не обойдя вниманием ни березку, ни тра-
винку, ни шумящий бор. Он передает нам свое чувство благодарнос-
ти природе за то, что она дает покой, вызывает глубокие раздумья,
одаривает трепетом вдохновенья:

Просияла ветла по весне
В серебристо-пушистых сережках -
Над землей в голубом полусне,
Под сосной, напряженной сторожке!... ("Ветла").

Природа хороша в любое время года, но особенно осенью. В
эту пору ярко и тревожно проступает высшая и праведная проба
леса, околка, тропки:

На диво изобилен август,
Призывно светятся леса,
Авось, поправлюсь и отправлюсь
В заветный бор... по чудеса. ("Благодатный август").

В земную благодать неразумно вклиниваются люди. Необду-
манность, эгоизм разрушают собственные истоки и свою защиту. Со-
временники поэта как будто сами себе заткнули уши и залепили гла-
за. Петух и воробьи больше верны спасительному зову предков, чем
человек. Они в себе несут голос предыдущих поколений. Можно ска-
зать, что люди как бы и из биологии выпрыгнули, повисли в воздухе
без ощущения крепкой опоры корней. Заколочены окна крест на крест
досками, однако

И с прежней охотой,
И с прежней домашней сноровкой
Летят под застрехи
С травинкой для гнезд воробьи ("Воробьевка").

Отчаянно встрепенется сердце, когда увидишь, как изуродова-
на улочка детства. Она помнится светлой, живой:

Тополь лузгает семечки,
Пух далеко летит ...
В отдаленье - два домика.
У окошка - сирень.
Как родная гармошка,
Развернулся плетень.

Так было. Теперь - разор:

... окно заколочено
Горбылями внахлест -
Точно крест скособоченный
Над крапивой пророс.

Сердце словно уколется -
Сколько вспомнится тут!
Что осталось? К околице
Лишь деревья идут... ("Улочка детства").

Горечь вызывает разрушение лада русской жизни. На памяти
одного поколения произошли такие чудовищные изменения, будто
вражья сила прошлась. Совсем недавно в старой деревне Воробь-
евке пелись "не пьяные песни, - заветные песни любви". Но разру-
шен старинный уклад жизни, осталось восемь домов. И горько, и
больно. Отмирают корни крестьянских родов, стоит изба с переко-
шенным ртом-окном.

Стихи Виноградова взывают к разуму и сердцу человека. Они на звенящей эмоциональной ноте предупреждают о том, что безумное, эгоистичное отношение к природе нарушает устойчивость мира, обедняет жизнь и грозит бедой самому ее венцу. Горько сознавать, что внуки-правнуки не увидят прекрасный цветок, уничтоженный варварством современной цивилизации. А ведь он был частью целого природы:

Ветер сорвался с тропинки покатою

И полетел в прошлогодний бурьян.

Спрыгнул ручей, как котенок с полатей,

И замурлыкал, лакая туман.

Солнце спешит, продираясь по чаще:

Ступит в овраг - заиграют снега.

Спустится в лог, углубленно-молчащий, -

Мягко сережки звенят с тальника.

Скоро должны расцвести медуницы,

Скоро купавки должны расцвести.

Только удастся ль на них надивиться?

Прошлой весной не встречались почти.

С горки подснежник глядит желторотый.

Где же друзья? И не ведает он:

В Красную книгу, в копилку природы,

Будет, наверно, и он занесен.. ("Подснежник").

Особую тревогу вызывает уничтожение лесов. Она высказана в поэтическом цикле - "Реквием русскому лесу". Горит бор.

Обезображенно - черна

Земля дымилась после пала.

В подлеске хвои желтизна

Над гарью мертвенно зияла.

Бутылки, банки у костра.

В траве - за вспышкой - след машины,

Недавний праздник для нутра -

Пожара явные причины...

Погоуляли, "оттянулись", насрамили, подожгли. Это одни. Другие "пошалили".

Теплый ветер, листвою похлопав,

У сосновых посадок нагрёб

С тополей облетающий хлопок

В неожиданно-пышный сугроб...

Спичку ль бросили - и без оглядки?

Или чиркнули из озорства?

Пыхнул пух - почернели посадки,

Полыхнул - почернела трава...

Знакомая картина, видели подобное. Хочется верить, что дойдет до "шалунов" предостережение мудрого человека:

Если это - дурацкая шалость,

В головах не мелькнет ли сквозь чад,

Что сегодня без леса осталось

Детство их... и грядущих внучат...

Черной програвшей тучей кажется сплошной лесоповал. А как хорошо было у Лещёва - Замораева! Тут воздух, ягоды, грибы, черемуха, чистая вода Боровляночки:

Лес покачивает бережно,

Обоймет со всех сторон.

До небес возносит с бережка

Птиц веселый перезвон.

Пьешь и силы набираешься

От живительной земли...

Но не осталось малого следа былой чистоты:

Извели леса до краешка,

Воронье кружит с утра,

У Лес-чёва, За-мора-ева

Замирает, за-ми-ра... ("Реквием русскому лесу").

Страшно становится за будущее человека, не думающего о завтрашнем дне, внуках, правнуках. Нахраписто, вооружившись до зубов, уничтожает он все вокруг. Барсук из одноименного стихотворения повествует, как изводили его род. Если бы нору испоганила лиса-туняйка, это было бы понятно. Можно податься в другие леса. Главный враг - люди:

Человек. Ладно б вышел с ружьем.

Да с собакой. Жестоко, но честно.

Я не зря обихаживал дом -

Разветвились отнорки окрестно.

Можно было бы спрятаться в отнорках*, но человек в норы закладывал тол, "обалдев от азарта и водки".

*Грузовик пригонял, чтоб душить,
Выжить газами нас выхлопными...
Как хотелось до мая дожить
Со своими родными!*

*Но с бульдожьей хваткою плуг,
Все бульдозер порушил намедни.
Я - последний, бездомный барсук.
Я - последний.*

Вдруг вправду последний? ("Барсук").

Неужели этот вопрос не дойдет до человека? Плохи тогда дела и у барсука и у его погубителя. А надо бы земле поклониться.

Сострадание вызывает любя боль природы. Поэт переносит беду обитателей леса на себя. Эта примерка дает многое: чужое отчаяние становится понятным. Поэт зовет нас попытаться приложиться к себе неустроенность и разлад, вносимые человеком в тот колодец, из которого пригодится водицы напиться. Одно из стихотворений называется "Раненый грач". Оно не только о граче, но и о человеке, горечи одиночества, важности чувствовать рядом "братство":

*Грач застыл над прозрачным ледком.
Но сумел же, сумел изловчиться -*

*Длинным клювом он, как желобком,
Зачерпнул родниковой водицы.*

*И шатаясь, отправился в бор
В широченных своих шараварах.*

*А над бором знобящий простор
Молодая весна даровала.*

*Ветер сосны до крон просквозил,
Выдирая иголки из кружев.*

*А творцы поднебесных корзин
С молодецкими криками кружат.*

*Грач шагает, крыло волоча.
Кто поможет на небо подняться?*

*Нет ни веры, ни сил у грача...
А без них как подняться до братства? ("Раненый грач").*

* Отнорки - ходы от норы.

Богатством и достоянием России - Руси является слово, русская речь, поставленная в один ряд с солнцем. Она - составная часть России наряду с высокой и трагической историей, природой, национальным характером. Стихотворение "Мост" наполнено знанием слова и восторга перед его возможностями:

*Бежит наша скромная речка
Заре вызревающей встречь -
И это навечно. Навечно,
Как солнце и русская речь! ("Мост").*

В "Величальном" этот же гимн слову:
Как удивительно льётся прозрачная
Русская - русская речь!

Поэт слышит исполнинскую мощь глубинной сути слова. Его стихи - сокровищница исконного нашего языка. Обра- тимся к названию одного из сборников - "Зоревой окоём". Слово "окоём" уже выброшено из словарей, будто его нет и не было. Загляните в популярный "Словарь русского языка" (Составитель С. И. Ожегов), загляните и в другие. Не найдете. А поэт Виноградов убедил читателя в том, что не рассыпалась эта искорка живой речи, жива! Жива, как в середине 19 века, когда его слышал В. И. Даль. В "Тол- ковый словарь живого великорусского языка" внесены "окоём", "око- емный", "окаёмиться", "окаёмок" и отмечена многозначность слова. Одно из значений - "рисунок в чертах, без теней, контур, абрис, об- вод". Это и заключено в названии собрания стихов: обвод, контур. Попробуйте заменить слово синонимами и услышите, как исчезла точность в изображении картины природы и бытия. Слово "зоревой" так конкретно, точно и образно, что невозможно найти ему замену. Зоревой окоём, по сути дела, - кромка зари. Однако знака равенства между ними поставить нельзя: сразу теряется былинная мощь обра- за зоревое окоёма.

Хранительницей "округлости слов" видится провинция:

*Обязаны родине малой
Мы доброй округлостью слов.
Привязаны к речкам, увалам
В густой оторочке лесов. ("Мост").*

Особого исследования требует поэтическая мастерская А. М. Виноградова. Слово всегда точно. Читатель верит, что поэта

Жжет нестерпимо, неистово

Жажда единственных слов.

Стихи то напевны, то наполнены взрывностью звуков. Мелодичность открыла Виноградову дверь в музыку. Ряд из стихов стал песнями и зазвучал в прекрасном исполнении талантливого певца - шадринца Геннадия Фофанова.

Чувство глубинной сути слова позволяет создать узорчатый лексический узор из слуховых омонимов:

Вечерами по воду,

Как на поводу,

Прихожу без повода,

Прихожу и жду. ("Дальнее - недавнее").

А. М. Виноградов - мастер метафоры. У слова открываются многие грани, что обогащает родную речь.

Беспечно весна веселится,

Людей обнимает теплынь.

Но ветры с кавказской границы

Подуют - и хмурится синь. ("Обманчивый март").

Сосна названа боярыней, воробушек - первоклассником. Или вот еще дивные строчки:

Причесавшись гребенкою бора,

Вышло солнце во всей-то красе,

И вприсядку пошел, с перебором,

По излучке туман, по косе. ("У излучки").

Удивительно точны сравнения. Поэт находит их, видя внутреннюю связь предметов: "изба, как бабушка", "Русь, как река", "золотиста луна, как луковица" и т. д.

Метафора вводится и для выражения обобщения наблюдений: "Сегодняшнее безвременье характеризуется как кромешная серость: погода на дворе сырым-сырехонька."

Отбор слов - свидетельство искреннего патриотизма А. М. Виноградова. Можно говорить о любви к русской речи, но её не слышат. Виноградов слышит, оберегает слово и предупреждает современников от искажения родного языка, так как это тоже ведет в потемки:

Что же с нами? Вихляется речь,

Разучились смеяться, похоже...

И детей-то своих оберечь

От грядущих потемок не можем. ("Светлый день").

В 1996 г. Александр Михайлович Виноградов переступил шестидесятилетие. Накоплен опыт жизни и творчества. А сердце осталось молодым. Оно трепетно отзывается на красоту, тревоги и радости человека, природы, сжимается от ощущения возможной завтрасней тьмы, мертвящей тиши. Беззащитное сердце даже в беспросветном тумане стремится открыть людям добро, свет. Виноградов зовет нас подумать над тем, что с нами будет:

Над чем мы душой вознесемся

И что в этот мир понесем

Под солнцем, сияющим солнцем

Над горем, над болью, над злом? ("Под солнцем").

Сам поэт умеет передать не только слово своей малой Родины - Зауралья, но и строй речи. Он напоминает, как богат и могуч разговорный язык. Обратимся к стихотворению "Дальнее - недавнее":

На небе и в заводи -

Лунный каравай.

Жду-пожду, - хоть надвое

Сердце разрывай.

На понурых деревьях -

Сумеречь платков.

И на что надеяться,

Стоя у плотков...

Какая прелесть - "Жду-пожду". Это идет от народного строя речи. Неожиданны в современном языке точные и необычные, заставлявшие заново слова "сумеречь", "загорки", "невзначай". Современное прочитывается древнерусская речь, переплетенная с торжественной высокой лексикой классики 18 века:

Лепит снег искристые узоры,

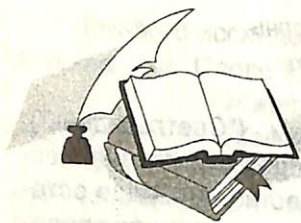
Кружева плетет - и неспроста,

Говоря высоким словом, взору

Древняя открылась ле-по-та. ("Старый лось").

Через родное слово поэт стремится показать "Свет измученным людям".

ПОЭЗИЯ конца XX века

Сложная мозаика направлений, тем, чувств, мыслей зауральской поэзии представлена в альманахах "Тобол". Первый номер вышел в 1994. Забол. Тем последовали второй и третий выпуски. В 1998 году вышел четвертый номер.

Под обложкой альманахов собрались поэты разных поколений, профессиональные литераторы и молодежь, пробующая перо. Различны пристрастия поэтов, степень мастерства и те уголки жизни, которые питают думы и чувства. Заметно очерчены литературные ориентиры.

В. Татаринцев озаглавил свое стихотворение - "Мы" (Тобол, № 4). Название переключает читателя на известную одноименную антиутопию Е. Замятина.

Время в стихотворении очерчено точно - "На склоне постсоветского распада". Кто же мы? - «Мы - это этнос, обретающий себя». Мы - заблудший народ, поверивший словам поводырей, которые

*Державу распустили по домам,
Их ослепленным жадностью глазам
Не разглядеть счастливого исхода.
Мы - Русь, которая,
Как прежде, пляшет, пьёт, поёт,
За фиг работает, косое что-то строит,
И власти по привычке матом кроет,
И волей беззаконие зовет.
А над мирами городов и сел
Объятых неразгаданной судьбою,
Нас осеняет крыльями орел
С шизофренически разъятой головою.*

Оглядывая постсоветский распад, В. Татаринцев приходит к заключению: "Меж перепутий заблудились мы". Горе в том, что дорожки пролагают те же капитаны - слепые поводыри.

О чем боль души поэта? Что его тревожит? О России, её целостности:

*Совместно жить, Россию не дробя,
Объединить в великий хор
Немые голоса семеек.*

Надежды возлагаются на пробуждение народа, отказ от веры в "доброе папашу", трезвое понимание того, что с нами происходит. Как в свое время А. С. Пушкин, В. Татаринцев верит в силу закона: "... лишь он сумеет, // Что не смогли ни воля, ни топор". Мысль глубокая, пушкинская. Хорошо бы, чтобы закон исполнялся и жадными, слепыми поводырями. А. С. Пушкин напоминал, чем заканчивается вольное обращение с законом: тираном или революцией, или преступлением. Это сказано в оде "Вольность".

Итак, стихи В. Татаринцева:

*Мы - этнос, обретающий себя
На склоне постсоветского распада,
И нам за все страдания награда -
Еще не совершенная судьба.
И наш побег из сталинской тюрьмы
С тоской по длани мудрого кумира,
Лишь вещей знак, что на дорогах мира
Меж перепутий заблудились мы.
Стремимся снова к ложным маякам,
Золотим купола попранных храмов.
Пустая трата - те же капитаны
Дорогу пролагают морякам.
Поводыри заблудшего народа
Державу растащили по домам,
Их ослепленным жадностью глазам
Не разглядеть счастливого исхода.
А наша неизбывная любовь
К всевещей власти доброго папаша,
Не изведи кругами судьбы наши,
Ордынским игом обернувшись вновь.
Но памятью нам свет и счастье дай
Без кривды и монгольской плети,
Чтоб Человечий океан - Китай -
Не засосал нас в мхах тысячелетий.
Но верностью скрепи нам наши стяги,*

Но излечи безволие и грусть,
Чтоб на куски не растерзали Русь
Ей имя подарившие и варяги.
Мы - этнос, собирающий себя
Из шаек в правовое государство.
И лишь одно целебное лекарство -
Совместно жить, Россию не дробя.
Объединить в великий хор
Немые голоса семеек.
Закон, лишь он один сумеет,
Что не смогли ни воля, ни топор.
А Русь, как прежде, пляшет, пьет, поет,
За фиг работает, косо что-то строит,
И власти по привычке матом кроет,
И волей беззаконие зовет.
А над мирами городов и сел,
Объятых неразгаданной судьбою,
Нас осеняет крыльями орел
С шизофренически разъятой головою.

(Тобол, № 4).

О России, Руси раздумывает **А. Панченко**. Стихи пронизаны
болью от сознания, что сделали с Отчизной:

Опять страна моя распята
На вновь воздвигнутом кресте.
И в круговерти опостылой
Опять беда, опять разбой.
Помилуй, Боже, нас помилуй,
Всю Русь, забытую тобой.

Как видим, автор надеется не на закон, а на Бога как высшую
справедливость. Это право поэта. Его бы слова, как говорится, да
Богу в уши.

Вызывает недоумение извечный наш вопрос: "Кто виноват?"
Он задан:

Помилуй, Боже, нас помилуй,
Опять терпеть, опять страдать...
Какой неведомою силой
Нас одолел неверный тать?
Каким он словом в нас разрушил

Любовь к Отчизне и себе,
И наши преданные души,
Отдал неведомой судьбе?

(«Россия» //Тобол, №4).

Ответа нет. Теперь, наверное, можно было бы ясно сказать,
кто и чем одолел. Большого секрета уже нет.

Причины сегодняшней российской беды, личностная ответ-
ственность перед временем - вот стержень одного из стихотворений
А. Львова. Оно явно ведет к А. Блоку. Строка А. Львова: "Мы дети
лживых лет". У Блока: "Мы дети страшных лет России".

Истоки того, что "творится", А. Львов склонен видеть в той лжи,
которая окутывала людей чуть ли не с колыбели:

В убогих коридорных закутках
И прочих коммунальных причиндалах,
Где кошками и щами день пропах,
Где нас никто не видит, малых,
Прошли года - прельстительная юнь,
Когда я утром спал до посиненья,
И никогда ни у кого прощения
Не попросил. Командовал июнь
Дворовым детством, где росли мы в травах,
Как одуванчики, настырно и легко.

Из детства вынесена память о вождах, творивших историю, вож-
дах, по мнению поэта, лукавых.

Ласкал нас добрый сталинский прищур
С портретов гладких на стенах беленых.
В два пальца Вовке я в окно свищу,
А после в партизан играем в кленах
На улице на первой заводской,
На улице Восьмого им. Райсьезда,
На Ленина... - к истории такой,
Больной и притягательной, как бездна,
Мы приросли. Мы дети лживых лет.

Будто бы нет вины на том поколении, прожитом ложью:
Оно и вроде - не в ответе, словом, дети,
И нет вины на нас. И крови нет.

Но завершается произведение возвращением к проблеме вины:
Но что ж творится, Господи, на свете?

(«Случайные снегопады» // Тобол, № 4).

О сегодняшнем дне России, о повторении испытаний пишет **Л. Андреева**. Но конец XX века для России, по ее наблюдениям, хуже начала его: общество разъединилось еще больше, прибавилось вранья. Где же выход? Лирический голос поэта звучит взволнованно и призывно. Он заклинает опереться на опыт и энергию предков. Себя Л. Андреева видит среди тех, кто никуда не сбежит, кто будет идти суровой дорогой страны.

РОССИИ

Закрою глаза, и киношные кадры:

Россия во мгле и беде,

В трактирах запой, в ресторациях карты,

И деньги - рекою везде.

Мешочники едут, сидят офицеры,

Бездомные ищут приют.

И сильные люди неведомой эры

В одеждах из кожи идут.

Открою глаза - снова те же картины:

Торговцы, усталый солдат.

И в кожаных куртках крутые мужчины

В своих иномарках рулят.

Уж сотни - не деньги, в ходу миллионы,

Разрушен привычный уют.

И новые быстро стареют законы,

И люди на запад бегут.

Там сытно, удобно и нет потрясений.

Везде чистота, благодать.

И можно прожить, не боясь притеснений,

И вновь революций не ждать.

О, как Немезида жестока к России

Сейчас и во все времена.

Пытались ее извести и осилить

То смута, то мор, то война.

И вновь испытанья. В лихую годину,

Ты выстой, будь предкам верна.

А я уж тебя ни за что не покину,

С суровой судьбою страна.

(Тобол, № 4).

В. Гилев видел опору страны в русском человеке - Иване. Правда, трудно разделить оптимизм поэта по поводу того,

рождаются Иваны, как грибы после дождичка":

Держится Россия на Иванах.

В том ее могущество и крепь,

Что одни лежат в ее курганах,

Но другие сеют ныне хлеб.

И растут в Кургане или Вятке,

Разумом и силой не слабы,

Вани, Ваньки, Ванечки, Ванятки,

Словно после дождичка грибы. (Тобол, № 4).

Н. Писарев перемены к худшему объясняет целенаправленным оболваниванием страны, намеренным погружением ее в бездуховность. Но ведь кто-то организовал беду. Виновные не называются, но ведь и без этого понятно, что не крестьяне из родного Н.Писареву села Сухмени. Для такой "работы" нужны сила, деньги, власть. Поэта беспокоит мощное единство перемен, связанных с материальной и духовной жизнью российского человека. Доверчивых людей взяли в капкан целой системой чужого. В третьем номере "Тобола" опубликована поэтическая подборка Н. Писарева - "Деревня". Поэт отметил как самую большую беду наступление бездуховности на деревню:

Нас учили, как надо работать,

Как писать, что и где говорить...

Научились готовое лопать,

Разучились печь и варить.

Я в деревне родился и вырос

И не слыхивал слова "томат",

И не скромность вошла в "нашу милость"

А "его благородие" - мат.

Ну, так где же собака зарыта?

Кто и где, и чего говорит?

Бездуховное дали корыто -

От того и башка не варит.

О том, что "подсунули бездуховное корыто", утверждают и прозаики. **В. Еловских** делится с читателями увиденным на книжных базарах:

"Хожу по книжным магазинам и остатки седых волос на моей голове поднимаются дыбом. Все полки переполнены толстыми то-

мами со страшными названиями: "Мертвый посетитель", "Остров мертвецов", "Мир смерти", "Смертельный розыгрыш", "Дом, где живет смерть", "Мертвецы в подполье". Названия других книг тоже не шибко веселые: "Счастливая проститутка", "Выстрел в спальне", "Чокнутый", "Убийство в новогоднюю ночь"...

А, может, так только у нас в Кургане? Нет, говорят, и в других городах по книжным полкам без конца гуляет "Счастливая проститутка" (Тобол, № 3).

Оглупляют, по наблюдениям писателя, не только книги, но и фильмы. Герой одного художественного фильма - лейтенант-строевик вел себя довольно чудно, слишком уж напряженно и как-то криково прикладывая руку к "головному убору", а получив приказ от начальника, повернулся через правое плечо, хотя положено через левое. Было ясно, что актер никогда не служил в армии. Да и режиссер тоже.

А другой фильм вовсе удивил меня. Показывали фронтовые будни. На земле лежит мертвый немецкий солдат. И во рту у него папираса. Советский солдат (в его роли выступал очень известный актер) вынул ее изо рта немца, прикурил свою, вложил обратно мертвецу в рот его горящую папиросу и побежал дальше. Какая чушь! Глупая выдумка». (Тобол, № 3).

Немного нужно, оказывается, чтобы даже в провинции начали ловить иностранное слово как эталон, забывая свое, родное. Может быть, не вина, а беда служительницы в управленческом аппарате по сельскому хозяйству, когда она выражает недовольство тем, что к ней обратились по-старинке. Не о департаменте спросили, а об управлении. Вот беда-то, принизили! Не она придумала слово, ей его дали по месту службы. А оно уже ей и понравилось. «Звоню:

- Это областное управление сельского хозяйства?
- Департамент сельского хозяйства. - Голос чуток недовольный: отвечай тут всяким несмышленишам.

А я подумал: "И здесь иностранное слово. Скоро и чихать будем по-американски. Будто нам русских слов не хватает?" (Тобол, № 3).

Видимо, время восторгов по поводу якобы демократических реформ ушло. Поэты, как сговорились, задают и задают вопросы не только о том, что произошло со страной и кто виноват. Громко зазвучал суровый вопрос: "Кто ответит?" **Н. Рождественская** в четвертом номере "Тобола" опубликовала стихотворение о горечи утраты: не

вернулся с войны единственный друг. Это в наше время.

*Не вернулся с войны
Мой единственный друг.
И среди тишины
Я в плену у разлук.
И в плену тех потерь,
Мне не выйти никак,
Тихо стонет метель,
Пеленая овраг.
Снег, как будто бинты,
Как бумаги листок.
Что не вымолвил ты,
Мне не скажет никто.
Ни цветок и ни знак
Не напомнят любя,
Вот и думаю я,
Как прожить без тебя?
Жизнь замкнулась, как круг.
Чья тут горечь вины,
Что единственный друг
Не вернулся с войны?*

Вопросы, суждения зауральских поэтов - часть того, как живет сегодня одно из направлений в отечественной поэзии. Но ответы самостоятельны и освещены в индивидуальной художественной манере.

В неблагоприятные времена поэты не только били в набат, обращаясь к обществу, но и стремились показать, где отдохнуть душе, что прекрасно и надежно. Зауральские поэты видят прекрасное в первозданности природы, показывают как безобразно бездумное, эгоистическое вторжение в нее. Читатель видит, как разнообразна и хороша природа во все времена года и суток. **Н. Писарев** опозитизировал летний светлый день своего края, деревни. Его пейзаж предмелен. Он несет читателям радость соприкосновения с живым: природой и творчеством:

*Светит солнышко, светит яркое,
Разливается надо мной.
И лучи свои льет нам жаркие,
Как весенний дождь проливной.*

Запоем в саду песню скворушка,
Ветерок мотив наберет.
Для тебя, мой край, Русь-сторонюшка,
Я слова любви приберег.
Колосится рожь, цвет набрал овес.
Над лугами крик журавлей.
Слушай, край родной,
Песнь тебе принес,
А слова собрал я с полей.
Я пойду в поля, по росе пройдусь,
Песни новые буду петь.
Слушай, Родина, дорогая Русь,
Как могу тебя не жалеть? (Тобол, №3).

Отцы и дети, связь поколений - тема, волнующая поэтов из Зауралья, традиционна для русской литературы. В нашем крае тема осмыслена в разных аспектах. Интересен подход к ней **С. Коробичина**. Его лирический герой тяготеет отсутствием ощущения корней, незнанием своего родословного древа:

Как тягостно мне и обидно -
Не знаю, кто предки мои.
Не слышно мне их и не видно,
Их дальнейшее время таит.
Я бабушку с дедушкой знаю,
А далее - никого...

В последних двух строках стиха неожиданно возникает образ Древней Руси. Спасибо, к ней интерес не вытравлен. Причастность к истории Отечества дает ощущение земли, корней:

Я древнюю Русь вспоминаю,
В душе в этот миг - торжество.
(Тобол, № 3).

Это стихотворение можно рассматривать как напоминание о том, что нужна человеку история его семьи. Кроме государства каждому из нас необходим укромный уголок - дом, семья.

Нельзя не упомянуть стихотворение **Н. Писарева** "Сыновья". Это всплеск гордости за своих сыновей - трех богатырей, живущих рядом с отцом и матерью в дальней Сухмени. Такие парни нас кор-

мят. Без таких, как они, давно бы заглохло село. А что будет с городом, армией, страной?

СЫНОВЬЯ

У меня три сына -
Три богатыря,
Русская картина,
Просто говоря.
Встанут, как дубочки,
Все стройны, сильны,
Словно, как цветочки
От одной весны.
По деревне нашей
Сыновья пройдут;
Их в округе краше
Не отыщешь тут.
Мать гордится ими,
И я тоже рад.
Видеть их такими -
Выше нет наград. (Тобол, № 3).

Много написано в крае о природе. Звонкая песня пропета дождю. **И. Анисимова** нарисовала зримую картину дождя как обновления природы. Дождь воспринимается не глазами эстета, а глазами крестьянки, которая не устала удивляться тому, как изменяется мир под небесными струями. Стихотворение так и называется "Дождик".

Птицы низко летают,
Птицы мир извещают:
- Скоро туча устанет,
Резвым дождиком станет.
Миг один - под забором
Ручеек заструится.
Шаловливый и скорый,
В долгий путь он помчится.
И мальчишки босые
Понесутся по грязи -
Прямо в струи косые,
В обновляющий праздник,
Вспыхнут вишни, зардевшись,

В переливах зеленых.
И капусты одежды
Захрустят изумленно,
Мир дохнет чудесами,
И, вздохнув для порядка,
Пошевелит усами
Огуречная грядка. (Тобол, № 3).

С. Ильиных показал прелесть мира после ливня, переполненность чувств, освежившихся дождем.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

В небе нимба полукружье
Кротко вспыхнет и растает.
Молча вздрагивают лужи
От шальной ребячьей стаи.
Вот заходится в падучей
Тень холодная - а следом,
Выплывая из-за тучи,
С барских плеч одарит плодом
Солнце - в бархатной короне. (Тобол, № 3).

Лирическому герою **Л. Верхневой** дороги осень, бабье лето, их дивная краса.

БАБЬЕ ЛЕТО

Уж слышно птиц прощанье где-то
До теплой будущей весны.
В лесах гуляет бабье лето
Среди трепещущей листвы.
И дивною своей красою
Порадовать оно спешит,
И лист березы над рекою
Своим дыханьем золотит. (Тобол, № 3).

Н. Рождественскую волнуют осень и зима. Но развернутых пейзажей нет. Детали природы напоминают мимолетный снимок. Они

- повод для раздумий поэта о времени и о себе.
Обожгла рябиновая гроздь,
Лишь рукой дотронулась до ветки.
Так пришел октябрь - неожиданный гость
Ко двору и сердцу незаметно.
Стал сжигать листву в кострах ночных.
Было в них тепла и жара мало.
Мне ночами снились злые сны.
Мама поправляла одеяло.

Осень сбросила с утра
На дорогу листья.
Был любимым ты вчера -
Стал сегодня лишним.
Без волнения беру
Трубку телефона.
Это, верно, не к добру -
Думаю спросонок.
Бьёт чечетку у окна
Дождь почти осенний.
Остаюсь на век одна
В это воскресенье.

(Тобол, № 3).

Переполнен человек счастьем от возможности прикинуть к живительной холодной влаге колодцев. Колодцы в одноименном стихотворении 1968 года **И. Ягана** - реальный образ и иносказание. Реальный образ понятен: глубокий колодец с ледяной водой, освежающей и бодрящей. Метафора тоже знакома. Колодец с чистой водой, родник, ключ являются иносказанием источника вдохновения. Для лирического героя **И. Ягана** важнее добыть воду ледяную, освежающую, веселую, хотя достать ее нелегко. Можно пить из другого колодца - из которого льется. Но вода там другого качества. Нет в ней радости прилива сил, свежести - того, что нужно для творчества.

КОЛОДЦЫ

Из колодца вода льется...
Не люблю таких колодцев.
По душе мне те колодцы,
Где водица достается.
Звонко срубленные срубы,
В кольца схвачен вороток.
Поработай, чтоб пригубить,
Чтоб хватить огня глоток.
Поломай немного спину,
Чтоб потом, припав к ведру,
Невзирая на ангину,
Пить, холодную, в жару.
Пить не так, как пьют из блюда,
Пить, чтоб выпить полбадьи,
Пить и видеть, как смеются
Из воды глаза твои... (Тобол, № 4).

Своеобразен зимний пейзаж **С. Ильиных**. Он воссоздан с помощью метафоры и является средством раскрытия большого чувства:

А снег сегодня - словно ранен -
Бросает клич со странным воем...
Давай заблудимся в буране
И на двоих его присвоим.
Мы тоже ранены с тобою!
Пойдем - и пусть буран узнает:
Ему не сладить с той любовью,
Что нас томит и обжигает.
Мы будем смело целоваться,
А чтобы он не реался зверем -
На тур декабрьского вальса
Ты пригласишь его, уверен.
Потом устроим славный ужин,
И чтоб не знал буран печали -
Давай с людьми его подружим...
Ну что, согласна? Побежали!

Зауральским снегом, кажется, не удивить. Но **В. Мельников** удивил. Снег идет, снег идет. Чисто, холодно, но не мертво. Снег живет своей чарующей жизнью, оттеняя тепло чувств, доверенных бу-маге.

СНЕЖНЫЕ МОТИВЫ

Снег идет, снег идет на дворы, деревья, крыши.
Снег идет, снег идет белой пленой.
Ты меня сейчас не ждешь и, конечно, не услышишь
И хотя ты стала ближе, все равно ты не со мной.
Снег идет, снег идет, языком холодным лижет.
Снег идет, снег идет, тает на лице.
Не гадаю наперед, ничего там не увижу.
Не терплю пророков книжных и святош, пусть и в венце.
Снег идет, снег идет, опускается на плечи.
Снег идет, снег идет, стелется ковром.
А в твоих окошках свет, но меня он не излечит.
Я пришел к тебе навстречу, не сказав тебе о том.
Снег идет, снег идет, во дворе твоём все тише.
Снег идет, снег идет, как под Новый год.
А любовь мне душу жжет. Знаю, не нужна афиша,
Но рука сама все пишет, эти чувства выдает.
Снег идет, снег идет (Тобол, № 3).

Привлекают стихи зауральских поэтов стремлением рассказать о любви. Все поэты находят свои, неповторимые слова и форму передачи чувства. Стихотворение **А. Чиркова** строится на противопоставлении: ты и я. Лирический герой переполнен любовью, но очень трезвой. Он понимает, что значит в жизни любимой и что представляет собой она. В характеристике героини важен символ: стрекоза. Понимает герой, - все понимает, но у любви свои законы:

В моих глазах - твои глаза
Молчат, крича,
Но улетела стрекоза,
Треща, с плеча.
В твоих глазах любовь и боль,

В моих - вопрос.
Еще в твоих - морская соль
И медный купорос.
В твоих руках - рябины кисть,
В моих - струна.
Со мною снежно-белый лист,
А ты - одна.
Со мною мой последний бой,
Цветы на льду.
А что останется с тобой,
Когда уйду?

(Тобол, № 3).

О горечи сгоревшей любви узнает читатель из стихов **О. Хейлик**. Боль такая, что хочется предостеречь других. Предостеречь и пожалеть.

НУ ВОТ И ВСЕ

Ну вот и все. Любовь сгорела,
Угас пылающий костер.
Ты поступил со мной бесчестно,
Укравши сердце, словно вор.
Ты брал ладонь мою, целуя
И словно в небесах витал.
Ты ворковал: "Тебя люблю я",
Но ты мне лгал, ужасно лгал.
А я, наивная девчонка.
Так верила твоим словам,
Что мое сердце билось звонко.
Теперь плачу по всем счетам.
Но то, что было, - мне наука.
И на кого теперь пенять...
Но, не дай Бог, еще кому-то
Подобной боли испытать.

(Тобол, № 4).

Всегда интересно узнать, как поэт оценивает свое творчество, что из написанного дорого. Беседуем об этом с **Л. А. Тумановой**. Она назвала среди новых произведений "Бегу, бегу воспоминаний".

Бегу, бегу воспоминаний
О милой юности моей...
Где счастливых так много дней -
Еще далек мой час страданий.
Когда Звезда моя взошла,
Самой не верилось в удачу
И мнилось: чудо - не иначе!
Но не вскружилась голова.
Сквозь тернии пролег мой Путь,
От роз усыпанный шипами...
Босыми шла по ним ногами -
Молилась: "Дай мне не свернуть!"
...Господь, Тебя ль благодарить
За песни, за Любовь и сцену?!
Хотя невыносимую цену
Пришлось за это заплатить.
Я смысл не силюсь разгадать...
И там, в глубинах подсознанья,
Бегу, бегу воспоминаний
И... возвращаюсь к ним опять.

Слушателей разных поколений согревал нежностью "Голубой звездопад" (1968).

Уж завяли цветы и смешались с травой,
Все деревья, кусты отшумели листвою.
Посмотри, снег летит...
Дай же руку скорей!
Пусть зима посидит
На ладони твоей.
Где-то есть - вы слышали? -
Голубой звездопад...
А снежинки, как жаль,
Уж рососою блестят.
Иней звездным ковром облепил все дома,
Лужи стали стеклом, провода, как тесьма.
Посмотри, снег летит...
Дай же руку скорей!
Пусть зима посидит

На ладони твоей.
Пессимисты твердят:
- Что впустую мечтать?
Голубой звездопад
Все равно буду ждать.

Так бывает, что враз поседали поля,
Раз в году, только раз в белой пене земля.
Посмотри, снег идет...
Дай же руку скорей!
Пусть зима отдохнет
На ладони твоей.
Звездам хочется сесть -
Вот они и летят...
Может, это и есть
Голубой звездопад?

Если ты зиме рад,
Про себя попроси:
- Голубой звездопад,
Счастье мне принеси.

Легкой иронией, грустью, искренностью пронизано стихотворение "Придворная артистка". Оно напоминает о детстве, доброте окружающих и жизненной трагедии. Заканчиваются стихи 1981 года строкой: "Вот артистка не сбылась". Сбылась. Сбылась наперекор жестокости.

Ближе мне всего, конечно, осень -
С ней судьба моя переплелась...
В октябре прохладном, утром росным,
С солнечным лучом я родилась.
Хлопотали возле сестры, няни,
Звонкой голосистости дивясь,
И пророчили: "Артисткой станет!"
Мама улыбалась: "В добрый час..."
Выросли мы в тесном многолюдье,
Где все знали, кто и как живет.
Вечером во двор сходились люди -
Отдохнуть от дел и от забот.

И велись неспешно разговоры,
Тут же у скамеек - малыши...
И соседка тетка Милодора
Вдруг просила: "Людочка, спляши!"
Подбоченься, в круг я выбегала,
Стоптанным стучала башмачком
И себе тихонько напевала
Плясовую тонким голоском:
- А Лявониху Лявон полюбил,
Лявонихе черевички купил.
Лявониха - душа ласковая,
Черевичками поплясывапа...
Так легко, так весело кружиться
Было мне!... И разве знала я,
Что у зрителей добрели лица,
Ощущая радость бытия.

Позабыв житейские невзгоды,
Хлопали "артистке" не скупясь...
Было мне тогда всего три года!
Было... Вот артистка не сбылась.

Да что Вы, Людмила Анатольевна! Сбылась, сбылась! Выступления Л. Тумановой - всегда праздник. Они находят отклик в сердцах людей разных поколений, о чем свидетельствует архив Людмилы Анатольевны. В нем 600 писем со всех концов страны. Поэты из Зауралья внесли в литературу свое слово о поэзии, своем месте в истории поэтического слова. В стихотворении А. Львова "Поэтам" еще раз сказано о тяжелой доле поэтов, нетленности великих имен, непрерываемости нити творчества, сотканной веками. Были Адмиралтейская игла, золотой Петербург, серебряное Царское село. Были. Но на них не завершилась поэзия, "мальчики в Сибириях и Кавказах" пишут стихи.

Ни ангелам, ни демонам надгорным
Трагичного не развязать узла.
На остров мертвых, к кипарисам черным
Уж сколько вас ладья перевезла!
Весло беззвучно, тяжело и сыро.
Но умирать - не ваше ремесло.
Прозрачный, вплоть до первой тверди мира,
Небесный цвет вам в души занесло.

В Елабугах, Воронежах, Нью-Йорках
 Вас выключали, исключали из.
 И был всегда, как дождь в оконных створках,
 Непредсказуем вечный ваш каприз.
 Палаты слов и из бумаги латы
 Не защищали бранные тела.
 Но вы вздымали, как копьё расплаты,
 Непрочность легковесного стила.
 И пусть вас умоляют, убивают,
 Заковывают в бронзу и гранит.
 Поэтов на Руси не убывает -
 Нельзя порвать связующую нить.
 Через века мы смотрим друг на друга -
 Светла Адмиралтейская игла!
 Поэты золотого Петербурга,
 Серебряного Царского Села,
 Москвы золотоголовой, узкоглазой,
 России - порождения стихий.
 И мальчики в Сибирих и Кавказах
 Ночами пишут страшные стихи.

(Тобол, № 3).

Верится, что лучшая поэзия - еще впереди. Об этом откровенно написала **И. Анисимова**:

Лучшая песня еще не сложилась,
 Главное чудо еще не сбылось...

ЛИТЕРАТУРА

В. П. Бирюков

1. Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936.
 2. Бирюков В. П. Уральские сказки. Челябинск, 1940.
 3. Бирюков В. П. Фольклор Урала: исторические сказки и песни (дооктябрьский период). Челябинск, 1949. Вып. I.
 4. Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953.
 5. Бирюков В. П. Урал советский. Курган, 1958.
 6. Бирюков В. П. Крылатые слова на Урале. Челябинск, 1960.
 7. Бирюков В. П. Записки уральского краеведа. Челябинск, 1964.
 8. Бирюков В. П. Уральская копилка. Свердловск, 1969.
 9. Панов Д. А. Уральский краевед и писатель Владимир Павлович Бирюков. Шадринск, 1958.
 10. Владимир Павлович Бирюков //Крат. указ. лит. Курган. обл. библиотека: Сост. Б. М. Грецкий. Курган, 1963.
 11. Владимир Павлович Бирюков (К 90-летию со дня рождения): Указ. лит. /Курган. обл. библиотека / Сост. Б. М. Грецкий. Курган, 1978.
 12. Владимир Павлович Бирюков // Календарь знам. и пам. дат: Курган. обл. 1988. Курган, 1987. С. 23-24.
 13. Владимир Павлович Бирюков // Календарь знамен. и памят. дат: Курган обл. 1993. Курган, 1992. С.24-25.
 14. В. П. Бирюков - ученый, писатель, краевед // Краеведческий сборник. Курган, 1994. Вып. 7.
 15. Виноградов А. "Какой я, к лешакам мудрый!"// Из воспоминаний// Шадринский курьер. 1996, 10 сентября.
 16. Иовлева В. Н. Шадринская старина // Краеведческий сборник. Шадринск, 1995.
 17. Бирюковское наследие. Шадринск, 1998. Т.1.
- А. С. Виноградов**
18. Добрая весомость. Челябинск, 1967.
 19. Отроги. Челябинск, 1984.
 20. Апрель первозвонный. Челябинск, 1988.
 21. Зоревой окоём. Шадринск, 1996.
 22. Природы облик - в зеркале души. Шадринск, 1997.
 23. Юровских В. Россия - Русь Александра Виноградова //Зоревой окоём, с. 5-10.
 24. Перунова А. Добрая весомость// Шадринский курьер. 1996, 6 августа.
- В. И. Еловских**
25. Спецпереселенцы. Курган, 1993.
 26. Логачев Ю. Доброе сердце //Челябинский рабочий. 1966, 28 декабря.
 27. Безрукова Л. Высокий и строгий накал // Молодой ленинец. 1967, 31 марта.
 28. Коробейников И. Сила добра // Советское Зауралье. 1967, 29 апреля.
 29. Потанин В. Ф. Щедрость мастера // Советское Зауралье. 1994, 25 января.
 30. Федорова В. П. Под молотом: О повести В. Еловских "Спецпересе-

ленцы" // Наш современник. 1989, №8. // Советское Зауралье. 1989, 27 сентября.

А. Н. Еранцев

31. Вступление. Челябинск, 1963.
32. Горсть земли. Челябинск, 1970.
33. Звезда в траве. Челябинск, 1990.
34. Бендик Л. Вступая в незнакомый город // Молодой ленинец. 1963, 8 декабря.
35. Никишов Ю. Откровений жаждущий // Урал. 1974, №12. С. 137-145.
36. Черницына С.А. Народно-разговорные элементы в поэтическом языке А.Н.Еранцева//Земля Курганская: Прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Курган. 1972, №3. С.143-147.
37. Веселов В. Испей добра и душу отвори// Курган и курганцы. 1996, 27 февраля.

В. А Жуковский

38. Курочкин Ю. Уральский вояж поэта Жуковского // Рифей: Уральский литературно-краеведческий альманах. Челябинск, 1981.

А. Н. Зырянов

39. Зырянов А. Н. Промыслы в Шадринском уезде. Шадринск, 1997.
40. Янко М. Д. Писатель-краевед А. Н. Зырянов // Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1968. Выпуск IV. С. 131-149.

М. С. Керченко

41. Жизнь золотого роя. Курган, Парус - М., 1994.
42. Я встретил Вас.... Курган, Периодика, 1990.
43. Город слез и тополей. Курган, Периодика, 1992.
44. Золото в лазури. Курган, 1995.
45. Остров Волшебницы Кандиды. Курган, 1996.
46. Чудесные сказки Чародея. Курган, 1997.
47. Человек все может // Янко М. Д. Советские писатели Зауралья. Курган, 1973. С. 154-159.

Л. И. Куликов

48. Еловских В. Янтарные соты // Советское Зауралье. 1982, 25 июля.
49. В. Потанин. Кладовая солнца // Зауралье. 1994, 21 октября.

Л. И. Куликов

50. Скоро в школу. Стихи. Челябинск, 1951.
51. Кораблик. Стихи. Курган, 1953.
52. Как ежик стал колючим. Сказки. Челябинск, 1955.
53. Младшая сестра. Стихи. Курган, 1956.
54. Храбрый Василек. Сказки. Челябинск, 1958.
55. Про кота. М., 1958.
56. Янко М. Д. Поэт для детей. (129. С. 140-143.)
57. Фейерабенд Е. Традиция и современность (О книге Куликова "Стихи и сказки") М., 1975.

58. Белоусов Д. А. Книги писателей Зауралья в нашей школе // Литература в школе. 1973, № 1. С. 65-67.
59. Баруздин С. Только ли поучительно? // Дружба народов. 1978, №11. С. 277-278.

В. К. Кюхельбекер

60. Избранные произведения. Библиотека поэта. Л. 1959.
61. Лиханов А. Тобольский узник. // Смена. 1975, № 20.
62. Их именами названы улицы Кургана. Курган, 1976.

63. Розов С. Над рекой Тоболом. // Литературная газета. 1977, 28 декабря.

64. Янко М.Д. (127. С. 3-12).

М. Ю. Лермонтов

65. Лорер Н. И. Записки декабриста, Иркутск, 1984. С.268-276.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

66. Охонины брови (любое издание).
67. Янко М. Д. Д. Н. Мамин-Сибиряк (127. С. 50-60).
68. Сержантов В. Г. Писатель-демократ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Челябинск, 1952.
69. Удинцев Б. Из записных книжек Д. Н. Мамина-Сибиряка. // Южный Урал. 1952, № 8-9.
70. Боголюбов Е. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. М., 1953.
71. Груздев А. Д. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. М., 1958.
72. Дергачев И. России - об Урале // Урал. 1991, №7. С. 167-171.

В. С. Меньшиков

73. За борами за дремучими. Челябинск, 1991.
74. Федорова В. П. Ладное согласие // Советское Зауралье. 1991, 14 ноября.

А. Ф. Мерзляков

75. Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Вст. ст. Ю. Лотмана. Л. 1958.
76. Янко М. Д. А. Ф. Мерзляков (127, С. 12-14).
77. Магидсон С. Кто твой учитель (О жизни и творчестве Мерзлякова). / Народное образование. 1990, № 12.
78. Иванчикова А. Ф. Мерзляков - поэт, критик, переводчик // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краев. Сборник. Вып. I. Курган. 1990. С. 91-94.

К. Д. Носилов

79. Северные рассказы. Свердловск. Два издания, 1937-1938.
80. Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала. Свердловск, 1956. Т. 1.

81. Янко М. Очерки и рассказы К. Д. Носилова // Ученые записки Курганского пединститута. 1958, Вып. 1.
82. Янко М. Д. К. Д. Носилов (127. С. 25-31).
83. Омельчук А. К. К. Носилов. Свердловск, 1989.
84. Осинцев Л. П. Носиловские дачи. Курган, 1993.

В. Ф. Потанин

85. Потанин В. Тихая вода. Повести и рассказы М., 1976.
86. Шицов В. Люди отчего края // Знамя. 1968, № 10.
87. Селезнев Ю. Мужество добра // Вечное движение. М., 1976.
88. Янко М. Д. Назначение человека - творить добро (129. С. 143-146).
89. Богатко И. Размышление над чувством. М., 1990.

А. С. Пушкин

90. Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
91. Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
92. Ручьев Б. А. Собрание сочинений: В 2 т., Челябинск, 1979.
93. Павловский А. Поэты-современники. М., 1966.
94. Гальцева Л. Высокое открытие. Челябинск, 1973.
95. Янко М. Д. Поэзия мужества и любви (129. С. 78-84).

96. Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 203-278.
- В. Трегубов**
97. Книга памяти. Воины - интернационалисты Курганской обл., Курган, 1995.
- Г. П. Устюжанин**
98. Главы из повести "Жестокий ветер афганец" // Молодой ленинец. 1989, №№ 4, 5, 6, 7, 8.
99. Устюжанин Г. А. еще был случай ... Фронтовые и житейские были. Курган, 1990.
- Е. А. Федоров**
100. Федоров Е. А. Шадринский гусь. Курган, 1953.
101. Дашевский В. А. Уральская тема в творчестве Е. Федорова. Курган, 1964.
102. Янко М. Д. (129. С. 61-67).
- В. П. Федорова**
103. Федорова В. П. Клёны //Тобол. 1995, № 2.
- К. К. Худяков**
104. Сибирь. Стихи. Курган, 1916.
105. Родные просторы. Стихи. Челябинск, 1966.
106. Поэты Урала. Антология: В 2-х тт. Свердловск, 1976. Т.1.
107. Малютин Ив. Забытый поэт старого Кургана //Красный Курган. 1958, 31 августа.
108. Янко М. Д. // К. К. Худяков. Родные просторы. Челябинск, 1966.
109. Янко М. Д. Худяков К. К. (127. С. 75-83).
- А. К. Югов**
110. Слово о полку Игореве. Перевод А. К. Югова (любое издание).
111. Горелов Ал. Жизнь в слове // Нева. 1962, №8. С. 176-178.
112. Янко М. Книга о русском слове // Советское Зауралье. 1962, 28 ноября.
113. Янко М. Книга о судьбах народа //Советское Зауралье. 1967, 6 апреля.
114. Каргалов В. В. Древняя Русь в советской художественной литературе. М., 1968.
115. Хватов Н. Судьбы Родины, судьбы слов // Наш современник. 1977, № 3. С. 183-186.
116. Серебровский В. Первопроходец // К 850-летию Москвы. М., 1987, № 3. С. 182-186.
117. Яган И. Учитель: К 90-летию Югова // Советское Зауралье. 1992, 21 марта.
118. Смирнова А. Огромен мыслительный полет. // Новый мир. 1997, 29 марта.
119. Янко М.Д. Чтобы цвела земля (127. С. 88-97).
- И. П. Яган**
120. За Сибирью солнце всходит...: Повести. Челябинск, 1984.
121. Куда ни поеду, куда ни пойду... Документальная проза. Челябинск: 1989.
122. Ветер времени: Стихи // Советское Зауралье. 1984, 30 сентября.
123. Веселов В. Тепло родства // Молодой Ленинец. 1984, 19 июля.
124. Юровских В. Исповедь писателя // Советское Зауралье. 1989, 30 августа.

125. Яган И. П. // Кто есть кто в Курганской области. Биографический справочник. Курган, 1994. С. 281.

М. Д. Янко

126. Янко М. Д. Внеклассные занятия литературным краеведением. Курган, 1957.

127. Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган, 1960.

128. Янко М. Д. Литературное краеведение в школе. М., 1965.

129. Янко М. Д. Советские писатели Зауралья. Курган, 1973.

Сказки

130. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3-х томах. М., 1957.

131. Уральские сказки /Сост. В. П. Бирюков. Челябинск, 1940.

132. У kota-баюна /Сост. В. П. Федорова. Челябинск, 1992.

133. Сказки Шадринского края /Сост. и собиратели В. Н. Бекетова и В.

П. Тимофеев. Шадринск, 1995.

Исторические песни

134. Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904-1906.

135. Бирюков В. П. Исторические сказки и песни (Дооктябрьский период) Челябинск, 1949. Вып. I.

136. Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953.

Лирические песни

137. Федорова В. П. Народные лирические песни в современном Зауралье. Курган, 1974.

138. Ивушка - ракитовый кусток /Сост. В. П. Федорова. Челябинск, 1983.

139. Иванов-Балин Г. И. Русские народные песни Зауралья. М., 1988.

140. Русский фольклор //История Курганской области. Курган, 1996. Т. 2. С. 371-427.

141. Федорова В. П. Аграрно-любовная магия в игровых песнях Зауралья // Итоги и задачи регионального краеведения. Материалы Всероссийской конференции по историческому краеведению состоявшейся в Кургане 6-7 мая 1997 г. Курган, 1997. Ч. II. С. 5-9.

Свадьба

142. Федорова В. П. Уроки старинной русской свадьбы. Курган, 1987.

143. Федорова В. П., Подгорбунских Н. А. Русская семья в Зауралье.

Курган, 1997.

144. Федорова В. П. Свадьба на Ирюме. Челябинск, 1991.

145. Федорова В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обы-

чаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997.

146. Розан, мой розан / Сост. В. Н. Бекетова. Шадринск, 1998.

Детский фольклор

147. У kota-баюна /Сост. Федорова В. П. Челябинск, 1992.

148. По Тоболу по реке (Сборник частушек для детей) / Сост. Э.Чебыки-

на. Курган, 1995.

149. Ехал Сенька по воду /Сост. В. Н. Бекетова и В.П. Тимофеев. Шад-

ринск, 1996.

Частушки

150. Быстра реченька бежит / Сост М. Д. Янко. Челябинск, 1982.

151. Любит не любит: Частушки Зауралья / Сост. В. П. Федорова.

Курган, 1996.

152. Пойте, девушки, припевушки: Частушки Шадринского края / Сост.

В.Н. Бекетова. Шадринск, 1996.

18-00

Содержание

Константин Дмитриевич Носилов	3
Кондратий Кузьмич Худяков	22
Борис Александрович Ручьев	31
Виктор Федорович Потанин	39
Иван Павлович Яган	46
Василий Иванович Еловских	53
Геннадий Павлович Устюжанин	77
Валентина Павловна Федорова	100
Михаил Степанович Керченко	113
Алексей Никитович Еранцев	127
Александр Михайлович Виноградов	138
ПОЭЗИЯ конца XX века	152
ЛИТЕРАТУРА	171

Фольклор и литература Зауралья
Учебное пособие для учителей и учащихся
(5 - 11 классы)
2 часть

Подписано в печать 18.09.2000 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 10000 экз. Заказ 2723.
Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ШМРТ.
641100, Курганская обл., г. Шумиха, ул. Гагарина, 52

18.00